

Иван Васильев

Техноангелы

18+

Иван Васильев

Техноангелы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56100943

SelfPub; 2020

Аннотация

Часто ты жаждешь чуда, но окажешься ли ты готов к тому, когда чудеса, добрые и не очень, ворвутся в твою жизнь? И привычный мир вокруг вдруг сменит свое лицо, а после неведомая сила бросит тебя в другой мир, что потом тебя будут ждать новые и новые испытания. А в конце тебя будет ждать не награда... Но что же тогда? Простые ребята – Вика, Маледикт и Джестер оказались втянуты в круговорот чудес и интриг созданий, что вершат судьбы миров. Как же им пройти через все это и не потерять при этом самих себя? Книга называется Техноангелы. Она представляет собой фантастический роман о приключениях главных героев в других мирах и обретении ими самих себя.

Шаг первый: Разговор в аське.

12:00 (Вика)

Привет соня хватит спать!))))))

12:00 (Maledict)

Блин отключу нафиг звук в аське токо лег

12:01 (Вика)

Вот так ты здороваешься бяка я обиделась))))))))))0

12:03 (Maledict)

Ну солнышко прости ну не спал всю ночь

12:03 (Вика)

До какого уровня дошел?))))))

12:04 (Maledict)

74 язва))))))

12:06 (Вика)

Опять в свой вов рубишься ночами напролет))))))))))))) А погулять сходить? А в конце концов устроить мне романтический ужин при свечах? Как тебе такая ачивка?)))

12:08 (Maledict)

Вик да слуш надо будет нам как нить сходить куда нить вместе)))) А то совсем уже зарос мне уже вов снится стал))))

12:09 (Вика)

Ну тогда герой Азерота реши куда пойдём и когда и не забудь мне сказать))))))

12:10 (Maledict)

Хорошо Вик подумаю ток немного и сразу те скажу идет?)

12:10 (Вика)

Договорились)))))) Ну все солнц пока, буду ждать))))))))))

Парень с заспанным лицом откинул с лица спутанные волосы, вставая от компьютера и направляясь на кухню, решив, что утро уже все таки наступило, и заснуть опять не получится. Да, его действительно разбудил звук сообщения в аське. Вика – его собеседник была чудесной девушкой, и как следовало из разговора, они встречались. Подумать только, еще пару месяцев назад он не думал, не гадал, что такое чудо войдет в его жизнь, а она возьми и появись, да еще при таких обстоятельствах... Воспоминание о том, как они познакомились, всегда заставляло его улыбаться, улыбнулся он и теперь. Налив себе кофе, он сел за стол, задумавшись над тем, чем сейчас заняться. Обещание сводить куда-нибудь Вику он, конечно, сдержит, но сейчас еще рано для их совместных походов куда-либо. Но сейчас уже утро, а ходить с девушкой лучше все же вечером, когда мир вокруг становится таинственным и темным, и вообще, все кругом дышит такой приятной романтикой и очарованием. А пока...

Вообще то, сегодня выходной, и значит можно заняться чем-нибудь приятным. Но с другой стороны его работа не ждала, сроки конечно еще не поджимают, но все же лучше раньше, чем позже. После некоторых раздумий, парень, называвшийся в аське Маледикт, решил немножко помедитировать. Душа, так сказать, требовала. Глядишь потом и по-

работать можно будет, и идеи появятся куда Вику сводить.

Занавесив окна в комнате, Маледикт принял медитативную позу, сидя на своей кровати, и постепенно мир стал плыть вокруг него, растворяясь в грезах медитации. В таком состоянии у него нередко возникали новые свежие идеи, да и мир как то становился добрее. После работы это помогало ему расслабиться, да и будни становились для него не серыми а... Ну скажем так в сером цвет появлялось множество новых оттенков. Как обычно он ощутил вокруг себя сияние, чувствуя себя частью этого сияния, паря в теплом течении... Он оставил мысли о том, что иногда терзало его. Иногда ему казалось, что мир вокруг не таков, что он должен быть другим, что он сам должен измениться, но как? На этот вопрос Маледикт не находил ответа, даже в своих медитациях. Они лишь позволяли ему смириться и жить дальше. Хотя теперь, когда в его жизни появилась Вика, мир стал чуточку добрее и солнечнее, светлее, красивый как её улыбка...

Красивая стройная девушка, выключая компьютер, улыбалась своим мыслям. Привычно она надевала свои любимые стоптанные кроссовки, собираясь на пробежку. Маледикта иногда надо просто силой от компьютера тащить, а то он полжизни проведет, играя в World of Warcraft, Doom да вообще во что угодно. Даже именоваться он предпочитает ником из компьютерной игры, ну что за человек! Тем не менее, они были вместе уже два месяца, и при этом, са-

мое странное, у них не было споров или разногласий, почти никогда. Они оба ощущали, что нашли друг друга, по крайней мере, так считала Вика. На ходу вдевая в уши бусинки наушников, она закрыла дверь и быстро сбежала по лестнице. Пробегая мимо небольшой церквушки, где шла утренняя служба, она направилась в парк, привычно подпевая мелодии в наушниках. Ей нравилось так бежать одной по утрам, особенно по выходным, когда город еще спит, и она словно одна во всем мире. В такие моменты ей казалось, что мир только родился и вот, она бежит ему навстречу, а он быстро разворачивается перед ней, стремиться показать ей себя, как ребенок, который выучил новый стишок, и захлеб стремиться рассказать его всем окружающим. Помнится, Маледикт, называл это медитацией, он говорил, что для этого не обязательно принимать всякие там позы, хотя и сам делал именно так. Станный он человек, но она, наверное, любила его, по крайней мере думала так...

Ну ладно, история все же течет своим чередом. К таким мыслям пришел еще один герой нашего повествования, окончив занимательное чтение очередной книги, где автор – известный, где только можно профессор, излагал свою августейшую точку зрения на некоторые исторические события. Ха, можно подумать, что то что он тут расписал на 200 страниц, практически бездоказательно, но, тем не менее, с большим пафосом описывая различные гнусности, творимые ис-

торическими лицами, про которых он до сих пор считал, что они были людьми исключительно благородными и добропорядочными, что то изменит и лицо мира в одночасье измениться и приобретет угодные мэтру очертания. Ради интереса наш герой читал многие такие произведения, про себя он посмеиваясь называл их фантастикой, причем по своей надуманности посильнее всех авторов, которые когда либо писали про всяких там эльфов, гоблинов и прочие штучки. Ну по крайней мере, те авторы честно говорили, о том, что они пишут выдуманные истории. А эти профессора все никак не могут договориться между собой, один противоречит другому и каждый уважаемый и является непререкаемым авторитетом. В общем все это давало неплохое занимательное чтение, иногда в те моменты, когда хотелось почитать чтонибудь этакое... Ну, и потом на эти книжки удобно было ставить кружку с кофе или чаем. Возможно, именно поэтому я предпочитаю, чтобы меня звали Джестер, подумал улыбающийся парень откладывая книжку. Да, он иногда ощущал себя таким, шут, который своими шутками делает жизнь более сносной. А иногда ведь хочется поменять её, да и не просто поменять, а прямо таки взять и перевернуть все с ног на голову. Такие мысли нередко навевали на него некую меланхолию, или как назвал бы её Пушкин хандру. Впрочем, Джестер, слывший среди друзей неистребимым оптимистом и весельчаком, предпочитал не впадать на людях в меланхолию, и наверстывал упущенное в такие моменты одиноче-

ства. Тем не менее, он успокаивал себя тем, что просто он провел за книжкой всю ночь, и ему банально хотелось спать. Да, наверное, это так. Мысли его снова вернулись к замшелым профессорам и их непререкаемым авторитетам. Да везде можно увидеть тоже самое. Во всех сферах жизни, везде есть какие-то авторитеты, знающие люди, которых ты не мог послушаться. Ну и все что остается это посмеиваться над ними. Впрочем, Джестер не умел долго отчаиваться, ведь он не только слыл веселым раздолбаем и жизнелюбом, а он и был таким. Зевнул, он взглянул на часы, решив, что сейчас можно и баиньки, а вечером повеселиться в тесной компании друзей. Вот только ради этого, а также вот ради ребят и стоило жить...

Devil is a Loser, he is my bitch! – распевал во все горло Маледикт. Настроение у него существенно повысилось после медитации, и он слушал музыку, оформляя сайт. Да работалось несравнимо лучше, чем в будни, несмотря на бессонную ночь. Эх, спасибо Вике, что подняла его пораньше. Планы насчет вечера еще не оформились в голове, но по крайней мере, идея уже появилась. Вика что то говорила, про ужин при свечах? Ну чтож, почему бы нет? Вполне себе ничего идея, разве что конечно надо будет соответствующе оформить свое скромное обиталище для романтического ужина... Как всегда тянет соригинальничать, ну куда же без этого? Устанавливая флеш-заставкой при входе на сайт анге-

ла, одетого в потертую косуху и мчащегося на байке, Маледикт улыбался, представляя себе как удивиться Вика, и ему даже казалось, что ангел улыбается ему и подмигивает. Да уж заказы к ним поступают исключительно оригинальные, чего этот ангел стоит. Обычно такие заказчики требуют украсить сайт банально цепями или там колючей проволокой, а этим вот захотелось ангелов-рокеров. Нет, ну он сам поклонник тяжелой музыки, но как-то никогда до такого не доходил. Ну, впрочем, идея все равно интересная. Конечно, это как то не вязалось ни с антуражем ангелов, ни с антуражем рокеров, но, по крайней мере, это не вписывалось ни в какие рамки, как Маледикт и любил. Ладно, оставим ангелов в покое, лучше подумаем над идеей, чем сегодня порадовать Вику. Хм... Да неплохо, сделать такой тематический вечерок, благо и музыку тут можно подобрать соответствующую. Похоже, так ангелы повлияли на него, или надо было меньше слушать Distorted Memory, потянуло на какую-то библейскую тематику. Впрочем, Вике наверняка понравится, тем более необязательно так весь вечер проводить. Значит, подытожим, подумал Маледикт. Делаем вечер с атмосферой наступившего Апокалипсиса – будто бы они одни остались на земле после Страшного Суда, и Небеса про них забыли... Право слово мрачновато, впрочем некая философия тут есть – один парень помнится писал, что если бы после конца света можно было бы сбежать, и остаться на земле, это было бы истинной свободой, когда над тобой нет ни добра, ни зла, ничего

вообще только ты один, и может небольшая группа тех, кто считал также как и ты. Оформить в соответствующем стиле свое жилище несложно – нужно будет только создать атмосферу эдакого конца, а свечи поместить в старые такие пыльные подсвечники, дабы создать атмосферу того, что вокруг все покинуто и брошено, и они действительно одни во всем мире. Ну и музыку... Тот же Distorted Memory, вполне подойдет. Вика, конечно, посмеется, но оценит – она тоже иногда любила так подекаденствовать. Тут течение мыслей Маледикта прервал телефонный звонок. Когда он взял трубку в ней раздался женский голос – Вася, алло. Да, мам – ответил Маледикт.

– Вася, мы с папой хотим уехать на пару недель, к родственникам, в Ростов. Вот у нас дача остается без присмотра. Ты не мог бы там пожить, присмотреть за ней? – Конечно, могу. – Спасибо, сынок, тогда мы завтра уедем, а ты, если не сложно постарайся сегодня приехать. Мы будем ждать.

Распрощавшись с матерью, Маледикт, замер, обдумывая новую мысль, пришедшую ему в голову. Пару недель пожить, а ведь дача то в глухом месте располагается, в общем то неплохое место, чтобы полностью расслабиться, отдохнуть, чтобы вообще никто не мешал. А может и Вику с собой взять? Она в последние дни часто говорила, что очень устала, и почти не отдыхает. А так, может возьмет отпуск, расслабиться немного. Подумав еще немного Маледикт включил аську. О, какая удача, Вика сейчас там.

(20:00) Maledict
Солнышко привет!))))

(20:01) Вика
Привет готик)))))) Надеюсь ты меня приглашаешь на ужин при свечах?))))

(20:01) Maledict
Ну почти, не хочешь немного расслабиться, скажем пару недель на необитаемом острове?)

(20:03) Вика
Тебя затопило и ты сейчас сидишь на кровати и зовешь меня?))))))

(20:05) Maledict
Шутница)))))) нет, помнишь дачу у моих родителей? Ну вот они уезжают просили присмотреть пожить пару недель

(20:07) Вика
OOOOOOOOOOOO ты мой спаситель)))))) я уже думала что мне делать, ехать что то никуда не хочется хотя и отпуск, хотелось просто побыть где то оооооочень далеко от цивилизации, чтоб никто не беспокоил, ну кроме тебя может быть. Ну в общем согласная я)))))))))) Когда выезжаем?

(20:09) Maledict

Я сегодня думаю кое что доделаю, и вечером поедем на-
верное

(20:10) Вика

Свечи не забудь))))

(20:10) Maledict

?)

(20:11) Вика

Ты про ужин при свечах не забыл?))))))

(20:12) Maledict

Ладно в общем к вечеру будь готова))))))))))

(20:13) Вика

Буду)))))))) до вечера))))))

Отлично! Маледикт, отойдя от компьютера, направился к шкафу, стараясь вспомнить, куда он дел свою сумку – надо же собрать кое-какие вещи, на две недели то!

Теперь его грела мысль не только о возможном отгуле, но и том, что можно будет провести с Викторией пару недель вдвоем. Вспомнив, он решил посмотреть кое-что, и подойдя к компьютеру, он открыл макет сайта, и снова ему показалось,

что ангел-рокер на флеш заставке улыбается ему.

Шаг второй: Мы все едем за город.

Привет, Вань! Привет, Джестер! Хай, Шут! Как дела, Киш? – как обычно друзья встречали Джестера, пришедшего пообщаться и провести с ними время. Бросая «нормально», привычно пожимая руки, и ловя поцелуи от девушек Джестер вновь появлялся в компании. Как всегда, он был в центре внимания, как всегда с языка срывались шутки и остроты. Но сегодня он пришел сюда не просто погулять, но сегодня его вниманием владела одно весьма привлекательная девушка – такая красotka готического стиля, одежда её была украшена вышитыми черепами, на шеё висел кулон в виде черепа, в общем, стиль соответствовал тому как она называлась в их компании, а называться она предпочитала незамысловатым именем Норгус. Впрочем, она охотно отзывалась и на Риту. Вниманием Джестера она завладела недавно, и в их компании уже считали, что они вроде как встречаются, хотя в действительности они виделись только при встречах, когда собирались все друзья, ну и пару раз обменялись письмами по электронной почте. Что любопытно, хотя она и понравилась Джестеру при встрече, но инициатива исходила именно от Норгус. Именно она хотела быть с ним ближе, и именно её письмо было первым. Конечно, для Джестера была удивительна такая решимость со стороны девушки, но не дума-

ете же вы что Джестер испугался бы вызова? Итак сегодня, его активность в компании была несколько меньше, вниманием его полностью владела темноволосая красотка Норгус. Вместо того, чтобы просто чмокнуть его в щеку, как делали большинство знакомых девушек при встрече, она закинула руки ему на плечи, сомкнула ладони у него на шее и страстно припала к его губам своими, в чувственном и жадном поцелуе. Что немедленно вызвало восторженную реакцию окружающих, кто-то засвистел, кто-то даже зааплодировал, гул голосов выразил одобрение поступку девушки. Когда поцелуй завершился, Джестер лишь хмыкнул и крепче прижал девушку к себе, сходу вклинившись в чей-то разговор. Разговоры в их компании были самые обычные – как у кого дела, как работа, что нового произошло и так далее. Так и продолжалось весь вечер, потом народ начал расходиться, и конечно же Норгус и Джестер ушли вдвоем. По пути они продолжали разговаривать. После разговора о том о сем Норгус неожиданно предложила – Слушай, Джестер, а у тебя какие планы на отпуск?

– Да пока никаких, а что, ты что то хотела предложить?

– Да, хотела. Ты знаешь, у меня же тут в одной деревне домик есть, ну такой простой деревенский. Я вот подумала, а не хочешь ли ты провести со мной ну скажем выходные, а может и подольше? – промурлыкала красотка, загадочно улыбаясь.

– Ну Норга, даже не знаю, такое заманчивое предложение,

мы с тобой только вдвоем... А вдруг ты маньяк какой-нибудь, или что то вроде того? И ты со мной что-нибудь делаешь? Или я маньяк, хотя нет, я то уж точно маньяк – ухмыльнулся Джестер в ответ – впрочем, идея мне нравится. Значит, ты говоришь эти выходные?

– Ну, милый, если быть точным то выходной, нам конечно остался один день, но я очень надеюсь, что ты останешься со мной подольше, а? – лукаво улыбнулась она, теребя одной рукой кулон.

– Ладно, уговорила. Завтра тогда во сколько?

– Ну где-нибудь с утра, часиков в восемь поедем.

– В такую рань, ну что ты, радость моя. Поеду, только если ты меня сказочно вознаградишь, за это.

– О, мальчик мой, поверь, ты не останешься раздосадованным. – улыбнулась Норгус, игриво поглядывая на него.

– Ладно, мы уже пришли. Отпускаю вас, мадам, в ваш дворец. И приготовьтесь – завтра неутомимый рыцарь уже прибежит в восемь часов под ваш балкон и будет звать прекрасную Брунгильду в свои жены.

– Ой ладно тебе, шутник, мне еще может придется к тебе ехать, будить тебя. В общем, до завтра, Джестер!

После чего они поцеловались, так же, как они целовались перед всеми, только их поцелуй длился несколько дольше, и как всегда, несмотря на показной цинизм, Джестер чувствовал себя несколько смущенным и околдованным. Итак, завтра он поедет к Норгус, и она хотела бы провести с ним на-

едине несколько дней... Нет, он конечно знал, что привлекателен, или как говорил персонаж пьесы «Декамерон», можно даже сказать красив, но на столь быстрое развитие их отношений он не рассчитывал. Впрочем, еще неизвестно, что там будет – может ей просто надо покрасоваться перед кемнибудь, или еще что то. Ну чтож, он её не разочарует, а потом, глядишь и урвет себе награду по вкусу от этой черноволосой красотки. В последнем Джестер и не пытался усомниться.

– Ну, ладушки, Норгус – подумал Джестер вслух – думаю, ты убедишься завтра в том, что ты мало меня знаешь, но и то новое что я тебе покажу тебя не разочарует, красавица, будь в этом уверена.

Согретый такими мыслями, Джестер направился к себе домой, собираясь лечь сегодня пораньше, чтобы как он и обещал разбудить Норгус криком «О, прекрасная Брунгильда, будь моей женой!»

Заехав за Викой, Маледикт ехал на дачу. По пути они разговаривали, Маледикт рассказывал Вике про дачу, про местность, где она находится. Упомянул он и что в это время года, обычно уже большинство соседей уезжают, следовательно, их уединению ничто не помешает. Вика, конечно по обыкновению, его немного подкалывала, но в общем пока выражала одобрение тем местом, куда они направлялись. Также Вика долго смеялась, когда Маледикт продемонстрировал ей заготовленную охапку свечей, сказав что при свечах

будет не только ужин, но и завтрак, и обед, и даже при свечах можно будет выходить налить себе чаю или кофе. По приезду их радушно встретили родители Маледикта. Вика произвела на них благоприятное впечатление, и они были рады, что Маледикт поживет немного с ней. После небольшого чаепития, во время которого родители несколько больше познакомились с Викой, а также дали еще несколько несомненно важных наставлений, родители распрощались с Викой, Маледикт же еще остался проводить их до вокзала, с ним они распрощались уже там. По возвращению его уже ждал накрытый к ужину на две персоны стол, свечи Вика предложила ему зажечь самому. Поужинав, ребята выбрались на лавочку возле дома, выпить чаю и просто пообщаться и полюбоваться закатом, так как уже темнело, а закат был потрясающе красив. Потемневшее небо прочертил метеор, Вика вздохнула и улыбнулась своим мыслям.

– О чем думаешь, солнце? – спросил Маледикт.

– Да так... хочу чуда! – ответила Вика.

Маледикт улыбнулся – он вспомнил, как они познакомились...

... Тогда был тихий вечер, и он шел по парку. Издалека доносилась музыка – где-то играли свадьбу, периодически слышались крики, неразличимые с дальнего расстояния. В тот вечер Маледикт просто хотел пройтись и проветрить голову, устав после работы – в этот день ему прислали много работы, причем сделать все надо было очень быстро. После

такого напряжения необходимо было освежиться. И вот он шел по парку, слушая доносящуюся издалека музыку. Почему-то это успокаивало. Он замер возле лавочки, и прикрыл глаза ощущая ветер, гладивший его лицо и развевавший волосы. Все это рождало в нем ощущение того, будто бы он где то на окраине мира, смотрит на жизнь людей со стороны. Настроение было таким поэтическим, наверное, поэты в таком состоянии создают величайшие из своих шедевров. Он открыл глаза и посмотрел на огни города невдалеке и снова ощутил порыв ветра на лице, который пах недавним дождем, который освежил и умыл землю, обожженную дневным жаром. Несмотря на это вечер был теплым, но не жарким и не душным. В общем Маледикт был благодарен судьбе за такой вечер – сам по себе он был драгоценностью. И тут он услышал быстрые шаги – кто-то бежал. В нем поднялась некая досада – ну надо же, кто-то нарушает такое поэтическое уединение. Шаги постепенно замедлялись по мере приближения бегущего. И вот из-за дерева показалась она – девушка одетая очень небрежно, впрочем тогда он сразу решил, что она настолько красива, что ей не нужна никакая одежда, чтобы казаться такой – она и так была совершенная в своей красоте. На ней были потрепанные синие джинсы и простая черная футболка, обутые в сбитые кроссовки ноги постепенно замедляли свой ход с бега на шаг, на ходу она неторопливо снимала наушники, убирая прядку темных волос, выбившуюся из хвоста. Она видимо думала о чем-то

приятном, так как на лице её гуляла невинная улыбка. Все это он охватил своим взором в один миг, отметив еще раз, что она была удивительно красива, чарующая светом своих лучистых глаз. Он и сам любил одеваться в старую потрепанную одежду, но никогда не видел, чтобы девушки одевались так... небрежно. Впрочем, это было неважно. Она неторопливо подошла к нему. «А ты тут что делаешь?» – спросила она, будто они были давно знакомы. «Да так» – ответил он, не сводя с неё глаз. Что интересно, он не чувствовал себя неуверенно и не боялся совершить какую либо глупость. Было какое то ощущение естественности. И так она подходила к нему все ближе, пока не подошла вплотную. И тут издали послышалась музыка – “Une vie d’Amour”, как сейчас он помнил это. И он понял что должен сделать это – он просто обнял её, а потом... потом они стали танцевать, кружась под долетающую издали музыку. Музыка в этот миг звучала лишь для них, и они танцевали, пока мелодия не отзвучала в вечернем воздухе, и последние её ноты перестали отдаваться эхом в окрестностях. Потом они оба открыли глаза – кружась в танце, они прикрыли их, отдавшись в полет музыки. Вика тогда первая улыбнулась, и сказала – «Меня зовут Вика, а тебя?». Когда он по привычке представился своим ником как он делал обычно при встрече с друзьями она засмеялась. А потом они гуляли по парку, гуляли всю ночь, уже и отгуляла свадьба, и погасли вдалеке огни ночного города, а они все бродили по парку, иногда разговаривая, но чаще молча, до-

статочно было просто того, что они были вместе. Потом, сидя на лавочке они встречали рассвет, её голова удобно устроилась на его плече, и так они держась за руки любовались рассветом, и потом, когда небо просветлело окончательно, они слышали пение ранних птиц и просто смотрели на чистое небо, на облака, и на восходящее солнце, озаряющее и ласкающее землю вдали, улыбаясь спящему городу...

... Вот и теперь, любуясь закатом, небом, которое как то один парень назвал «утренний халат ночи» – нежно-красного цвета, рождающего красивые отблески на облаках, он вспоминал этот миг, и то, что и сейчас Вика была рядом с ним наполняло его счастьем. Приобняв Вику, он прижал её к себе, и так они сидели молча, приникнув друг к другу, даже когда небо стемнело окончательно, и вокруг застрекотали сверчки.

О, прекрасная Брунгильда, будь моей женой! – раздался под окном зычный глас Джестера. Джестер, прекрати! Давай скорее сюда! – отозвалась с балкона Норгус. Войдя в квартиру Норгус, Джестер привычно предложил ей помочь донести её сумку. На удивление вещей у Норгус было немного – как и у него самого небольшой потертый рюкзак. Его поразила странная аромата царивший у неё в квартире – сладковатый запах каких-то трав. Впрочем, он помнил о специфических увлечениях Норгус, так что не был особо удивлен. Э, да похоже она взяла с собой охапку таких-же травок – сум-

ка пахла также. На вопрос что же это такое, Норгус отшутилась, но при этом загадочно пообещала, что он никогда не забудет того, что можно будет сотворить при помощи этих травок. Сев в машину Джестера, Норгус задумалась о чем то, только улыбнулась, когда Джестер стал подпевать доносящейся из магнитофона песне. Наверное, ей тоже Король и Шут нравиться, улыбнулся своим мыслям Джестер, продолжая напевать, глядя на дорогу. Когда они съехали на просеку, девушка оживилась и стала показывать дорогу, которая в конце концов привела их к небольшому домику.

– Хм, странно, я думал тут какая-то деревня будет – произнес Джестер, осматривая местность.

– А, ну забыла тебе сказать, да домик такой одинокий, но мне нравится – так тихо спокойно и никто тебе не мешает.

– А не страшно, одной то?

– Да нет, местность тут глухая, редко кто появляется, тем более тут не царские хоромы брать нечего, да и я, к сожалению, тут редко бываю.

– Ну, как знаешь, я даже рад, что приехал – если что можешь на меня положиться.

– Да уж положусь, будь уверен – хихикнула Норгус, подмигнув ему, что вызвало довольную ухмылку Джестера.

Выгрузив вещи из машины, они направились вглубь домика. Устроившись там, Норгус принялась что-то делать с шуршащими мешочками, предложив Джестеру вздремнуть до вечера, пообещав, что вечером его ожидает нечто особен-

ное. Несколько невыспавшийся Джестер с благодарностью последовал совету темноволосой красотки, провалившись с ходу в сон.

Шаг третий: Путешествие начинается.

Проснулся он когда уже стемнело, взглянув на часы, он увидел что время было уже ближе к полуночи. Впрочем, он отметил, что девушка еще не спала, напротив – она что-то тщательно подготавливала, зажигая множество свечей, и не переставала при этом возиться с какими-то пахучими травами. В ответ на его преувеличенно громкий зевок, и на его вопрос, о том готова ли она уже, она шикнула, указав рукой на чайник и на какую-то нехитрую снедь, стоящую рядом с ним. Перекусывая и попивая чай, Джестер любовался Норгус – все-таки эта девушка была поразительно красива, даже когда она принимала такой озабоченный вид. Наконец, она очевидно решила, что приготовления закончены и подозвала его.

– А что это хоть будет?

– Ой, ну ты сам все увидишь, ручаюсь тебе понравиться.

– Ну ладно, я уж положусь на твое слово, ну учти – если что атата сделаю, за мной не станет – засмеялся Джестер.

– Ну, чем тебе помочь? – поинтересовался он.

– Так, в общем, встань сюда – в центр комнаты. Тут пока постой, я все сделаю, только не шевелись особо, очень тебя

прошу.

– И, все таки, что это будет?

– Ритуал черной магии – плотоядно улыбнулась Норгус.

– Приворожить меня решила? – ухмыльнулся Джестер, при этом все-таки ощутив, как по спине побежали мурашки и к горлу поднялся холодный комок.

– Да нет, что ты. Я ээээ... Ну ты станешь более сильным, красивым даже. В общем ничего плохого не случиться. Я тебе потом надо мной проделать дам.

– А почему магия черная?

– Ой, да это я так сказала, ну чтоб ты испугался – хихикнула девушка.

Джестер решил пока расслабиться и не мешать ей, в конце концов не навредит же она ему всякой чепухой, да и сама сказала, что только лучше хочет ему сделать. Ну если она сделает его каким-нибудь чудищем, он её потом жестоко покарает... хотя врядли – он же сам по себе то еще чудище, кого хочешь сам покарает, всех монстров перепугал уже своим видом. Нет, Джестер не считал себя действительно чем-то ужасным, просто это была такая бравата. Норгус тем временем начала читать заклинание, звучащее очень странно, речь её состояла из каких то шипящих звуков. «Йа, йа Ктулху фхтагн» – произнес про себя Джестер, улыбаясь. Наверное, у девушки это просто какая то игра, не разочаровать же её? В конце концов, у всех свои тараканы, нравиться ей чтобы при виде неё старушки крестились и говорили потом,

мол, она ведьма и тому подобное, да ради бога! Девушка она, как он уже неоднократно отмечал очень хорошенькая, и как он успел узнать из общения с ней, и из того что слышал, смышленная. Не смотря на свой острый язык, он никогда не пытался кого то всерьез критиковать, и как то пытаться переделывать по своему вкусу. Вообще это, какое-то ханжество, а такая попытка улучшить других, разумеется, в соответствии со своими предпочтениями, это уже крайняя форма эгоизма, замешанная конечно, на желании помочь другим. Страшная штука, если подумать. И вот Норгус, ну да этакая королева тьмы, которая вся прямо таки окутана клубящимся мраком. И странные тени пляшут вокруг неё, сверкая горящими глазами... И кажется какие то звуки уже режут воздух, и голоса надсадно завывают, сотрясая стены маленького домика, своими стенами. И вот дрожь уже охватывает его самого, и тени кружат вокруг него, поглядывая на него своими горящими глазами...

Да постойте же! Это же на самом деле происходит! Что это за чертовщина! Да он и шевельнуться не может! А тени тем временем словно рассмеялись беззвучно, продолжая кружить вокруг него. Под речитатив голоса Норгус, который уже изменился, стал каким то отстраненным и неземным. И сама она уже пустилась в пляс со своей книгой, в то время как заботливо уложенные ею пучки трав взвились в воздух, кружась вместе с тенями. Одна из теней хлестнула его темным отростком по глазам, заставив его закричать, не смотря

на охватившее его оцепенение, и на время он перестал видеть комнату, но вот уже вокруг него снова стали проступать знакомые уже очертания дома Норгус, но теперь уже они стали какими-то смазанными, словно происходящее, кажущееся таким нереальным, но тем не менее ужасающее и неотвратимое, исказило и самую суть вещей, составляющих такой мирный на вид домик, каким он был при свете дня. Вот он ощутил что-то, в комнате возникло создание, ростом оно намного превосходило человека, это был просто какой-то гигант, цвета гниющей древесины, светящийся каким то призрачным светом. Внешне он не походил на человека – внешне он словно бы состоял из пучков щупалец, которые образовывали его руки и ноги, и само его лицо. Он словно бы приобнимал одной своей чудовищной рукой девушку, которая что странно казалась ростом с нормального человека, хотя и гигант обнимал её как равную, как любимую. Ощущая, что сходит с ума, Джестер все же поразился красоте этой девушки, и его обуяло желание занять место призрачного гиганта и обнимать её... Его стало трясти и колотить, мир дрожал перед ним, изображения существ сменяли друг друга, одним были ужасны, будто порождения ночного кошмара, другие прекрасны, как непорочные чистые души. Но всегда рядом с ними была та, поразительно прекрасная, неземная девушка. И все эти существа, он чувствовал это, любили её и обожали. Просто любили. Мир стал растворяться, его взор рассеивался и блуждал, Джестер думал, что сходит или же сошел с ума,

но что-то внутри него говорило, что это не так. Но он уже переставал бояться и ужасаться происходящему, в нем поднималась волна любви, любви, которая охватывал всю его душу возносила на сияющие вершины. Все эти прекрасные и отвратительные создания, присутствие которых он ощущал уже не пугали его, он стал ощущать единство с ними, их единила эта всепоглощающая любовь, дивное чувство, которое просто заставляло его петь и радоваться тому, что *она* есть, и что он теперь рядом с ней. Так просто казалось отдаться на волю этого чувства, и жить с ним и не отпускать его ни на миг, как если б ты пригрел на груди птицу, спасающуюся от ливня и бури. Но тут он осознал, что что-то тут было не так. Как же могла Норгус, а он осознавал что каким-то образом, эта властительница душ и была ею, испускать такую неземную страсть? В ней не было ничего дьявольского или демонического. Нет, он осознавал, что страсть эта необыкновенно чиста, и что это истинная любовь. В душе его стал подниматься смутный протест, но каким нелепым он казался ему пред лицом любви...

Но все же это что-то кричало в нем, шепталось, скреблось в запертые двери чувств. Словно бы кто-то говорил ему – Джестер, взгляни кем ты становишься, ты же всегда был иным, друг, ничто не могло сломить тебя, никакая сила, никакое чувство. И Джестер отвечал ей, этой силе, что никогда, никогда он не испытывал такой любви, никогда до сего момента он не любил. И ни разу, наверное, за всю историю

того, пока стоит мир, такое чувство не было взаимным...

Но борьба в нем продолжалась. И вновь этот кто-то говорил ему что да, чувства истинны и прекрасны, но место ли им? И погрузившийся было в страсть, как в теплую воду под солнечными лучами, Джестер начал говорить с ним, кем бы он ни был.

– Оставь меня, прошу, я всегда был настороже, всегда я ждал подвоха. Никогда я не ощущал такого счастья, никогда! И ты забираешь его от меня!

– Ха, да подумай сам, с чего бы ему свалиться на тебя? Что эта темноволосенькая охмурила тебя и задурила тебе башку?

– Но ты же сам согласился, что чувства эти искренние и настоящие. Это же правда! И эта правда прекрасна и удивительна. Я теперь хочу её любить и быть рядом с нею, пока... пока что-то есть, все эпохи все мироздания я жажду быть с ней, как и она жаждет быть со мной. – выпалил Джестер.

– Да, тут ты, брат, прав. Ну, даже не знаю, как тебе объяснить... Понимаешь ли, всему должно быть свое время и место. А ты очень уж поддался этому чувству, причем так резко, так внезапно. И это, заметь, после того, как ты совсем недавно был объят тьмой и тенями, и они не казались тебе ни прекрасными, ни даже дружелюбными. И заметь, тут же еще куча других ребят, один этот безликий гигант в щупальцах чего стоит. И они все такие же влюбленные как и ты, ты что, таким же хочешь стать?

– Да мне плевать! Когда любишь, нет никаких границ и

страхов. И когда любим, ничто не может с тобой случиться.

– Поверь мне может.

– Ты низкий лжец! И я больше не желаю слушать то, что ты несешь про мою любимую. Весь этот бред...

– Ага, только слушаешь. И, открою тебе маленькую тайну, она ведь и моя любимая тоже, я люблю её в той же степени что и ты, точь-в-точь в такой же степени.

– Тем более, ты еще более омерзителен, чем я думал вначале. Ты любишь её, чувствуешь это, причем это же никакой не приворот и на чары, так ведь?

– Ну да, но послушай...

– Нет уж, теперь ты послушай! Я вижу и чувствую, что происходит здесь и что происходит со мной. И я знаю, что любовь преобразила меня, и сделала меня лучше и прекраснее ты видишь как все это поет, как все стало чудесно вокруг? И все эти создания дивные и ужасные, мы все сплотились в любви, в этом дивном чувстве. Теперь все мы едины!

– И это ты говоришь? Да послушай наконец, Джестер, ты же не таков. Ты, вечно ехидный и веселый, да, ты можешь любить, но не меняться же так?!

– А если даже и так, что тебе до того? Ты же так же любишь её... И вообще, кто ты такой?

– Ага, наконец-то сообразил. А ведь ты не был таким тугодумом до этого, заметь. Ну давай, ты же уже почти меня признал, ну же!

– Ты демон-искуситель?

– Ну тебе от любви совсем ум отшибло?! – возопила сущность хлопая себя с размаху ладонью по лбу. При этом Джестер ощутил удар по своему лбу, и одновременно с этим на него нахлынула досада и раздражение, будто бы это он только что спорил доказывая, что тут что-то не так, а не его оппонент. Смутная догадка шевельнулась в нем, но не прорывалась наружу, так как он стал внимательно рассматривать проступающие все более и более четко черты его внешности. Его взору предстало создание, похожее на человека, пожалуй, это и был человек, но при этом он имел несколько изможденный вид, хотя все еще был крепким с виду молодым парнем как и сам Джестер. Его темные глаза лихорадочно горели, а по плечам рассыпались длинные белые волосы, белые как снег, не бесцветные и не седые, а именно белые, как могут быть белыми может быть крылья ангелов, или падших ангелов, подумал он так он еще думал, что его спорщик является каким-то демоном искусителем. Странно что до этого момента он слабо верил в демонов, ангелов, но происходящее живо заставило его уверовать, и начать подозревать, что существует еще множество вещей, которые как сказал бы принц Датский «и не снились нашим мудрецам». И как же он был благодарен дивной красавице Норгус, что свершила это чудо, одарив его столь дивной и прекрасной любовью и распахнув перед ним новые горизонты, как, наверное, распахиваются они перед любим, кто влюблен и любим. Но тут он осознал, что это считает и его оппонент, будто бы они...

– Да я даже думаю тоже самое что и ты! Как ты до сих пор не можешь понять!

Внезапная догадка озарила Джестера – Так ты – это я! Но, почему ты выглядишь так?

– Да это ты так теперь выглядишь! Да, да ты у нас теперь беловолосый с горящими глазами! Страшно, да? Да любовь с человеком и не такое делает! Я тебе пытаюсь втолковать! Бежать нам надо отсюда, бежать!

– И как ты это предлагаешь сделать?

В Джестере будто бы что—то перемкнуло, что изменилось в нем, словно по телу прошел удар электрического тока. Он развел свои руки, осознавая, что его оппонента более нет перед ним – они теперь объединились, спасаясь от... от чего?

И потом одновременно со вспышкой, похожей на молнию мир перед ним вдруг дрогнул, и он ощутил, что он лежит на синевато серых камнях, ровных, отполированных. Он встал и осмотрелся – за его спиной поднимались странного вида здания, сделанные из такого же камня что и мостовая на которой он лежал. В воздухе слышалось гудение какой-то энергии. И шум... в другой стороне лежало спокойное море, которое неспешно накатывалось на берег, полностью покрытый этим отполированным синевато-серым камнем. Над морем было небо... будто бы пасмурное, сонное, закрытое густыми облаками, в которых временами мелькали росчерки молний. Потом Джестер вновь посмотрел на город, а что это был именно город, он не сомневался, и увидел что из одного

из зданий, когда панель стены отодвинулась вышла высокая фигура, похожая на человека. Присмотревшись, Джестер заметил, как двое таких же созданий стоят недалеко от того здания, откуда вышла первая фигура, казалось. Эти создания о чем-то беседуют.

Его пока никто не заметил, и вроде бы, никакой опасности ему не угрожало. Станный, даже немного неживой покой этого места успокаивал, особенно он был приятен после того взрыва чувств и эмоций, что охватывал его недавно. Да, теперь он осознал, как прав был его... хм, не оппонент, а, ну вероятно, надо сказать, как прав был он сам, говоря, что всему должно быть свое время и своя мера. Да, пожалуй, тут пока было совсем неплохо. Но, все-таки, как он сюда попал, и что же ему делать дальше?!

А Маледикт и Вика продолжали любоваться закатом и вспоминать и мечтать о чудесах. Но неожиданно их окликнул хрипловатый голос – Эй, соседи, как дела?. Окликал их высокий рослый парень, который слегка улыбался. Выглядел он молодо, но что-то в его взгляде и в его манерах говорило о том, что он куда старше, чем кажется на первый взгляд. С неохотой Маледикт оторвался от великолепной картины, что так ласкала ему душу, и ответил – У нас все хорошо, а у вас...

– Ваня я – усмехнулся тот – но друзья меня зовут Краснойбай, предпочитаю, чтобы меня так всегда звали, с вашего

позволения, конечно.

– Да я не против – ответил Маледикт – а вы давно сюда приехали?

– Да месяца три, не больше, вот пока живу тут отдыхаю. А вы тут какими судьбами?

И Маледикт рассказал о них с Викой, не вдаваясь, впрочем, в подробности, о том, откуда они и что тут делают. Хотя разговаривать с их новоявленным соседом не хотелось – хотелось, чтобы он поскорее ушел и оставил их с Викторией наедине. А Краснобай все не унимался и продолжал расспрашивать его о том о сем, практически не проявляя к Вике особого интереса. Постепенно он увел разговор с обсуждения новостей к каким-то транным случаям, происходящим в округе.

– А вот слышали, у Ратовых то, кто-то коровку свел? Да и не просто свел. Говорят, её в лесу нашли, да была она вся как изрезана-изорвана. Как зверь какой-то поработал. Вы уж будете тут, ночью то поаккуратнее.

– Ой, Краснобай, расскажешь тоже, я вот более чем уверен, что это больше рассказывают. Тут город недалеко, откуда ту звери? Да и корову загрызть, кто это мог, медведь разве? – отмахнулся Маледикт, раздумывая над тем, как бы спровадить навязчивого гостя.

– Ну, мало ли, а может, маньяк какой?

– Если честно, то и маньяку тут неоткуда взяться, местность не очень все таки цивилизованная, даром, что город

недалеко. Где бы он тут прятался? – вступила в разговор Вика.

– Да и Ратовы далеко живут – поддержал её Маледикт – запугал ты нас, Краснобай, по пустякам.

– Э, ребят, вы что какие пустяки, когда тут такие страсти творятся! А ну как этот изверг сюда придет?

– Не придет, испугается, что ты его заболтаешь – засмеялся Маледикт. Теперь ему казалось, что этот Краснобай, парень хоть и несколько навязчивый, но, в общем то неплохой, добрый. Но все-таки хотелось его поскорее спровадить – остаток вечера им с Викой хотелось бы провести вдвоем. Он посмотрел на неё – она ответило ему понимающей замученной улыбкой. Да, определенно, надо что-то делать, пока этот Краснобай их до смерти не уболтал.

– Краснобай, ну ладно, поздно уже, нам уже баиньки пора.

– Э, ребят, рано еще же – время то детское еще. Куда же вы так рано спать то?

– Да нет, мы сегодня и встали рано, и устали с дороги, мы уж пойдем.

– Ну что, отдохайте, конечно, ребят, отдохайте. Слушай, Маледикт, а ты завтра что делаешь?

– А что?

– Да я вот подумал, может завтра сгоняем, тут недалеко место есть – клев будет такой, что ты позабудешь обо всем на свете – не унимался Краснобай.

– Это на Черные Камни чтоли? Там слишком людно – от-

шутился Маледикт, тоже вспомнив старое кино – И вообще, на это я пойти не могу, мне надо посоветоваться с шефом.

– Ой, ну шутник, ну насмешил старика – захохотал Краснобай, весьма довольный шуткой. Видимо он уже и сам догадался, что молодые люди хотят остаться вдвоем, и пожав руку Маледикту, и помахав на прощанье Вике, их сосед удалился к своему дому.

Оставшись вдвоем Вика и Маледикт переглянулись, после чего оба рассмеялись.

– Ну вот что за человек, просто фонтан слов – смеялась Вика – ничем не успокоишь.

– Мда, неугомонный какой, еле-еле спровадили, я уж думал, он тут до утра останется.

– Ладно, Маледикт, пошли, еще чаю выпьем, с мятой! – настойчиво потянула его в дом Вика. И молодые люди пошли в дом. Потом попивая чай, они продолжали беседовать, снова возвращаясь к неожиданному визиту Краснобая, обсуждая, чем заняться завтра. Окно в кухне было широко распахнуто, и с улицы шла теплая дыхание летней ночи и доносился стрекот сверчков. Народу в деревне было немного, и поэтому не смотря на то, что было не очень поздно, уже было совсем тихо, и большая часть окон домов темнела, не озаряемая ни светом ламп, ни отблеском экранов телевизоров. Не в силах оторваться друг от друга, они все сидели, даже когда закончились темы для разговора, просто наслаждаясь обществом друг друга. Кроме неустанный стрекота сверч-

ков, тишину нарушал только мотылек, бьющийся о лампочку. Немного подумав, Маледикт подошел к выключателю и погасил свет. После этого они сидели на расшатанной кушетке вместе, держась за руки и иногда кто-то из них тихо проносил вслух какую-то ничего не значащую фразу, после чего они опять сидели в тишине, вслушиваясь лишь в дыхание друг друга. В тишине каждый из них ощущая, как бьется рядом сердце самого дорогого ему человека. И время словно замерло вокруг них...

Тут Маледикт почувствовал, как сердце Вики забилось чаще, а дыхание её словно прервалось и руки её задрожали. Во взгляде девушки, обращенном ему за спину, он прочел удивление и даже... ужас?

Готовый ко всему, он резко обернулся назад, взглянув в раскрытое окно, но никого там не увидел, лишь колыхнулись слегка ветви яблоньки, которая росла рядом с домом. Ветви колыхнулись от ветра или... Что же так напугало Вику? Он спросил её об этом. Вика долго не могла обрести дар речи, но наконец она вымолвила: Мне показалось, я кажется даже видела, как за окном... в окно заглядывало лицо Краснобая, но он был какой то страшный... лицо такое бледное, в каких то пятнах чтоли... застывшее, с каким то страшным выражением на нем... и глаза, они горели синим светом, именно горели ярко так и страшно. И в них было выражение такое... ужасное как у зверя.

– Вика, тебе это не почудилось? Ты уверена?

– Не знаю, но меня просто как холодной водой окатили, просто мороз по коже... Мне страшно, Маледикт...

– Не бойся, милая, я рядом с тобой, я никому не дам тебя обидеть!

– Я знаю... но это было так страшно... я не знаю смогу ли заснуть теперь... Что это шорох, кто-то есть во дворе, там кто-то ходит, там кто-то есть!!! – последние слова Вика пыталась выкрикнуть, но из-за ледяного комка, вставшего у неё в горле, она смогла лишь прошептать эти слова, прошептать их диким задыхающимся шепотом.

Маледикт ощутил себя растерянным, и даже немного напуганным, видимо, страх Вики стал передаваться ему. Усилием воли он подавил в себе страх. Наконец, он решил расставить точки над *i*, поднялся к кушетки, и направился к выходу из дома. При этом он увлек Вику за собой не отпуская её от себя, и ощущая при этом, как дрожит девушка, прижавшись к нему в поисках защиты в мире, который перестал быть таким тихим и уютным, будто бы первобытный ужас шагнул к ним из темных лесов и пещер тех времен, когда еще цивилизация не охватила земной шар, и наука еще не заявила дерзко и уверенно, что не может быть чудес, ни добрых, ни *недобрых*... Им обоим было страшно в этот момент, будто бы дикий зверь, ужасное чудовище проникло в уютную спальню, или словно бы просыпаясь от ужасного ночного кошмара в полуночный час, ты чувствуешь и знаешь, что твой кошмар реален, и он *идет к тебе*, и вот ты лежишь в

кровати, объятый ужасом, а *оно* смеется тебе в лицо и глумится над тобой. Так они шли к выходу из дома, теперь уже с тоской ощущая, что в этой деревне они почти одни, может быть и совсем одни...

Осторожно, стараясь действовать очень тихо и не шуметь, Маледикт повернул щеколду на двери и приоткрыл её. За дверью, было совсем тихо, и на первый взгляд во дворе никого не было. Это придало ему немного уверенности, и он приоткрыл дверь еще и осмотрелся. Увидев, что тишину ночи все еще ничего не нарушает, он открыл дверь совсем и сделал несколько шагов наружу. Во дворе никого не было.

– Вика, ты уверена, что тебе ничего не почудилось?

– Уверенна...

– Здесь никого нет, хочешь, мы выйдем и обойдем дом вдвоем? Убедимся, что никого нет.

– Наверное, да... Пожалуйста, давай потом закроем окно в комнате и дверь, и, пожалуйста, побудь сегодня со мной ночью, пожалуйста...

– Ладно, Вика, как скажешь, я, конечно, сделаю все, чтобы тебе было спокойнее...

– Пойдем, Маледикт, скорее, я боюсь оставаться долго на улице сейчас...

В молчании они сделали несколько шагов из дома, и прошли к левому его углу, внимательно вслушиваясь в каждый шорох, что доносился до них. И они вглядывались в туман, что так неожиданно и некстати объял округу, и казалось, ста-

новился все гуще и гуще с каждым мгновением. Вот уже соседние дома нельзя было различить в тумане, и поскольку в деревне не было видно ни огонька, то им обоим становилось еще страшнее, будто бы они остались одни из всего человечества, одни в этом море тумана, на опустевшей земле. Медленно они подошли к углу дома, и тут Вика вскрикнула, увидев какую-то тень в тумане, и неожиданно она быстро приблизилась к ним, приняв облик огромного, выше человека ростом, создания, покрытого темной шерстью, бегущего быстро к ним на двух лапах, сильно сутулясь, и почти касаясь увенчанными когтями лапами земли. И пылающие ярким светом глаза на его вытянутой морде вселяли еще больший ужас, чем его внезапное и пугающее появление. Рыча оно бежало к ним. Маледикт крикнул – Вика, беги в дом! Запрись! – бросаясь навстречу монстру. Вика метнулась в дом, надеясь найти там что-то, что могло бы помочь им против этого страшного создания, но тут в доме её встретил выходящий из комнат Краснобай. Как и видела ранее Вика, лицо его застыло в какой-то жуткой гримасе и покрылось жуткими пятнами, и в довершение всего горящие синие глаза обдали её жутким холодом, и она испытала приступ отчаяния, осознав, что теперь, им никто не поможет. И вот она бросилась к Маледикту, поняв, что если им суждено окончить свои дни здесь, в темноте, ужасе и тумане, то она хочет окончить свои дни вместе с ним. И вот, она выбежала на улицу, ощущая, как неспешно двигается за её спиной, Краснобай, будто

понимая, что ей некуда деться. Маледикт же встретив чудище, неожиданно ощутил в себе странную силу, и он резким ударом опрокинул чудовище и сбил его с ног, отшвырнув на несколько шагов. Монстр резко вскочил, и в гнев задрал голову и завыл, как голодный волк лютой зимой. Маледикт попятился, что-то подсказало ему, что больше он не сможет так сделать с чудищем. Но тут сзади него донесся вой, но если вой его противника походил на вой волка, то этот вой звучал, как вой некоего ужасного потустороннего создания, и в нем слышался гнев. Зная, что это делать нельзя он обернулся и увидел Краснобая, таким, как его описывала Вика, и глаза его ярко полыхали гневным, мертвящим синим светом. Вика, бежавшая прочь от их соседа, ныне ставшего одним из их кошмаров, бросилась к нему и прижалась к нему, вся дрожа от ужаса. Тем временем, жуткий Краснобай сгорбился, глаза его сияли яростным светом, и эти глаза с ненавистью уставились на монстра, что напал на них. После чего он взвыл вновь, и обратился искаженным страшным голосом к монстру, на языке, которого ни Маледикт, ни Вика не понимали. Чудовище ответило ему, не менее жутким рычащим голосом. После чего оба они посмотрели на молодых людей. Неожиданно Краснобай усмехнулся, при этом изо рта его закапал отвратительно пахнущий гной, и поднял вверх руки. На это ему ответил хор стенающих и кричащих человеческих голосов, и тени, похожие на куски драной фотопленки, из которых кто-то грубо и неумело пытался вырезать чело-

веческие силуэты окружили их, отчего-то Маледикт и Вика поняли, что эти тени не выпустят их из своего круга. За ними встали несколько трупов, возникших из тумана, ужасных раздувшихся мертвецов, ухмыляющихся безгубыми ртами. Монстр, стоящий напротив Краснобая кивнул, после чего он и Краснобай закружили вокруг друг друга, при этом оба они выли, один как волк, другой как ужасающая жуткая потусторонняя тварь. Неожиданно Вика взглянула на Маледикта, и тот увидев выражение её глаз, лишь кивнул, после чего оба они бросились прочь от этого ужаса, выскользнув из кольца теней и живых мертвецов. Они побежали прочь... и увидели снова их дом, и кричащие тени и мертвецов и кружащих в молчаливом противостоянии Краснобая и косматого монстра. Тем временем, монстр бросился на Краснобая, и из разорванной жуткими когтями раны брызнул гной и посыпались омерзительные шевелящиеся опарыши, в ответ на что Краснобай взвыл, и его жуткий рев заставил кровь брызнуть фонтанами из глаз и из ушей монстра. И неизвестно бы чем кончилась схватка двух кошмаров ночи, но тут Вика и Маледикт услышали голос, который словно бы отвечал на их тайное желание сбежать прочь, как можно дальше из этого места. Этот голос произнес – Хорошо, смотрите. И перед пораженным молодыми людьми засияло зеленоватое сияние, откуда доносился шорох листвы, колыхаемой ветром, и запах дождя, прошедшего по чистому лесу.

– Ну что вы ждете, сюда и бегите, быстро! – произнес

вновь голос. И, не раздумывая, они метнулись в это сияние, и ощутили себя внутри какого-то странного здания...

Оглядевшись, они увидели вокруг себя стены, сделанные из синевато-серого камня, обстановку, которая подошла бы какому-нибудь космическому кораблю из будущего, и перед ними стояло создание, похожее на рослого, и мускулистого поджарого человека, одетого в какое-то долгополое синие одеяние.

– Хм, чтож, вы здесь, как вы попали сюда? – произнес он четким ясным и совершенно нечеловеческим голосом, непохожим на тот, что звал их к спасению от кошмара.

– И в самом деле как? Где же мы теперь? – произнесли Маледикт и Вика, и оба они понимали, что ни они ни их собеседник не может дать ответа ни на один вопрос.

Шаг четвертый: Пора идти дальше.

– Но вы же спасли нас, или кто-то, кого вы знаете

– Не имею ни малейшего понятия, от чего вас стоило бы спасать, и что вам угрожало. Да, признаю, я заметил некоторые колебания... нарушения... перемещение чего-то, после чего, собственно и появились вы. Вынужден признать это для меня было неожиданностью, но подобные вещи имеют место быть, так что ничего из ряда вон выходящего я не вижу.

– Вам легко говорить – ответил Маледикт – понимаете

там, откуда мы прибыли, такие перемещения... ну скажем, они являются необычным явлением.

– Такое появление, как ваше, конечно тоже не совсем обычное явление в наших краях.

– Что вы имеете в виду? Появление людей из нашего мира?

– Ну, для нас вы просто создания из иного мира, а самых разнообразных созданий из множества миров даже я повидал на своем веку немало. Нет, тут странным является тот вид энергии, который переместил вас сюда, и, разумеется, мы еще не определили причину вашего появления здесь. Впрочем, я уверен, что подобрав нужные методы, мы несомненно скоро выясним это.

– И вы поможете нам попасть домой?

– Возможно, я помогу.

– То есть? – удивилась Вика – вы сказали, что вы поможете, а ваши соотечественники? Что сделают они?

– Что захотят.

– Как?! – хором изумились парень с девушкой.

– Забавно, вы, вероятно, не понимаете логику поведения нашего общества и отдельных созданий.

– Простите, если я покажусь невежливым, но пока я не нахожу в вашем поведении абсолютно никакой логики – произнес Маледикт. После чего Вика поспешно добавила, боясь, что единственная их хрупкая надежда на спасение в лице этого высокого создания, о котором они пока не знали ни

кто он, ни даже его имени, может отвернуться от них – Конечно, мы не находим логики в нашем понимании этого слова, вероятно, вы можете объяснить...

– Вся прелесть в том, что мы не находим большинство наших поступков логичными... Но тем не менее наше общество примирилось с этим, и мы развили собственную философию, основанную на реализации наших желаний, связанную, тем не менее с ответственностью за реализацию своих желаний. Таким образом, мы можем быть уверены, что каждый сознательный и наделенный желаниями индивидuum соизмеряет свои желания с объективной действительностью и поступает соответственно. Даже мою лекцию по основам нашей философии я читаю вам исключительно по собственному желанию.

– Но, как же вы находите взаимопонимание, возможно же есть кто-то, чьи желания имеют приоритет над вашими, или же вы являетесь таким...

– Нет! В отличие от других разумных сообществ, мы рассматриваем наше существование возможным только при наличии возможности для полной реализации глубинных желаний, глубинные желания имеют приоритет над всеми прочими желаниями, которые нередко являются лишь капризами плоти... Мы умеем их определять, в чем заключается еще одно наше отличие от традиционных сообществ.

– Хорошо, но откуда вы так хорошо знаете русский язык?

– Русский? Странно, я воспринимаю вашу речь абсолют-

но четко, и не вижу никаких признаков использования чужеродного мне языка. Возможно, данный феномен нуждается в дополнительном исследовании.

– Удивительно – переглянулись Маледикт и Вика. Они попросили у своего вероятного друга разрешения посоветоваться, после его утвердительного кивка они начали обсуждать, что же случилось и куда же они попали. Сначала они обменялись впечатлениями о том, что за кошмар выгнал их из их дома. Маледикт выслушал рассказ Вики о том, что Краснобай проник в дом, после чего он попросил у Вики прощения, за то, что погнал её, как он думал в безопасное место, а вместо этого она чуть было не... Что случилось бы «если» никто из них думать не хотел. Насчет второго монстра они ничего не смогли решить – он двигался очень стремительно, и для них был просто ужасающей косматой тенью, сложно было что-то еще сказать о нем. Вика, однако, удивилась, когда услышала, что Маледикт поначалу смог отшвырнуть монстра прочь от себя, поборов его. Он признался, что раньше такого за собой не подмечал. Странно все это было – и неожиданные нападения тварей, будто пришедших из ночного кошмара, и неожиданное спасение, и теперешнее их пребывание в каком-то странном месте, судя по всему в ином мире или где то еще. Но они сошлись на том, что, по крайней мере, это место выглядит безопасным. После этого они вновь обратились к своему собеседнику, спросив, как он может им помочь... если захочет, конечно. В ответ на это он жестом велел им

следовать за ним. И они пошли втроем по холодным коридорам из синевато-серого камня. Покой этих мест ничего не нарушало, лишь иногда они встречали подобных их спутнику существ. При встрече они обменивались какими-то приветствиями, изредка перебрасывались парой слов, в общем вели себя как люди, разве что казались, чрезмерно спокойными, будто им было абсолютно все равно, чтобы не случилось вокруг, ничто их не потревожит. Для Вики и Маледикта было странно, что никто не обращает на них внимания, чувство некоей позабытости и, возможно даже, пренебрежения усугублялось тем, что обитатели этих мест возвышались над ними как статуи, ростом они значительно превосходили их. Впрочем, они быстро вспомнил, что их друг сказал им, что гости из иных миров – частое явление в их обществе. Они шли, обозревая убранство помещений, через которые он проходили. Повсюду на стенах были видны светящиеся зеленоватые символы. Исходящие от них ответвления соединяли их с другими, похожими символами. Казалось, что эти символы являются не декоративным украшением, а словно бы неким странным механизмом, обеспечивающим нужды этих странных существ. Постепенно они подходили к выходу из здания, где они находились. Станный гул становился все более и более заметным по мере продвижения. И вот, выйдя из здания, они увидели, что вокруг них расстилается море. Но море это было темным, хотя и спокойным, лениво накатывающимся на берег и столь же лениво стекающим на-

зад. В темном небе закрытом клубящимися облаками иногда сверкали далекие молнии. Шагая по берегу, выложенному все тем же камнем, из которого были построены все сооружения, через которые они уже прошли, их провожатый сошел вниз, прямо на воду и пошел по ней как ни в чем не бывало. Сойдя на воду вслед за ним они обнаружили, что поверхность её тверда, так же, как и камень берега, по которому они шли, если даже не тверже. Присмотревшись, Вика заметила такие же узоры зеленоватой энергии, какие они видели на стенах в зданиях. Эти странные светящиеся узоры образовывали теперь дорожку, по которой они втроем шли, направляясь к небольшому островку неподалеку, на котором возвышались высокие и толстые здания, выполненные из такого же камня, как и все что они видели в этом месте до этого, но цвет этого камня был более темный, почти черный. Эти две громадины возвышались над округой, в их вершины иногда били молнии. Подойдя ближе, они стали слышать гул энергии, проходящей через эти здания, и увидели, что линии в воде стали сиять ярче. Громкий плеск воды недалеко привлек их внимание. К ужасу молодых людей, из воды поднялось черное колышущееся тело титанического спрута. Безмолвно он зашевелил своими щупальцами, проводя ими над дорожкой в воде и под ней, рассекая зеленоватые узоры. Их спутник не обратил, казалось ни малейшего внимания на это морское чудо. И в самом деле – кроме угрожающих движений, спрут более ничем не проявлял каких-либо

враждебных намерений, и не пытался на них напасть. Никак не прокомментировав появление спрута, их спутник ступил на каменный пандус, ведущий к высоким зданиям, которые так угрожающе возвышались над округой, казалось, подавляя собой все, и заставляя смотреть только на них.

Постепенно троица приблизилась к одному из зданий, и они увидели вход в него – темный провал арки, так непохожий на уже привычные им раздвигающиеся панели в прочих зданиях. Вступив внутрь, Маледикт и Вика отметили что шум энергии странно стих, и перестал их беспокоить. Вскоре их друг привел их в большую, похожую на пещеру комнату. В комнате они увидели что-то вроде больших колб, в которых светила зеленым светом похожая на воду жидкость, кроме того, в комнате было множество висящих на металлических штырях экранов, обрамление этих экранов состояло из синеватого металла, с поверхностей же экранов лился все тот же зеленоватый свет, казалось, экран состоял из него. Под экраном виднелась небольшая металлическая панель, на которой виднелся отпечаток, будто бы для руки, такой как рука их союзника. Неожиданно остановившись, он обернулся и бросил им – Это наш информаторий, я посмотрю, что я смогу найти по вашему феномену, вы пока стойте тут и никуда не уходите.

Сказав это, он прижал свою руку к отпечатку на панели, после чего углубился в мерцание символов на экране. Наши же герои остались стоять возле него, внимательно рассмат-

ривая окружающую их обстановку. Впрочем, ничего нового, кроме уже виденного ими они не обнаружили – все также мерцала зеленая жидкость в огромных колбах, мельтешили непонятные символы на зеленых экранах в помещении информатория больше не было никого, кроме них. Так они простояли довольно долго, их друг, имени которого они так и не узнали что то рассматривал на экране, взглянув на экран, Маледикт не смог даже приблизительно понять смысл и значение мелькавших символов, Вика тоже. Так они и стояли, держа друг друга за руку. С особенной силой они ощутили свое одиночество в этом холодном и спокойном мире, где все было подчинено капризам его обитателей. Удивительно, как они могли так жить, когда лишь их желания определяли все их поступки и помыслы. Это было так странно для людей, а ведь наверняка не нашлось бы ни одного человека, который не хотел бы жить, следуя лишь собственным желаниям, а не обстоятельствам, долгу или чему-то еще. И, тем не менее, каким странным и пугающим казался мир этих созданий, так похожих на людей, но совершенно нечеловечных в своей сути. И так они стояли и стояли, пока Маледикт и Викой не почувствовали, что ноги у них уже отнимаются, когда их спутник наконец оторвался от экрана, и сказал им что дальнейшие их действия стоит обсудить с несколькими экспертами. Отчего-то он был уверен, что они помогут. До сих пор Маледикт недоумевал, как они могут быть так уверены в чем-либо, если все их существование подчинено исключительно

реализации своих желаний, хотя он говорил что-то и о сопоставлении их желаний с объективной реальностью. В общем, все это выглядело, но по крайней мере, их новый друг предлагал им помощь. Тем временем он повел их на верхние этажи колоссального помещения, подъем туда тем не менее не занял много времени – их провожатый привел к большому помещению, в котором они увидели уже привычный рисунок из зеленых светящихся узоров. Неожиданно рисунок, у них под ногами оторвался от пола и стал подниматься вверх. Тем не менее, они не потеряли ощущение твердого пола под ногами – видимо это было еще одно проявление технологии этих странных созданий. На этом непривычного вида лифте они быстро добрались до верхних этажей, где они пройдя длинный коридор вошли в огромный зал, стены которого сияли неизменными зелеными узорами, и кроме того с них сияли панели из чего-то, похожего на стекло, льющие странный непривычного вида белесый свет. В этом помещении также присутствовали зеленые экраны, похожие на те, что они видели в информатории, за этими экранами в данный момент работали множество созданий, очевидно, это были эксперты, про которых им рассказывал их друг. Некоторые не работали за экранами, вместо этого они разговаривали друг с другом, что обсуждали. Несмотря на их неизменно равнодушное выражение лиц, все они выглядели занятыми и, видимо, решали какие-то важные вопросы. Они подошли к небольшой группе экспертов, среди которых Маледикт и Вика впервые

встретили женщин – они были не менее высокие и физически развитые, чем мужчины, хотя они и были более изящными, нежели мужчины. Все женщины носили длинные волосы, кроме того, принятые в этих местах долгополые одеяния подчеркивали их статуэточные изящные фигуры. На их лицах господствовало все тоже отстраненно-равнодушное выражение, как и мужчин. Поприветствовав экспертов, спутник Маледикта и Вики стал рассказывать им о появлении «гостей», как он выразился, указав на ребят. Также он использовал какие-то непривычно звучащие термины в своей речи, и, несмотря на то, что рассказ велся на понятном им языке, детали содержания были им неясны, хотя общий смысл был понятен. Выслушав рассказ, эксперты принялись задавать вопросы, изредка переводя равнодушные взгляды на Вика с Маледиктом. Постепенно у них завязалась оживленная дискуссия, но, несмотря на то, что речь велась о наших героях, никто и не пытался с ними заговорить, будто бы они тут были вообще не причем. Такое поведение вызвало, конечно, определенное негодование и даже возмущение, но тем не менее ни Вика, ни Маледикт не пытались как-то обратить на себя внимание или заставить кого-то из экспертов говорить с ними. Было заметно, что в текущей ситуации они разбираются лучше, а кто знает, может какие-либо шаги к тому, чтоб овладеть их вниманием могут дать им повод перестать оказывать какую-либо помощь и содействие. Уж слишком сложной и пугающей была текущая ситуация,

несмотря на относительную безопасность в которой они находились, чтобы рисковать ради того чтобы потешить свою гордость и самолюбие. Наконец, эксперты и их спутник, имя которого они так и не узнали, наконец-то договорились о чем то, после чего все они повернулись к ним, и под их пристальными взглядами Маледикту и Вике стало не по себе. Слово взял высокий мужчина, кожа которого отливала серебром, и длинные его волосы, стянутые в тугий хвост на затылке тоже сверкали нитями серебра. Видимо, в этой группе он был самым старшим, и, вероятно самым уважаемым из всех. Была также в его взгляде и в его осанке некая властность. Очевидно, что не смотря на то, что общество к которому принадлежали и их друг и эксперты провозглашало желание главной ценностью, отдельные личности все же имели достаточный авторитет, впрочем, Вика и Маледикт лишь недавно прибыли сюда, чтобы составить детальное и объективное мнение о их обществе и системе ценностей в нем. Итак, вышедший вперед эксперт заговорил обращаясь к ним- Ваш случай любопытен, мы не имели до этого иных подобных случаев наблюдения подобного течения энергии, но тем не менее...

Тут его речь прервал пронзительный звук, похожий на сирену, который заставил всех присутствующих в зале всполошиться и поспешить к выходу. Спутник Маледикта и Вики бросил им на ходу – Тревога, замечено аномальное проявление энергии, мы должны прибыть для выявления и локализации истечения энергии.

Они заторопились вслед за ним к выходу, и обнаружили, что вокруг островков пляшут молнии, рождая неистовство неопишущего электрического шторма, а замеченный ими огромный спрут вместе со множеством подобных ему бьется в безмолвной агонии и муке, пронзаемые раз за разом сверкающими стрелами небес. Мир до этого оглушавший своим мертвящим покоем, ныне весь кипел множеством страстей. Но неожиданно молнии замерли – странно было видеть неистовые стрелы застывшими, будто бы само время остановилось и умертвило неистовую ярость молний. Вокруг замерло все, хотя и Маледикт и Вика были способны двигаться, и обзревали неожиданно застывший вокруг них мир, недоумевая, что же могло совершить подобное. Что-то подсказывало им, что отнюдь не технологии, в которых зеленые сплетения энергии творили чудеса, делая волнующееся море твердой дорогой, были тому причиной. И тут они увидели, как в глазах окружавших их высоких и столь похожих на людей, красивых по человечески, но совершенно нечеловечных в своей сути созданий, зажглось пламя нежно-красного цвета. Это был не просто свет, а именно языки пламени, такого нежного и ласкового цвета. И на обычно бесстрастных лицах проступило выражение – мужчины смотрели перед собой своими пылающими глазами с любовью и нежностью, а женщины с лаской и обожанием. Потом все они развернулись в одну сторону, и Вика и Маледикт узрели странное клубящееся облако белого цвета, облако, состоящее из клубящихся-

ся молний. Все кроме них пристально смотрели на него, а потом огромная толпа, стоящая на улицах города из синеватого камня, на крышах зданий, и на воде, в толще которой змеились светящиеся узоры, подняли руки, из которых потянулись разноцветные лучи, расцветившие эту местность, утопавшую в холодных тонах. Эти лучи тянулись к белому облаку, словно бы пытаясь сжать его, сдавить. Картина походила на эффект призмы, словно бы нарисованный безумным художником. И неожиданно Маледикт и Вика услышали громкий смех, человеческий смех, который исходил из облака молний. Смех этот не был зловещим или злорадным, он смеялся, словно человек долго искал решение какой-то очень важной задачи, и наконец, нашел её. Сияющий отрок как меч хлестнул по воздуху, и неожиданно в нем проявилось сияние, похожее на то, через которое молодые люди попали в это удивительное место. И наконец, облако исчезло во вспышке без следа. Маледикт и Вика увидели как поменялось выражение лиц окружавших их – оно стало сочувствующим, будто бы что-то или кто-то обидел самого дорогого человека. Можно было поклясться, что он не испытывали негодования, по поводу того, что их враг сбежал от них. Нет, они действительно сочувствовали... но кому?

За некоторое время до всех этих событий, очнувшийся на синеватом каменном берегу Джестер решил начать действовать. Откинув назад столь непривычно длинные белые воло-

сы, он направился было к тем странным созданиям, которых он заметил вначале, но что-то в нем предостерегло его от этого. Вместо этого он спустился ниже к воде. Там он обнаружил ниши, очевидно некогда промытые водой, теперь же это были сухие пещеры, в которых можно было отсидеться и подумать. В луже, каким-то образом все же натекшей при входе в пещеру, он вновь увидел свое отражение – на него взглянул уже виденный им бледный человек с темными глазами, и длинными белыми волосами. Джестер чувствовал, что это не единственная произошедшая с ним перемена. В конце концов, что-то подсказывало ему, что именно он смог перенести себя в это странное, но относительно безопасное место. В темноте пещеры он обнаружил, что не испытывает ни малейшего дискомфорта от мрака, видел все также четко. Удивительно, подумал он. Как же странно все это. Он уже исципал себя всего, надеясь проснуться, но это не помогло. Хм, видимо, все происходящее с ним реальность, хотя и похоже на какой-то горячечный бред. Проведя некоторое время в пещере, Джестер вновь выбрался наружу и направился по кромке берега к далекому городу, надеясь найти там какую-то помощь. На его пути он иногда натыкался на какие-то глыбы синевато-серого камня, иногда он видел паутину, обвивавшую некоторые щели в камнях и закрывавшую входы в пещеры. Видел он и пауков – огромных белых тварей, размером превосходящих человека. Несмотря на свой угрожающий вид, пауки не проявляли к нему никакой враж-

дебности, и Джестер стал проходить мимо них совершенно безбоязненно. Наконец, он добрался до чего-то похожего на сточные трубы, но из них лились наружу отнюдь не нечистоты а потки зеленоватого света, которые однако, не исходил лучами, как положено свету, а действительно лился как вода, иногда взмывая вверх и вбок крутыми дугами. Этот свет бесследно растворялся в воздухе, но, тем не менее, не хотелось соваться в эти трубы очертя голову. Найдя неподалеку сброшенную шкурку паука, Джестер отломал от неё хрупкую высохшую лапку, после чего сунул её в зеленый поток. Убедившись, что ничего не произошло, он сунул туда палец одной руки. Он почувствовал тепло, но ничего более. Осмелев, он сунулся внутрь трубы и направился внутрь города, надеясь найти там какой-либо пусть к спасению, или же, по крайней мере, выяснить, куда он попал. Ход вывел его к помещению, высеченному в камне, выглядевшему так, будто бы его высекли руки, по крайней мере, похожие на человеческие. После чего Джестер направился по коридору, на стенах которого ему попадались довольно часто странные сплетения зеленоватых узоров, такого же цвета, как и стекавшие по трубе потоки света, которые он видел до этого. Так Джестер и проходил безлюдные помещения наполненные странного вида гудящими и светящимися зеленым светом механизмами, погруженными в резервуары с жидкостью, светящейся неизменно зеленым светом. Видел он и объемные прозрачные сосуды, наполненные зеленоватой жидкостью, похожую

на ту, в которую были погружены механизмы. Эти помещения пустовали, и в них царил мертвенный покой. Лишь однажды он, заслышав шум, спрятался среди исполинских полных колб, увидев затем, как по комнате прошли, направляясь вглубь здания двое созданий, похожих на людей, но гораздо более высоких и выглядевших очень развитыми физическими, да и в глазах их блистал недюжинный интеллект. Сохраняя на своих лицах равнодушное и отстраненное выражение, беседуя о чем-то, эти существа вышли прочь из комнаты, не заметив Джестера. Место это выглядело странно и совершенно чуждым человеку. Интересно, куда пошли эти в простынях, подумал Джестер. Разговаривать с ними совсем не хотелось, хотя угрожающе они не выглядели. Постепенно Джестер вышел к новому помещению, заполненному странными контейнерами, сделанными из материала, похожего на синеватый металл. Одна из стенок каждого контейнера была прозрачной, словно стекло, на ней виднелся уже знакомый ему узор из зеленых светящихся полос. Контейнеры эти не были пустыми – в каждом из них сидели странные и пугающие создания. Одни походили на огромных насекомых, в одном контейнере он увидел жуткое существо, похожее на обтянутого гладкой и блестящей темной кожей человека, который разевал пасть, полную мелких, но очень острых зубов, растущих на первый взгляд более чем в три ряда. Было и иное похожее на скелет, пылающее ярким пламенем. Истекающие гноем и ядом, испускающие пронзительный холод и

искрящие молниями – бестиарий тут был весьма обширный. Кое-где мелькали фигуры обитателей этого места, он подходили к клеткам, осматривая содержащихся в них чудовищ, или же просто стояли рядом, обсуждая свои дела. Что удивительно, язык, на котором эти одетые в долгополые одеяния рослые создания был ему на удивление понятен. Собственно, Джестер был уверен, что между собой они переговариваются по-русски. Может я в будущее попал? – пронеслось в голове у Джестера. Отметать эту мысль он не торопился. Еще вчера он думал о том что знает все о мире, и вот на тебе – теперь он странный тип, с длинными белыми волосами, который может видеть в темноте, и неизвестно, что он умеет, да и находиться он в весьма странном месте, которое и в бреду не каждому привидится. Почему бы этому место и не быть будущим, вполне возможно. Постепенно пробираясь по бестиарию, Джестер уже заметил проход в другой коридор, который, возможно и мог привести его к спасению. Но тут, он неожиданно почувствовал странную дрожь в теле. Вдруг мир вокруг словно вспыхнул пламенем, но это пламя казалось нежным и ласковым, и глазам его предстала Норгус. Он увидел её такой, какой он видел её в последней раз – властительницей душ и грез, королевой любви. Она звала его к себе, возжигала в нем вновь пламя безумной страсти, и ему хотелось быть рядом с ней, служить ей, обладать ей... Может это и называется любовью. Но в нем уже действовал другой Джестер, он чувствовал себя более собой, чем он ко-

гда-либо бывал. Он не забывал и о странном изменении своей внешности, сопротивляясь чарам и обаянию Норгус, и о том, наконец, куда же он теперь попал. Постепенно дурман стал проходить, и Джестер обратил внимание, что это пламя вспыхнуло лишь для него, никто более не обратил на это внимание.

Но тут произошла другая вещь – Джестер почувствовал, что его заметили. Вскоре он услышал и крики – тот, кто его заметил уже очевидно решил позвать друзей на помощь чтобы словить его. Поняв, что таиться уже бесполезно, Джестер вскочил и побежал по бестиарию, петляя мимо клеток с чудовищами, стараясь найти новое укрытие, где можно было бы спрятаться от погони. Неожиданно его озарило, и он понял, чем можно отвлечь погоню. Своей новообретенной силой он, пробегая мимо, воздействовал на символ на клетке, после чего прозрачная стенка исчезла, а оказавшийся на свободе монстр – тот самый похожий на человека с зубастой пастью, оказался на свободе. Кинув на ошарашенного таким поступком Джестера, взгляд благодарности существо боосилось на его преследователей, грозно рыча. За спиной у себя Джестер услышал крики боли и ужаса, которым вторил рев монстра. Освободившись, монстр казалось, обрел большую силу, чем когда он сидел в клетки, так как своими лапами он принялся разбивать и другие клетки, из-за чего все больше и больше чудовищ вырывались на свободу. К своему сожалению, Джестер обнаружил, что все возможные выходы из по-

мещения заблокированы металлическими панелями. Словно бы в ответ на его громкие ругательства, первый их выпущенный им монстр, морда и когти которого были заляпаны кровью его тюремщиков, бросился к одной их стен и разбил её одним резким движением выбравшись наружу. Множество чудовищ последовали за ним, Джестер решил не отставать от них.

Выбежав наружу, он заметил что-то, похожее на вертолетную площадку, на ней же стояло нечто, похожее на летательный аппарат. Не долго думая, Джестер залез туда, внутри были помимо жесткого сиденья лишь несколько экранов, на которых мельтешили уже знакомые ему зеленоватые символы и пара отпечатков, словно бы от исполинских ладоней. Видимо к ним надо прикладывать руки, подумал Джестер. И в самом деле, приложив руки, он ощутил, как этот корабль стал подчиняться его желаниям. Экраны тотчас же вывели информацию о состоянии бортовых систем, и стала ощутима дрожь во всем корабле, будто бы он был готов к взлету. Хотя Джестер и не понял всей информации, которую он увидел на экранах, но тем не менее, он решил что корабль в полном порядке и отдал команду на взлет. Дрожь усилилась, и на экранах он увидел, что его корабль в самом деле взмыл в воздух. Но куда же лететь дальше?

Искать ответ на этот вопрос ему не пришлось, так как неожиданно завывла сирена, и он увидел как множество созданий, похожих на людей – хозяев этих мест как он понял,

высыпали наружу из зданий. Освободившиеся монстры вступили с ними в яростную схватку, разрывая их в клочья, сжигая и отравляя ядом, но, тем не менее, были быстро смяты лучами зеленоватой энергии, которая быстро сжигала и убивала даже самых на вид свирепых и могучих монстров. И тут он вновь ощутил присутствие Норгус, но теперь это была не только всепоглощающая страсть, но и слова, она пыталась говорить с ним. Она спрашивала его, почему он ушел от неё? Почему послушал свои страхи и сбежал? Ведь им могло бы быть так хорошо вместе, если бы он остался и позволил себе любить её а ей его... Любовь объединяет все, и она показала ему это. Взгляни на совершенство этих существ – говорила она ему. Видишь, в каком чистом мире они живут, как их технологии превосходят ваши, как совершенно и свободно их общество по сравнению с тем, откуда ты родом. И теперь, ты хочешь бежать от всего этого прочь? Пусть ты сделал неприятное им, повлек за собой их гибель, выпустив чудовищ наружу. Пусть, это не имеет более никакого значения, ведь я люблю тебя милый, люблю, люблю как никто на свете тебя никогда не любил и никогда не полюбит. А ты, ты бежишь от меня? Ты ведь делаешь мне больно – и он видел слезы в её дивных лучистых глазах – ты отталкиваешь меня, бежишь от меня прочь, неужели ты такой бесчувственный? Да, ты изменился теперь, и изменился сильно и внешне, и приобрел новые способности, границ которых ты сам пока не знаешь, но разве это не чудесно? Разве ты не мечтал все-

гда об этом? В внешность... да что тебе в ней, право? Ведь я люблю тебя, люблю тебя любим. Я любила тебя таким, каким ты был раньше – маленьким смешным и остроумным чудесным человечком. И теперь я люблю тебя, так же сильно, таким каким ты стал. Ты не должен бежать от меня, Джестер, не должен – плакала в его голове Норгус. Я же хочу, чтобы мы были вместе, ты и я. И ты тоже хочешь этого. Я дала тебе все, и дам еще, только не бросай меня, без тебя я не смогу жить, без тебя я умру – кричала она и в голосе е слышалась нестерпимая боль, боль от разлуки. Но Джестер все еще продолжал сохранять молчание, не отвечая ей, хотя каждое её слово отпечатывалось в его сердце, а её боль он ощущал как свою. Что же делать, что ж делать? – вертелся у него в голове вопрос. И тут, словно опять что-то озарило его, и он ощутил что может воспользоваться некими иными силами, такими же, или подобными тем, которым он пользовался ранее. И вот мощный выплеск энергии заставил все вокруг вскипеть неистовой бурей разрядов молний, заставляя плясать в дикарской пляске энергии этого странного города, одновременно эти энергии вселяли в него покой и уверенность и боль от любви к *ней* отступала. Он вновь ощущал, как он становится собой – Джестером, ехидным и свободным весельчаком. Но тут он ощутил сильный напор другой энергии, она исходила от жителей этих мест. Это была любовь, неопишуемая дивная любовь. И он знал, кого же так сильно любили. Это все была она – Норгус. Целый мир любил её, а

он сопротивлялся своей любви. Сколь странным это было, и тем не менее, а может быть и именно поэтому, он продолжал противиться, зная, что уступать нельзя. А они продолжали направлять на него эту силу делясь и одаривая его любовью, и каждый приносил в него частичку нежности... Но почему то совершенно не хотелось её принимать. И тут, он понял, что оставаясь здесь, он не сможет выстоять... Значит надо исчезнуть отсюда! Мысль эта была так просто и очевидна, что когда он открывал потоком новообретенной силы проход в другое место, он даже рассмеялся. Он просто радовался тому, что нашел выход из данного положения. Быть может не самый правильный и изящный, но это был выход, который его устраивал!

Шаг пятый: Вот уж не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

После исчезновения клубка молний во вспышке, жители города из синего камня и зеленого света некоторое время стояли пораженные, с выражением сочувствия на лицах, замерев без единого движения. После же огонь стал угасать в их глазах, и они стали расходиться по своим делам, двигаясь медленно и неторопливо, словно пребывая во власти каких-то тяжелых дум, или одурманенные чем-то. Вика и Маледикт обратили внимание, что у одного из зданий, стоящего на островке неподалеку, пробита изрядная брешь в сте-

не, и рядом с ней можно было увидеть множество тел. Тела принадлежали как и уже знакомым им созданиям в долгополых одеждах, так и каким-то чудовищам, будто явившимся из ночных кошмаров.

– Может на них кто-то напал, Вик? – поинтересовался Маледикт, заранее зная ответ, просто надо было прервать их затянувшееся молчание.

– Не знаю, Маледикт, не знаю, может быть, надо сейчас узнать это у... – и она осеклась, поняв, что их друг куда-то подевался во всей этой суматохе, и надо его найти каким-то образом.

– Маледикт, наш друг... он куда-то пропал, нужно срочно его найти.

– Где, как ты думаешь, он может быть? Ты запомнила дорогу от того места, куда мы сначала попали, и где мы встретились?

– Сомневаюсь, что он там. Может быть он в информатории, или в зале где были эксперты?

– Может быть... По крайней мере, мы сейчас недалеко от информатория и от зала экспертов. Мы можем быстро пройти туда, и если... В общем, я надеюсь, что мы найдем его там.

На том и порешили, Маледикт и Вика направились сначала в информаторий. Дорогу найти оказалось не сложно, но по пути они неоднократно встречали хозяев этих мест. В глаза бросался их потерянный вид – мужчины выглядели подавленными и сокрушенными, женщины же украдкой плакали,

их лица были мокры от слез. Повсюду царило немислимое горе и отчаяние, будто бы... Казалось, что какая то беда случилась с кем-то, кто был очень дорог всем жителям города. Это было очень странно – после их уже ставшего привычным ледяного спокойствия и равнодушия видеть такое горе и такое всепоглощающее отчаяние. Хотелось их всех утешить. Но как можно было это сделать? Ведь ни Вика, ни Маледикт не знали, отчего они так горюют. Но вот они услышали обрывки разговора:

– Ты можешь представить, Себ? Обидеть её, бросить её! – рыдала женщина.

– Да, это немисливо, как он мог, как он мог! – с дрожью в голосе отвечал сокрушенный мужской голос.

– Она так прекрасна, так ранима, так наивна! Ну почему, почему так происходит! Я не смогу перенести этого!

– Лайза, мы должны жить с этим... Мы должны верить, что все однажды образуется. Я уверен он и сам страдал и мучился, поступая так.

– Да?!

– Уверен...

После чего женщина, видимо, уже не в силах сдерживаться, зарыдала навзрыд, и, словно бы получив разрешение, многие женщины в этом здании разрыдались, не скрывая уже своих слез.

Удивительно было видеть такое подавляющее горе, объявшее целый город. Но, тем не менее это было так. В ин-

форматории они нашли еще нескольких, столь же объятых горем горожан. Они, правда, выглядели более спокойными, будто бы какой-то долг помогал им пережить горе. Многие из них приникли к экранам информатория. Теперь помимо непонятных символов на экране виднелись изображения трупов чудовищ и тел погибших. Также некоторые рассматривали записи, очевидно сделанные во время побега монстров – как огромный монстр разламывает клетки, похожие на металлические контейнеры, после чего оттуда выходят на свободу множество неопикуемых созданий, которые начинают гоняться за созданиями в долгополых одеяниях и разрывать их на куски, и расправляться с ними другими не менее жестокими способами. Также на одном из экранов они увидели как первый монстр выбрался на свободу – пробежавший мимо человек с длинными белыми волосами открыл клеть, из которой затем и выбрался на свободу, похожий на человека, покрытого темной кожей и с пастью со множеством острых зубов, который уже стал крушить прочие клетки, выпуская пленников на волю. Но среди тех, кто рассматривал экраны информатория, не было их друга, так что молодые люди направились на верхний этаж, надеясь найти его там. Горе же вокруг постепенно успокаивалось, и многие горожане возвращались к своим делам. В зале экспертов было так же много народу, как и в первый раз, когда они вошли туда. Их друга не было и там, но среди экспертов они увидели того, седого, который пытался им что-то объяснить. За от-

сутствием лучшего они направились к нему. Седой очевидно вспомнил их, потому что, заметив их, он обернулся к ним, и терпеливо дождался, пока они подойдут поближе.

– У вас что-то случилось? – спросила Вика седого.

– Да, произошел побег образцов из бестиария.

– Ужасно, мы видели, что многие из ваших погибли!

– Это не самое страшное.

– Как, вы не огорчены гибелью ваших соотечественников?

– Огорчен, но сегодня произошло гораздо более ужасное для каждого из нас событие...

– Быть может, мы можем вам помочь?

– Как удивительно... Вы хотите нам помочь, а не могли ли вы иметь касательство к причине нашего горя?

– Как мы же здесь совсем недавно, и мы тут только недавно и ваш друг видел нас все это время – горячо заговорила Вика, поняв, что этот седой может на них осерчать, а этого бы не хотелось им обоим – ей и Маледикту.

– Тем не менее, истечения энергий очень сходны, они указывают на непосредственную и очень тесную связь со всеми вами, то есть, с вами двумя и нарушителем. С тем самым, кто открыл клетки с образцами, и также с тем, кто отверг и бросил её..

– Что, вы имеете в виду... – начал было Маледикт, но седой прервал его.

– Не важно, что вы хотите сказать, вероятно, в данной ситуации нам следует изолировать вас, во избежание повторе-

ния инцидентов.

Сказав это седой поднял руку, в которой появился шар синеватой энергии. Заметив действия седого, все находящиеся в зале обернулись к ним, сохраняя равнодушные и бесстрастные выражения лиц. В руке каждого возникал сгусток энергии, у каждого он был своего цвета, отчего темная комната озарилась радужным светом, который мог бы создать ощущение праздника, если бы все это не выглядело столь угрожающе. Вика и Маледикт попятнулись было к входу, затем переглянувшись, побежали, слыша за спиной неодобрительный гул голосов. Голоса звучали именно неодобрительно, в них не было ни угрозы, ни ненависти. Воистину, странный был мир этих созданий, однако, размышлять было некогда – нужно было спастись, так, больше эти места не выглядели безопасными. Но тут неожиданно спереди их хлестнула вспышка радужного света, такого как и тот, что сминал светящийся клубок молний. Но это не оказало никакого воздействия на них, чему видимо, несказанно удивились, и те, кто бросил в них эту энергию с целью... Неважно, что они имели целью, важно лишь то, что это у них не получилось. Они бежали к выходу из этого здания, не думая о том, что даже если они смогут выбраться наружу, им некуда будет бежать. Но тут откуда-то раздался глубокий низкий голос, который произнес: Опаздываете! Нужно быстрее!

И в тот же миг молния ударила рядом с ними, по крайней мере, так им показалось. И они обнаружили, что... висят в

воздухе.

Вскрикнув, они оба упали в сугроб, смягчивший их падение. Вокруг было довольно холодно и лежал снег. Была ночь и небо прорезали зигзаги далеких молний. Странно было видеть такое сочетание, как молнии и снег, но, тем не менее, это было так. Новое перемещение ошарашило их, но, по крайней мере, пока они были спасены. Впрочем они так думали и после того, как попали в город из синего камня и зеленого света. Что же теперь готовило им это новое место? Ни Маледикт, ни Вика пока не могли дать ответ на этот вопрос. Но определенно было одно – им надо двигаться вперед, и найти чем можно согреться, и каким-то образом выяснить, куда же они попали. И так они пошли вперед, выдыхая облачка пара. Ночь была тиха, и далекие вспышки молний сверкали странно беззвучно, не оглашая окрестности обычным в таких случаях громом. Хотя мороз был и не очень сильный, но тем не менее скоро они начали замерзать, так как все таки их одежда не подходила для зимы, которая так неожиданно приняла их в свои объятия. К их счастью, не было ветра, и в беззвучной зимней ночи это производило впечатление того, что они оказались на краю мира, совсем одни, заброшенные сюда неведомо зачем какой-то непонятной силой. Ни огонька вокруг не было видно. Если тут и жили люди, или кто-то похожий на них похожий, то они никак не выдавали своего присутствия. А Вика и Маледикт все шли и шли вперед, надеясь увидеть, наконец, огоньки какой-ни-

будь деревни, или хоть чего-нибудь, хоть какой-то признак жизни. И впереди все также рассыпалась снежная равнина, сверкающая в лучах луны, и во вспышках далеких молний сияющими бриллиантами снежных искр. Впереди виднелись и далекие горы, также покрытые снегом от основания до далеких вершин. Быть может, там есть кто-то? Никто из них двоих не знал ответа на вопрос, и все, что им оставалось – это идти и идти вперед надеясь... В первом месте, куда они попали им сразу предложили помощь, хотя впоследствии им и пришлось бежать, что и привело их сюда. Но теперь, они думали, может лучше было бы остаться в каменном светящемся зеленым светом городе, вместо того чтобы вот так брести по столь прекрасному, но могущему оказаться для них гибельным снежному краю.

– Маледикт – чуть слышно прошептала Вика.

– Да, любимая? – спросил её Маледикт, чувствуя, что от его голоса в сердце поднимается дрожь, и, хотя вокруг них все сковал мороз, внутри все оледенело так, что этот мороз был злее зноя пустыни.

– Маледикт... я не могу больше идти... я умираю...

– Нет, Вика! Ты не умрешь, клянусь тебе! Мы уже недалеко, скоро мы придем в теплый дом. Где нас посадят к теплой печке и напоят горячим чаем. Нам нужно только еще немного пройти. Не сдавайся, Вика! Держись, пожалуйста, только держись.

– Я не могу... брось меня здесь, пожалуйста, не думай обо

мне... я хочу только чтобы ты жил... пожалуйста, брось меня и иди один...

– Вика, я никогда и ни за что тебя не брошу. Если мы умрем, то умрем вместе.

– Нет, Маледикт милый, я очень тебя прошу, иди... я так хочу, чтобы ты спасся, чтобы твое сердечко билось и ты жил долго...

– Я не смогу жить без тебя!

– Я очень тебя прошу... любимый мой, пожалуйста... я так счастлива, счастлива, что последнее, что я увижу в этой жизни будешь ты... иногда я сомневалась, люблю ли я тебя на самом деле... а теперь, я знаю, что ты единственный ради кого, я дышала, и смотрела на мир... все что было в моей жизни прекрасного... все это был ты...

– Вика, не говори так, мы будем жить, и проживем долго... И ты всегда будешь рядом со мной... Вика... Вика... Вика! – закричал Маледикт, увидев, как её глаза безвольно закрылись и она обмякла, оседая на снег. Он успел подхватить её на руки. Дрожа от ужаса, он прикоснулся к её пульсу, и с облегчением понял, что он еще бьется, а значит, Вика еще жива, и он еще сможет спасти её. Дыхание её было прерывистым, но она еще дышало, и лицо её еще не побледнело смертельной бледностью. Казалось, что она заснула, и в самом деле – лицо её было спокойной, как у спящей, и она даже улыбнулась сквозь сон. Губы её шепнули что-то, и он понял – даже во сне, быть может умирая, она шептала его

имя и думала о нем. Он просто обязан был спасти её! Как он мог думать о чем-либо еще, пытаться спастись самому, если это значило обречь на гибель ту единственную чудесную девушку, которая даже на пороге смерти думала только о нем. Нет, он не мог так поступить.

Маледикт подхватил её на руки и понес её, ощущая, как же смертельно он устал, и как холод выпивает из него все соки, а он все идет и идет, не сдаваясь и не отступая, зная, что все ради чего ему еще стоит жить, все ради чего стоило дышать и видеть этот мир, было для него в той, которую он нес на руках. И так он шел вперед, уже теряя сознание, его держал лишь одно – то, что он должен спасти Вику, чего бы ему это не стоило.

Мир стал меркнуть перед его глазами, и он почувствовал это – сил больше не осталось, они обречены... Та сила, что спасала их уже два раза, больше не придет к ним на помощь... И они останутся тут, пока снег не заметет их. Как там было у «Эпидемии»? Пора отдохнуть среди скал, покрытые льдом, словно сердце мое... Забвенья страну... Мне край этот мил, нет боли и слез, все чувства убил волшебный мороз... Кто любовь потерял, превращается в лед, кто её отыскал никогда не умрет – сквозь заволакивавший сознание туман вспоминал Маледикт. Пусть они и останутся здесь навечно, но любовь их теперь будет жить. Пусть даже в этом снежном крае, наверное, в той стране забвенья, о которой пела «Эпидемия». Любовь их будет жить, думал Ма-

ледикт, ощущая, как проваливается в небытие из которого нет возврата, думал о Вике, о том, как она прекрасна, как её солнечная улыбка навсегда останется в этом снежно-лунном краю. Но они вместе даже теперь... И они всегда будут вместе... Навсегда...

Так, подумал Джестер. Отлично, куда меня на этот раз занесло? Вокруг шумел лесок. Выглядел он вполне себе как лес – деревья зеленые, не синие и вообще выглядят по родному так – елочки всякие, березки. В общем глаз отдыхает, особенно после этого города будущего. Надо думать теперь, чем мы сейчас займемся. Хм, никаких признаков цивилизации вокруг, даже трубы сточной нет, залезть некуда. Ладно, шучу – разговаривал с собой вслух Джестер. Итак, что мы будем дальше делать? Нужно попробовать определить, куда он на этот раз попал. Несмотря на елочки с березками было явно видно, что это не его мири, или не его время, в общем, он тут проездом. А раз проездом, значит нужно идти дальше. Откинув уже привычным жестом длинные белые волосы назад, он направился к журчащему неподалеку ключику. Присев возле него, Джестер зачерпнул кристально чистой воды и с наслаждением напился. Хорошая тут водичка – подумал он. Легкий шорох привлек его внимание и заставил насторожиться. Тревога к счастью оказалась ложной – это всего лишь белка шмыгнула по земле и запрыгнула на дерево, исчезнув затем среди деревьев. Джестер, сидя на земле воз-

ле ключика, облегченно привалился к дереву спиной. Так, значит пока можно расслабиться и решить, что ему делать. Итак, Джестер прикрыл глаза и стал думать...

Минуты шли, а все что-то ничего не придумывалось. Мда, так дальше сидеть нельзя. Чтож, надо идти вперед. Вон там просвет среди деревьев, вроде и тропинка какая то есть. Значит можно идти туда, скорее даже нужно. Одернув куртку, Джестер зашагал по тропинке, раздумывая над тем, что произошло. Как-то до этого времени не было подумать, а теперь вроде такой тихий лесок. Надеюсь, что звери тут добрые и неопасные и людей кушать не любят. Хотя кроме той белочки пока никого не было видно или слышно. Да уж, пока все что с ним происходит, выглядело так, будто к нему «белочка» и пришла. Так, думаем дальше. Он каким то образом сначала перенесся прочь из того кошмара, который создала Норгус, а потом открыл клеть с чудищем внутри. Наконец, он перенесся в этот лесок. Обычно, люди так не делают. Теперь подумаем, а можно ли эти способности использовать снова. Может возникнуть такая необходимость. Может и остановиться сейчас и попробовать? Хм, ну почему бы и нет? Джестер остановился и сошел с тропинки. Так, что бы такое сотворить сейчас? Может, попробуем в воздух взлететь? Ну, давайте попробуем. И вот Джестер собрал свои внутренние силы, ощутил сильное напряжение и дрожь во всем теле, практически почувствовав, как взмывает в воздух... Но ничего не произошло! Как так?! Непонятно, только

что он сотрясал все вокруг молниями и разбивал в дребезги силы иного мира, или, может быть времени. И вот, не может даже свершить даже такую простую вещь! Может просто заряд кончился? Может если подождать, потом все получиться? А сколько ждать нужно? В душу Джестера закралось беспокойство. Ему хотелось быть во всеоружии на случай, если что-то случиться, а тут... Странно и удивительно. Это даже начинает пугать, неизвестно ведь, что могло случиться в следующий миг. Если его так кидает по разным местам, опасным и не очень, кто может предсказать, что ему предстоит в следующий миг?

Нет, постой, постой – успокоил Джестер пляшущие мысли. Не буди лихо, пока оно тихо и все будет в порядке. Так, а может вот летать то не получилось, а может и еще что-нибудь получиться? Вон на елке шишка висит, хочу, чтобы она свалилась! Не падает – плохо. Так, а вот я сейчас тут стою, а вот хочу на тропочку перенестись, на пару шагов вперед. Тоже никак, да? Так, значит, это просто так не работает. Будем надеяться, что когда нужно сработает. Итак, что теперь будем делать? Ну шли мы вперед, наверное, стоит продолжить туда идти. И Джестер направился вперед по тропинке. Окружающая обстановка успокаивала, лесок не выглядел зловещим, вдалеке слышалось пение птичек, где-то читал что если птицы поют, значит все в порядке. Постепенно Джестер перестал прислушиваться к звукам леса, решив, что ему ничего не угрожает, а потом стал напевать какую-то пе-

сенку, настроение у него повысилось. И вот, вдалеке показалась какая-то избушка. По другому этот маленький бревенчатый домик было назвать просто тяжело. Кто же там живет? Уж не Баба-Яга ли? Будем надеяться, что нет. Подойдя к избушке, Джестер услышал громкое веселое пение изнутри. Кто бы он не был там, настроение у него явно хорошее. «Он», это потому что голос мужским кажется, хотя, кто его знает. Также будем надеяться, что он не каннибал, или, по крайней мере, что Джестер ему аппетитным не покажется. Подойдя к домику, он постучал в дверь. Через некоторое время дверка отворилась, и на пороге возник рослый, ростом выше Джестера, крепкий мужик, одетый в грубую домотканую рубаху и такие же штаны. Кроме бороды и длинной гривы нечесаных волос, в глаза также бросалось его недюжинное физическое сложение, а также то, что кожа его видом очень напоминала гладкий отполированный дуб. Окинув Джестера быстрым взглядом, мужик сказал ему низким хриплым голосом – Ну заходи, коль пришел, потолкуем. Столь радушный прием несколько удивил Джестера, но он решил оставаться настороже – мало ли что можно ожидать от этого чудного мужика, учитывая то, что сам Джестер сейчас невесть где находится. Хотя что-то внутри него говорило, что доверять этому мужику можно.

Тем временем они оба – и хозяин избушки и Джестер, вошли внутрь. Тяжелыми шагами мужик прошел к столу, который стоял возле окна.

– Пить хочешь? – спросил он Джестера.

– Да, конечно – произнес Джестер, ощутив, что в горле и в самом деле пересохло. Хозяин дома взял со стола чистую глиняную кружку, зачерпнул из небольшой кадки воды и протянул ему. С благодарностью Джестер принял кружку и выпил воды, очевидно, из того самого лесного родника, такой она была прохладной и освежающей. Дождавшись, когда Джестер напьется, хозяин принял у него кружку, после чего, поставив её на стол, протянул ему руку и коротко произнес – Ведимир.

– Джестер

После чего оба они обменялись рукопожатиями. Джестер обратил внимание, что руки Ведимира имеют странный, и несколько непривычный вид – помимо цвета и фактуры кожи, они выглядят более мощными, чем у человека, и оканчиваются мощными и несомненно острыми когтями. Переведя взгляд ниже, Джестер обнаружил, что босые ноги Ведимира также больше походят на лапы какого-то зверя, и при этом также оканчиваются мощными когтями.

– Ты меня тоже удивляешь, сколько вашего брата не встречал, но вот такого как ты в первые вижу – неожиданно сказал Ведимир, столь же внимательно осматривавший Джестера.

– То есть как это – вашего брата?

– Таких как ты людей, из твоего родного мира.

– А вы уже встречали их?

– Да, и немало. Иногда в мои края забредают и они, иногда и другие, всякие одним словом. Но вот таких как ты никогда еще не встречал.

– А что со мной не так?

– А я вот и не пойму, что – произнес Ведимир, присаживаясь на один из грубо сколоченных стульев рядом со столом и делая жест Джестеру сесть на другой стул – вроде и внешне ты как человек, и думаешь похоже, но вот прям сквозит в тебе что-то, не ваше наверное, даже не знаю как тебе сказать. Ты как сюда попал то?

– Ну, вот бежал прочь, и перенесся сюда.

– Как это перенесся? От кого бежал, зачем?

И Джестер коротко описал ему события, произошедшие с тех пор, как они приехали на дачу к Норгус – и ритуал, и его появление в странном городе, и свою встречу с Норгус там.

– Интересно, только все равно странно это, то чем ты являешься – произнес Ведимир, выслушав рассказ Джестера.

– А вы сами кто такой? – спросил Джестер, решив, что не помешало бы знать о его собеседнике побольше.

– Ну я тут в лесу живу, как видишь, Ведимиром кличут, уже сказал. Я не вашей породы, здешний я. Только я не простой здешний, потому и живу тут, и вот из других миров знаю кто приходит, и тебя вот неспроста встретил.

– А вы все такие...

– Внешне то? – засмеялся Ведимир – да брось, парень, я ж вижу как ты на мои когти уставился. Да разные есть, есть

и похожие, есть и не очень. Ты не думай, что я зверь какой, я, может и помочь тебе хочу.

– А почему вы хотите помочь?

– А это мое дело, да и все равно узнаешь скоро. Да и могу же я просто, по доброте душевной что-то сделать а?

– Сложно сказать. Прости, Ведимир, но я же тебя в первый раз в жизни вижу. А вот как я тебе рассказал, а том мире, откуда я сюда попал, там меня не очень то радушно встретили.

– Ладно, верить не хочешь, не верь. Сам потом все поймешь, что к чему. Силу я твою чувствую, знаешь ли, понимаю силу эту.

– Правда? И откуда? А меня научить пользоваться можешь?

– Откуда откуда, знамо откуда, все оттуда – улыбнулся Ведимир – как понимаешь, сказать тебе это сейчас, откуда берется ничего не даст тебе. А вот когда сможешь ты это понять, то, может то что я тебе сейчас наговорю с толку собьет. Посему, скажу тебе, что узнаешь ты, как своей силой пользоваться, непременно узнаешь. И будешь скакать между мирами, старика уж не забудь, загляни – улыбаясь произнес Ведимир.

– А откуда, оттуда то, Ведимир? Ну хоть намекни как, а?

– Сказал, ты, Джестер, намекни, тут такие намеки знаешь ли... Ладно, скажу тебе кое-что. Ты как себе гармонию представляешь?

– Гармонию?

– Ну да, гармонию, так вот, когда все вроде на своем месте и все как надо устроено, вот в виде чего ты это видишь. Я вот например в виде леса все вижу, как в лесу есть и деревья, и кусты, и травки разные, и звери, ключики-роднички разные, и люди вот забредают, бывает. Вот оно как все гармонично и красиво даже. А вот ты такое как видишь?

– Ну не знаю, тоже лес, наверное...

– А, вот ты и сбиваться начал, Джестер. Лес это моя родина, а тебе... Ну не так наверное сказал, по другому попробую. Вот есть у тебя, такое отчего вот сердце просто в груди замирает, что непонятно чем, а прям по самому духу скребет. Есть же у тебя что-то такое? Или может вспомнить есть чего?

– Вспомнить... Ну вот вспоминаю часто момент один. Как вот недалеко от города у нас недострой есть, здание, вот строить начали, да забросили. Оно уже и пообвалилось местами, а все равно что то в нем влечет так... Некоторые туда лезят, ну уж не знаю зачем... Да я и сам вот вечером тоже полез. И вот на самую то верхотуру залез, помню, и смотрю – город, в лучах заката, огни уже зажглись все, стемнело уже считай, и вот так смотришь... Красиво – завершил Джестер свои воспоминания, мысленно переносясь в тот миг.

– Вот, вот оно что, Джестер, видишь теперь.

– Что же, я такой как ты? – спросил он Ведимира.

– Нет, другой ты, парень, совсем другой. Ты вот про город подумал, про то как там красиво. Видишь, а я про лес думаю.

– Ну это город, это я у нас такой двинутый немного. А ведь известно, что вот по настоящему красиво что в природе, как ты сам говоришь лес, там деревья разные. А город? Некоторые вот говорят клоака, там машины всякие, радиация, еще неизвестно что.

– В том то и суть. Города, со всей вот этой грязью, про которую ты сейчас сказал, также ведь нужны.

– А для чего?

– Ну как для чего, нужны и все тут! В том то и суть гармонии и красоты. Вот когда картину художник рисует, он же берет краски, смешивает их, чтобы разные были. И черные цвета тоже добавляет. Ты вот сразу видно в городе живешь, за огородом не ухаживал. А вот чтобы на огороде все росло что используют? Навоз используют, компост, сиречь перегной, или попросту говоря, гнилое, тленное. Вот так и тут, а мир то он, знаешь ли посложнее любой картины будет...

– Странно...

– Это тебе сейчас непонятно, а потом то уже привыкнешь, будешь понимать, и все образуется. А это тоже ведь часть мира! Все вот едино, признаешь ты это или не признаешь. А вот то, что ты единство не сознаешь, так то тоже часть этого единства.

– Погоди, погоди, Ведимир, запутал ты меня совсем. Какое единство? Откуда? Ты вот еще про мир говорил... Почему? Отчего?

– Да, Джестер, я же тебе сказал – ты со временем поймешь.

Я, правда, не знаю когда именно это случиться, но так и будет, уж будь уверен. А сейчас и не пытайся все разгадать, давай лучше подумаем, чем дальше тебе заняться, и куда идти.

– Прогоняешь меня, Ведимир?

– Ну уж сказал тоже, прогоняю, так, просто нужно же тебе идти дальше, я то вижу. Отдохнуть остаться у меня ты еще можешь, тебе то в непривычки отдых будет нужен, ну а уж пока я в силах, тебя у меня никто не тронет.

– А...

– Ведьма-то твоя? Сюда ей ходу нет, пока, по крайней мере. Так что ты отдыхай, сил набирайся. А я пока помозгую, чем тебе еще помочь можно. Да, ты вот не просто сиди, вижу спать сейчас не сможешь, ты вот в себя загляни. Попристальнее так. Ты же уже кое-что понял, куда попал и что ты теперь есть.

– Ведимир, смеешься никак! Да я вот сижу тут голова только пухнет, и ничего непонятно – что, почему да откуда.

– Нет, Джестер, ты понимаешь. Не все конечно, но что-то в тебе определенно уже прояснилось.

– Опять своим зрением астральным смотришь, или что там у тебя...

– Нет, это простым зрением понятно.

– Как?!

– А ты себя со стороны давно видел? Вон в углу зеркало, посмотри, если хочешь.

– А, да... – Джестер так уже привык к своей новой внеш-

ности, что уже и забыл что с ним не так. И что ранее он выглядел несколько иначе... А кажется то, что это было целую жизнь назад.

– Ты мне, Джестер, поверь – неожиданно сказал Ведимир, прерывая ход мыслей Джестера – Просто так никто седым не становится раньше срока.

После чего Ведимир вышел из дома. Через некоторое время с улицы донеслось хрипловатое пение, показывающее, что Ведимир здесь, и, видимо чем-то занят. Ну, пока он поет, может действительно так посидеть, подумать, как он сказал, в себя заглянуть». Как это интересно – в себя заглядывают? Надо попробовать... Ах, опять, как когда он перемещаться пробовал или шишки кидать, даже не знает, с чего начать. Может тогда уж у Ведимира спросить? Нет, он опять скажет – мол, не хочу тебя сбивать, тебе потом помешает. Нет, тут как то самому надо. Вот только как? Так, успокоиться надо... Может водички попить? Ну, давайте водички поьем, благо Ведимир кружку оставил. Так, вот немножко отпили, ох хорошо – освежает так, вода тут такая чистая свежая вкусная... Неудивительно, что Ведимир тут поселился, я бы может тоже тут поселился. Еще кружку выпить чтоли? Пить так хочется...

Подумав так, Джестер налил себе еще кружку воды и сел за стол, мрачно разглядывая свое отражение в кружке. Вот уж его закинуло, так закинуло. Ведимир вроде мужик свойский, а вот тоже все куда то послать его хочет, толком ничего

не объяснил. И заглядывать в себя... Как? Это ведь не так просто, как на первый взгляд кажется. И еще вот что с ним произошло... Просто так седыми не становятся, это уж точно, вон прям хоть не смотри на свое отражение, как и не его словно. Волосы эти белые, а глаза наоборот темные, и подмигивает еще...

Постойте! Как это подмигивает? Это же отражение, или у него тик начался? Или галлюцинации? Может вообще все это бред?

Тем временем его отражение в кружке воды помахало ему рукой и позвало его куда-то, но куда?

– Тебе что нужно? – спросил Джестер. Ну а что, тут уже и с отражением говорить начнешь.

– Тебе в себя надо было заглянуть, ну вот он я! – ухмыльнулось привычной ему ехидной улыбкой его отражение.

– Так ты еще и говоришь!

– Я уже с тобой говорил, помнишь? То есть, это ты сам с собой говорил.

– Ну хорошо, и что тебе от меня надо?

– А это ты сам реши, ведь я – это ты сам.

– Да я сам не знаю, путаница в голове, если честно, не пойму все ...

– ... как, что и зачем – закончило за него отражение – Вот мы и с тобой договориться не можем, раз такой сумбур в голове. Порядок надо навести, не находишь?

– И как?

– Домой бы нам с тобой, ну отдохнуть, почитать, чайку попить, ну ты сам знаешь, как ты расслабляешься, что я то рассказывать буду.

– Да было бы неплохо... Эх мог бы, конечно, перенеся бы туда, да вот у меня что все работает, ну ты сам знаешь...

– Знаю, но нам то сейчас нужно в себя прийти как то, верно? Или к себе? Так, я уже точно путаться начинаю во всем этом.

– Это я хотел сказать как раз.

– А это ты и говоришь, ведь я – это ты, забыл? Так, а это у нас что...

Мгновением позже Джестер ощутил себя на балконе своей квартиры. На город опускался закат, и привычный дневной городской шум затихал. Иногда налетал легкий ветерок, разгоняя тепло летнего дня и принося освежающую прохладу.

– Чаю хочешь? – спросил знакомый голос у него из-за спины. Обернувшись, Джестер увидел сзади себя... себя же, такого, каким он стал теперь. В руках его второе «я» держало по кружке с чаем. Одну кружку он протянул ему, из другой с видимым удовольствием сделал большой глоток.

– Хорошо тут... – протянуло его второе «я», нарушая молчание.

– Как ты это сделал?

– Сам знаешь – никак, как и все у нас, само получилось.

– Ну и надолго мы тут?

– Наверное, пока не договоримся до чего-то. Кстати, обратил внимание, мы же не на самом деле дома, а в воображении?

– Да? А так все естественно, реалистично, я бы даже сказал. Ну вот тут можно и отдохнуть.

– Так это и надо делать. Итак, давай-ка покумекаем, что нам делать дальше, и почему вообще все это произошло?

– Так что дальше делать, ну нас куда то послать собираются, или отправить, ну в общем ты меня понимаешь. Вопрос – а нам то это нужно? Может сказать «нет» и все?

– Сомневаюсь, что получится... Ты ж сам знаешь, ведь хочется дальше пойти посмотреть, что дальше случится, это ж гораздо интереснее всего, что с тобой до этого случилось. Извини, с нами случилось.

– Это верно. Выходит, я отказаться просто не смогу, так?

– Ну похоже на то... Итак, значит мы идем дальше, и там уже действуем по обстоятельствам?

– Ну да. Надеюсь у нас также все будет со способностями выходить. Кстати откуда мы такие способности то взяли?

– Спроси что полегче. Кстати, а с чего вообще все это началось то?

– Ну с чего, с Норгус. Поехали мы к ней на дачу, там она какую-то магию устроила, вот мы теперь и сидим в избе мужика какого-то, а думаем, что у себя в квартире на балконе стоим, чай пьем.

– Ну, хорошо, а она тогда кто? Что то с ней нечисто, не на-

ходишь? Как она магией и тебя окрутила, и тех тварей... Да и в том синем городе, помнишь? Ведь до тебя дотянулась там, и те, которые там живут, ей помогали всячески. Эх, кораблик наш летающий жалко, который там остался, помнишь? А то, может, и полетали бы сейчас...

– Так что же ей от нас... от меня то есть надо?

– Ну тут все просто – она нас... тебя любит.

– Это замечательно, а что же она нас чуть не ухайдакала то?

– Знаешь, говорят – бьет, значит любит – хмыкнуло второе «я» Джестера.

– Очень смешно! Вот серьезно, зачем все это?

– Ты еще спроси, а Ведимир кто? Он же не только внешне странный, он и как то очень уж добродушный. Подозрительно как-то. Мы ж тут не в сказке, где герою добрый волшебник помогает прекрасную принцессу спасти. Тут и от принцессы спастись пришлось, да и не похож Ведимир на сказочного волшебника.

– Ну чувствую я, что можно ему доверять. Может это способность такая появилась...

– ... или ты стал очень наивным, Джестер – закончило его второе «я».

– Да тут хотя бы по законам жанра должен появиться кто-то, кто нам поможет. А вот потом, он, вероятно, станет злодеем, ну может, в следующей части.

– Все шутишь, а вот не знаю, как тебе, а я все таки еще

жить хочу!

– Я тоже. Знаешь, никогда не думал, что я такой...

– Какой?

– Ну, странный какой-то. Впервые, понимаешь себя со стороны увидел.

– Это полезно! Что еще скажешь хорошего?

– Да что ту скажешь. Мотает нас туда-сюда, так и не поймешь, где и что. Сколько у нас еще времени есть на беседу, не знаешь?

– Без понятия. Как считаешь, мы потом опять так поговорить сможем?

– Ну мне – и тебе наверняка – кажется, что потребности именно в такой беседе у нас не будет. В конце концов, мы одно, так вот все что в нас есть, составляет все же одного человека, или кто там я теперь есть. Как Ведимир про мир говорил, вот и тут также...

– Тебе не кажется, что ты его понимать начинаешь?

– Ведимира-то?

– Да.

– Хм, ну может... Хотя мне кажется, что мир-то посложнее будет, чем я так думаю. А то у него очень уж все просто...

– Слышал выражение «все гениальное просто». Так что я бы к его словам так не относился бы. Очень может быть, что потом ты и сам встретишь и будешь научать так какого-нибудь юного падавана.

– Нда, а потом он перейдет на темную сторону силы. Лад-

но, что там у нас еще есть обсудить то?

– Даже не знаю, очень много всего. Наверное, нам уже пора, чувствуешь?

– Да ладно, никто не гонит пока.

– Уже светает...

– Что?!

– Да вот, сам глянь.

И Джестер обратил свой взор на окраину города, где из за домов показались лучи казалось бы недавно зашедшего солнца. И вновь он пережил тот миг, про который он рассказал Ведимиру – миг, когда посреди шумного города он ощутил свое единение с миром и с природой. Прикрыв глаза, он ощутил, как кожи касаются первые нежные лучи солнца и легкие порывы первого проснувшегося ветерка. Птицы уже стали петь свои утренние песенки, и ранний автолюбитель прошумел по дороге мотором своего железного друга. И потом вновь все затихло, оставив лишь ощущение того, как весь мир просыпается. Просыпается с удовольствием, как после крепкого освежающего сна, в котором ему снились чудесные сны.

И тут, Джестер понял, что стоит на балконе один, и даже кружка с чаем – его любимая кружка! – снова одна. И он понял, что теперь он стал больше понимать сам себя. Теперь, он обрел некую внутреннюю гармонию и единство, такую, какой то этого у него не бывало. Он не стал бороться сам с собой, как с врагом – он принял себя, как самого себя, как это и на-

до было делать. И знал, что может быть уверен в себе, и делая что-либо зная, что справиться с любыми испытаниями, какие бы не подкинула ему судьба и та дорога по которой он ныне идет. А это значит, что он отправляется в дальнейший путь, и кто знает, что ожидает его на этом пути?

Но чтобы не ожидало пего, он готов встретить это со спокойным сердцем и был уверен в себе, что выдержит любое мыслимое и немыслимое испытание.

Он поднял кружку, чтобы допить оставшийся чай, и обнаружил, что его отражение в кружке улыбается ему и подмигивает ему, точь-в-точь, как в начале их беседы...

И вновь он держал в руке глиняную кружку с водой, в которой отражалось его лицо. Вновь он был в деревянном домике старого Ведимира и за окном гасли последние лучи заходящего солнца.

Некоторое время Джестер сидел, словно оглушенный. Теперь он уже просто задумался, как обычно задумываются люди над какой-то проблемой. Он сделал выбор – теперь это он понимал это четко и ясно, как если бы кто-то написал это большими буквами на небе. И теперь ему нужно было ответить за последствия своего выбор. Нельзя было сказать, что Джестер не боялся. Он немного побаивался, но, по крайней мере, признавал это, и не врал самому себе.

Но вот, внимание Джестера остановилось на том, что он не слышал пения Ведимира. Почему то он замолчал. Что случилось?

Словно бы в ответ на мысли Джестера, за окном послышались тяжелые шаги. Со скрипом отворилась дверь в избушку, и туда вошел Ведимир.

– Ну что, отдохнул? – спросил он Джестера. Тот кивнул.

– Тогда пошли.

Джестер поднялся со стула и вдвоем с Ведимиром они вышли наружу. Вопреки ожиданиям Джестера, снаружи не было подготовлено какого-то магического круга, пентаграмм, ритуальных костров, или чего-либо подобного. Снаружи все было таким, как и когда он подошел к избушке Ведимира. Может быть только сейчас Джестер обратил внимание на то, что дорожка по которой он пришел сюда, тянулась и дальше. Вдалеке он увидел что лес обрывается, а за ним начинается...

– Да, тебе туда надо идти. Сейчас.

– Именно сейчас? – спросил Джестер.

– Да – пробасил в ответ Ведимир – туда, и сейчас.

– А что там будет то впереди?

– Да болото будет. Это сначала. Там тропки по нему есть, так, что ноги не замочишь. Иди там спокойно, ничего не бойся. Главное ты не сворачивай с тропок. Да там грязно, ты думаю и не захочешь. Вот пройдешь, а потом болото кончится, и знак будет.

– Какой знак то?

– Да увидишь. С тобой связано, с тем, чем ты становишься. Ну, или стал, как тебе удобнее.

– А что потом?

– Я ж сказал, знак будет. А уж после того, как знак увидишь и поймешь куда идти и что делать.

– Ну ладно, я тогда уж пойду.

– Иди. Удачи!

– Спасибо тебе, Ведимир.

– Не поминай лихом, Джестер.

Они крепко пожали друг другу руки. Ведимир пристально взглянул в глаза Джестеру, будто бы ища в них чего-то. После чего одобрительно кивнул, будто Джестер оправдал его ожидания. Потом Джестер повернулся и пошел по тропинке. Отойдя от избушки на порядочное расстояние он обернулся и увидел, что Ведимир все еще стоит и смотрит ему вслед. Увидев, как Джестер обернулся, Ведимир медленно поднял руку, будто благословляя его. Джестер в ответ кивнул. Почему-то он знал, что, несмотря на расстояние Ведимир это увидит. Когда он отвел взгляд от старика, он увидел, что в траве пляшут множество светлячков. Это придавало темнеющему лесу какой-то праздничный вид. Это немного успокоило тревогу Джестера, и, двинувшись дальше, он даже стал что-то напевать себе под нос.

Постепенно лесная тропинка сменилось сухой возвышенностью, что простиралась над болотом. Лес и вправду сменился болотом, как и обещал Ведимир. Потянуло прохладой и сыростью, заставив парня поежиться. Вокруг уже распевались лягушки, начиная свои обычные вечерние концер-

ты. Поглядывая по сторонам, Джестер видел редкие болотные огоньки, которые зажигались среди гниющих камышей. Вкупе с наступившей ночью это производило очень зловещее впечатление. Иногда казалось, что эти огоньки двигаются. Но пока желания сойти с тропинки не возникало. Джестер шел дальше, и огоньков меж тем становилось все больше и больше. Странно это, подумал Джестер. В конце концов, он первый раз на болоте, как бы это не звучало, откуда он знает, как тут должно быть и что здесь странно, а что нет? Да никто ему этого не скажет. Значит надо идти вперед.

Он шел вперед, странно, тихо так, ничего не происходит. Так, оживилось его второе «я». Вот сейчас накаркаешь, и что-нибудь произойдет. Тебе это надо? Джестер не стал ему отвечать, просто улыбнулся. Ну да, конечно ничего не хочется особенно. Вот дойти бы спокойно до этого знака, про который Ведимир рассказывал. А тут неплохо. Опять же спокойно так, в этой... Гримпенской трясине, хмыкнул про себя Джестер. Только огоньки эти... очень уж зловещее смотрятся. Хорошо хоть собаки Баскервилей тут не бегают. Хотя было бы не удивительно, если б прибежала. Словно в ответ на это завыл ветер, словно... А там? А там что такое?! Какое-то светящееся пятно, и сзади что-то такое массивное и темное. Что, тут собака Баскервилей, или что-то ей подобное?! Э нет, быть такого не может. Но это же двигается, и двигается на него!

Внутри у Джестера все похолодело. Словно наяву, перед

ним пронеслась картина, описанная в свое время Артуром Конаном Дойлем – что на поляне лежало тело Хьюго Баскервилля, и этот огромный черной масти зверь, исчадие ада что разорвало ему глотку и сверкнуло горящими глазами. Горящими...

Да ведь это же огоньки, горят. Огонек точнее. Болотный. Просто он очень большой, и холмик позади него какой-то, кустами поросший. Они от ветра колыхнулись, вот и показалось невесть что. Особенно когда такая обстановка располагающая. Да уж, испугался на пустом месте. Впрочем, ну с кем не бывает. Хм, а не это ли знак, про который Ведмир рассказывал? Ну очень такое может быть. Только... неясно как то, что дальше делать. Да и болото еще не кончилось. Значит, пока идем дальше, вперед.

Глубоко вдохнув, чтобы успокоиться, Джестер пошел вперед. Пережитый страх еще давал о себе знать легкой дрожью, но пока ничего не предвещало опасности, кроме, может быть, изредка налетавшего ветерка, который иногда завывал, как собака Баскервилей. Но, к счастью, это только казалось. Тем временем впереди неожиданно возникла большая темная тень, похожая на холм, или может на здание. Взошедшая луна осветила своими лучами то, что возникло перед ним так неожиданно. Джестер увидел, что это и в самом деле было какое то здание, заброшенное и обвалившееся. Присмотревшись, Джестер увидел, что за ним также тянулись вдаль ряды разнообразных зданий, которые объединяло одно – все

они были покинутыми и заброшенными. Да это же целый заброшенный город, город-призрак. Интересно, не об этом ли говорил Ведимир? Не это ли знак? Но как он связан с ним? Заброшенный город... Конечно, Джестер был не чужд романтике заброшенных зданий, атмосферы постапокалиптической и некоего декадентства, была в этом определенная романтика. Но право, этот знак слишком уж велик для его скромной особы, без ложной скромности. И тут, недалеко от первого увиденного им здания, в лучах лунного света, он увидел тускло отблескивающую металлом машину, похожую на бронетранспортер. Джестер улыбнулся – ну, хоть что то понятное и даже несколько привычное. Водить Джестер умел и любил, интересно, сложна ли эта в управлении? Сможет ли он её быстро освоить?

В том, что машину тут поставили для него Джестер не сомневался – иначе зачем еще ей тут быть, в таком великолепном, по крайней мере, с виду, состоянии, здесь в этом заброшенном и разрушенном городе. Кстати, а что это за город? Впрочем, неважно! Ведимир что-то говорил про знак, что же, пусть это и будет знаком, а что с ним делать, это понятно – надо завести эту машину и поехать на ней... куда? Да и это неважно! До сих пор он находил дорогу, чтобы идти по ней, найдется она и теперь.

Полный нетерпения, Джестер подбежал к машине. Люк и в самом деле оказался расположен как у бронетранспортера. Быстро забравшись внутрь, Джестер включил на ощупь за-

жигание. В машине зажегся свет, и замерцали табло приборов, сообщавших различную информацию о состоянии машины. Судя по всему, все было в норме. В свете фар, он разглядел просеку, ведущую куда-то за пределы заброшенного города. Странно, город выглядел так, как он привык видеть, за исключением того что он был заброшен и, несомненно, покинут уже давно. Но архитектура зданий была именно такой, как строили дома в конце 20 – начале 21 века, то есть в его времени. Может быть это тоже будущее?

– Может, это будущее? – сказал Джестер вслух зачем-то. Как он и ожидал, никто не ответил ему на этот вопрос. Взгляд Джестера упал на что-то, что несомненно, было проигрывателем. Из любопытства Джестер включил его, и из динамиков полилась песня Алисы – Трасса Е-95. Он улыбнулся, мысленно сказав спасибо тем, кто оставил здесь этот броневичок. А затем, Джестер втопил педаль газа в пол и помчал по дороге, подпевая доносящейся из динамиков песне...

По пустынной земле, которая выглядела так, словно бы её обожгло огнем, стремительно мчала машина, похожая внешне на бронетранспортер. Сидевший за рулем парень с длинными белыми волосами и темными глазами, покачивал головой в такт доносившейся из динамиков музыке и улыбался своим мыслям. Джестер ловил себя на том, что спать ему абсолютно не хочется, а раз так, то он мчал вперед и вперед втопливая в пол педаль газа. Когда он отъехал от разрушен-

ного города, и выехал на дорогу, уже не проселочную, но покрытую чем-то вроде асфальта или бетона, но выглядевшую заброшенной и покрытие её носило явные следы безжалостного времени, через некоторое время машину объял яркий свет, и он очутился в этом странном месте. Поглядывая наверх, насколько это позволяло лобовое стекло, он видел, что с неба льется свет звезд а кроме них на небе видно и какие-то планеты и другие космические явления, такие как светящиеся нити, похожие на млечный путь, сияющие звезды и редкие кометы и метеоры. Мир, куда он попал в этот раз выглядел очень странным, но разве не странно было все его путешествие?

По пути Джестер размышлял над тем, что готовила ему дорога, какие новые испытания встретятся ему на этот раз. Но в конце концов, когда сидишь за рулем такой красавицы, какие вещи могут тебе испугать, какие испытания тебе не по плечу? Да, броневичок был куда как неплох, но все таки откуда он взялся? Просто возможна такая вещь, что тот, кто так любезно предоставил ему в пользование эту машинку, в любой момент может потребовать её обратно. И, разумеется, для этого возвращения будет выбран самый неподходящий момент. Но пока ничего не предвещало возможность такой неприятности, а значит можно мчать куда глаза глядят!

На краю дороге Джестер заметил небольшую группку кого-то, похожих на людей. Присмотревшись, Джестер решил, что это люди, но одетый во что-то вроде скафандров, по-

хожих на скафандры космонавтов. Один из них поднял руку, словно голосуя попутку. Да он и в самом деле голосует! После недолго раздумья Джестер притормозил возле них. Вблизи было видно, что у всех людей, если конечно это были люди, за спинами были объемистые рюкзаки, что немного не вязалось с их общим видом, некоторые же были вооружены. По крайней мере, эти странные серебристые трубы в их руках походили скорее на гранатометы, чем на что-то другое. Подумав, что сделал правильно, остановившись, и не вынуждая этих ребят использовать свое оружие, Джестер приоткрыл окошко, кивком показав тому, кто голосовал, что он внимательно его слушает.

– Ты откуда? – не здороваясь, спросил его голосовавший.

– Издалека – уклончиво ответил Джестер, еще не знакомый со здешними населенными пунктами, и, предпочтя сказать хоть неполную, но правду.

– Ну ладно, друг издалека, едешь то ты куда? – продолжал человек в скафандре, если конечно он был человеком. Хотя, если лицо Джестера их не смутило, они, скорее всего люди. Хотя по ним сразу и непонятно смутило их что-то или нет, вон как закрылись, лиц не видно.

– Да так, вперед, в общем, еду.

– Ну так нам вперед и надо! До Огнегорья добросишь?

– Ну... дорогу покажете?

– Да она тут одна, и ты по ней сейчас едешь. А приедем в Огнегорье, так и рассчитаемся. Устроит, а?

– А чем расплатитесь то?

– Чем... ну а что тебе нужно? Сырье? Батареи? Рекомендательные письма? Реликвии? Ты скажи, у нас все есть – хочотнул возможный попутчик Джестера.

– Ладно, на месте определимся, залезайте ребята!

– Слушай парень, ребята меня так, проводить вышли, а я один поеду, устроит тебя?

– Да не вопрос, залезай.

После этого попутчик шустро влез в кабину броневика и устроился на соседнем с сиденьем Джестера месте и помахал в окно рукой остававшимся, после чего Джестер вновь втопил газ и машина понеслась вперед.

Некоторое время они ехали молча, потом попутчик снял шлем с головы. Под ним оказалось, как и думал Джестер вполне человеческое лицо. На лице выделялась черная борода и усы, что вкупе с черной банданой придавало ему вид эдакого рокера-байкера из будущего.

– Звать то тебя как? – спросил он Джестера.

– Джестер, а тебя как?

– Маркус... Это не имя а кличка правда.

– Ну у меня тоже.

– Ну ладно, где машину то такую взял?

– Да так, а вы то чем тут занимаетесь?

– Да наблюдатели мы, замеры всякие делаем, измеряем то да се. Нам исследования заказывают, мы, соответственно проводим. Сюда, как сам понимаешь, немногие соваться

любят. Места тут скажу не самые безопасные, вот ребята, и проводить вышли.

– Вооружены вы смотрю?

– Ага, куда же без этого, места как сам сказал небезопасные, и местная живность человечинку ох как любит – хмыкнул Маркус – так и всякие бандюки могут потрепать... ну ты сам понимаешь, не маленький, небось.

– А что новенького то слышно не в курсе?

– Это я у тебя должен спросить, ты же из обжитых мест едешь, а у нас там экспедиция, давненько в городах то не бывали.

– А сейчас зачем едешь?

– Ну как зачем, во первых результаты сбросить, во вторых там ребята привести кое чего просили, то да се... Да и в город уже давно хотел выбраться отдохнуть.

– А потом, как ты до своих то доберешься?

– А из города мне уехать полегче, чем отсюда будет. Там наши есть, с ними насчет транспорта столкуюсь.

– Ясно – сказал Джестер и после некоторого молчания, включил музыку, которую он выключил, когда остановился.

– А ничего у тебя музычка, никогда такой не слыхал, правда.

– Ну есть такое дело.

– Слушай, да ты какой то уж совсем не местный. Меня взял, может я бандит какой. Дорогу в Огнегорье не знаешь, а этож самый обычный маршрут! Музыка твоя эта, чудной

ты какой то!

Неожиданно послышался негромкий писк – сработал какой-то прибор на запястье попутчика Джестера. Маркус быстро просмотрел показания прибора, появившиеся на небольшом экранчике, после чего негромко присвистнул.

– Слушай, Джестер, ты под облучением не бывал случайно?

– Да вроде нет.

– А то у меня тут что-то приборы барахлят чтоли, показывают аномалии какие-то.

– Что ты ими меряешь?

– Обстановку оцениваю, неясно чтоли? Они так иногда от облученных сдают. Несильно правда, но тут уже какую дозу схватишь, а ты еще и без защиты. Вот я и подумал. Мало ли что могло случиться... Точно под облучением не был?

– Да точно, точно, успокойся.

– А видок как из под облучения вылез, честно говорю. Ты откуда такой красивый-то?

– Да издалека, сказал же уже.

– Неясный ты какой-то, Джестер. Так дай ка приборы погляжу, что я дурака то валяю, сейчас вот и узнаю, был ты под облучением или нет.

Маркус принялся щелкать какими-то копками своих приборов, после чего облегченно вздохнул – Ну ладно, вроде ты не излучаешь. А откуда ты все-таки, Джестер? Не скажешь?

– Да не забивай себе голову. Ты лучше скажи, далеко еще

до этого твоего Огнегорья?

– Километров 10 еще, как ты едешь скоро будем.

– Ладно, а там как город, или еще как?

– Да уж Джестер... Ну база там... Можно сказать, что город, только, конечно не совсем город, но очень похоже. Вон там Драконья Голова, видишь? Значит, недалеко уже.

Неподалеку от дороги и в самом деле появилась гора, вершина которой смутно походила на оскаленную драконью морду, и временами из неё в самом деле показывались языки пламени. Джестер посмотрел на неё, затем снова вернулся к дороге, которая была удивительно ровная и аккуратная, видимо Маркус был прав, говоря, что эта дорога уже наезженная и часто используется.

– Вон там, видишь? – неожиданно сказал Маркус, указывая куда то в сторону от дороги.

Там, куда он указывал, показалось стадо каких-то тварей, похожих на слонов. Правда эти слоны были темно-бурой расцветки, и глаза их горели огнем отнюдь не в переносном смысле этого слова.

– Это что это такое? – спросил Джестер.

– Да как тебе объяснить... Местная фауна скажем так, человечинку они любят, это уж точно. От наезженных дорог их отогнали, ну перестреляли их несколько десятков, теперь подальше держаться, а вот как от дороги отойдешь, то уж не взыщи – сожрут и не поморщатся. Вот почему ребята меня до дороги провожали с оружием. А уж на машине то от

них уйти попроще будет, тем более что по дороге. Милые зверюшки, да? А скажу тебе, Джестер, они-то еще не самые страшные, кто тут водится.

– А кто же страшнее?

– Хех, твое счастье, что ты их не видел. Они разные есть, есть поздоровее этих, а есть и мелкие, ну с собаку размером. Но они независимо от размера, опасные, как сама смерть.

– А на дорогу тоже не выходят?

– Самые здоровые иногда выбегают, только сейчас не их время, так что можешь не трястись, не выйдут. Хотя бандюки их иногда выгоняют, но это если очень крупная партия груза по дороге идет, там охрана то ого-го. А так зверюга поломаёт машины, охрану сожрет да убежит обратно, а уж они то поживятся грузом, бандюки то есть, а не монстры, конечно. Правда, нередко бывает, что тварь бандюков запомнит, и потом охраной пообедает, а потом к бандюкам на ужин пойдёт, хе-хе. Наши такое недавно видели, прямо сердце отдыхало от такого зрелища. У нас ведь с бандитами война, считай, идет, вражда кровная. Так что, как кого из этих гадов от собственного оружия накроет, все нам облегчение.

– Что здоровая зверюга была? Сожрала их всех?

– А то! Они считай самого здорового из берлоги подняли, не знаю уж как. Может, конечно и не специально, может даже и не поднимали вовсе, а он сам их нашел. А все одно, теперь одной бандой меньше в округе стало, полегче все же будет.

– Ясно.

– Так, вот видишь огоньки? Это периметр, почти доехали до Огнегорья. Меня там, на улице ссадишь, хорошо?

– Да не вопрос.

– Ах, да! Мы же не решили чем расплачиваться будем!

– Да ладно тебе, Маркус. Мне все равно по пути было, так что не надо ничего, я уж тебя довезу.

– А ну спасибо, тебе, Джестер, на добром слове. Мир тесен, глядишь пересечемся еще, я уж тебя отблагодарю, как сумею.

– Ну, вот и лады, Маркус.

– Ну вот и приехали, Джестер, тут останови, я сойду. Нормальный ты парень, все-таки, хоть и странный какой-то. Ладно, будешь тут говори, что от Маркуса из Жажды-77, помогут и не обидят, наша ватага тут весьма уважаема.

– Договорились, Маркус.

– Ладно, бывай.

– Ну, пока!

Подхватив объемистый рюкзак, Маркус вылез из броневика, и двинулся к какому-то сероватому приземистому зданию. Джестер, предоставленный сам себе, стал с интересом обозревать окрестности, благо там было на что посмотреть. Вокруг него раскинулся город, одновременно похожий и не похожий на то, что Джестер видел в фантастических романах – здания были сделаны все из материала, похожего на бетон, кругом виднелись какие-то блестящие антенны и что-то вроде стеклянных труб по которым струилась сиреневая энер-

гия. Но в то же время на улицах вместо принятых в таких романах людей в каких-то комбинезонах, скафандрах или одетых еще во что-либо похожее, расхаживали люди, одетый в матерчатые одеяния, похожие на монашеские рясы. Также виднелись и другие – длинноволосые, похожие на сбежавших со съемок исторического фильма актеров. Из здания похожего на бар как раз вывалила компания ребят, похожих на байкеров, одетые в черные кожаные куртки и штаны. Видимо это их мотоциклы были припаркованы возле этого бара. Байки были щедро украшены цепями, шипами, и прочими металлическими украшениями. Броневик Джестера не сильно выделялся в этой толпе, но все же ему как то не очень хотелось покидать кабину. Интуиция подсказывала Джестеру, что то тут нечисто. Точнее, что с ним тут может произойти что-то не слишком приятное. К сожалению, более ничего его интуиция ему не сообщала, так что мыслей о том, как можно избежать опасности, или куда ему двигаться теперь у Джестера не возникало.

– Сын мой, ты в растерянности, я вижу это сейчас. Позволь же мне развеять твои сомнения привести тебя к свету истины, и просто помочь тебе всем, что есть в распоряжении такого ничтожества, как я – обратился к Джестеру благообразного вида старичок, облаченный в какие-то долгополые одеяния. Старик выглядел доверительно, но что-то настораживало Джестера, возможно странного вида одежда, или тон и слова, с которыми старик к нему обратился.

– Что тебе надо, дед? – не слишком вежливо осведомился Джестер, надеясь, что после этого ответа старик сочтет его невежей и уйдет искать кого-либо более вежливого и сговорчивого.

– Сын мой, я вижу, что тебе нужна помощь, и я вижу, что в силах тебе её оказать.

– Слушай, дед, я не твой сын, и помощь мне не нужна! Отстань, очень тебя прошу!

– Но позволь заметить, ты совсем же новичок в Огнегорье, я вижу это по твоим глазам, я вижу это в твоей душе. И я совершенно бескорыстно предлагаю тебе мой опыт и помощь. Ты не знаешь, кого здесь следует опасаться, а кому ты мог бы доверить себя...

– Именно, и кто тебя знает, что у тебя на уме, старик. Повторяю, отвали! Я тут проездом, и мне не нужно тут кому-то доверяться или не доверяться. Я сейчас же уеду прочь отсюда, бывай!

– Что?! И ты уедешь сейчас?! В час Огненного Ливня? Да в своем ли ты уме, парень? За пределами Огнегорья сейчас никто и гроша ломанного не даст за твою сохранность, и ты собираешься покинуть единственное безопасное место в этом краю. Разве Маркус ничего тебе не сказал обо мне?

– Нет, а что должен был?

– О да, конечно, мы же давние партеры, если я могу позволить себе такое пренебрежительное слово для обозначения наших в высшей степени доверительных отношений. Мы и

Жажда-77 издавна делаем одно дело и действуем рука об руку, и их друг – наш друг. Но, смею заметить, мы более бережно и заботливо относимся к тем, кто когда-либо сделал благо нам или же нашим партнерам.

– А чем ты можешь доказать свои слова, дед? И что еще за час Огненного Ливня, про который ты говорил?

– Твоя недоверчивость понятно, сын мой. Как я уже упоминал, Огнегорье не самое безопасное место, и здесь легко попасть в лапы к каким-нибудь негодьям, но увы, увы наш мир несовершенен, и с этим приходится считаться. Чтож, я могу проделать несложную вещь, которая подтвердит мои слова, и то, что я действую искренне и предлагаю тебе помощь от чистого сердца.

– И что же? – недоверчиво хмыкнул Джестер.

– Скажи мне, ты ведь запомнил то место, куда направился твой друг Маркус?

– Ага, вон туда.

– Так вот, привратник в этом здании с радостью подтвердит, что мы являемся партнерами Жажды-77, и, надеюсь, после ты примешь мою искреннюю и бескорыстную помощь.

– Ну давай, проверим твои слова, старик.

После этого Джестер направил свой броневик к темному приземистому зданию, на стене которого был весьма талантливо нарисован зверь, похожий на медведя, оскалившегося в неистовой ярости. Присмотревшись, можно было увидеть, что зверь истекал кровью, сочащейся из ран, но это яв-

но не умаляло его жажды отомстить обидчику. Да уж, подумал Джестер, видимо символ этой Жажды-77, да и неплохой к тому же. Старик, не выказав своего возмущения тем, что Джестер не пригласил его сесть в броневик, семенил следом, благо броневик ехал медленно – гнать на узкой улочке было некуда.

Тем временем броневик подъехал к темным широким дверям. Видимо тот, кто строил это здание ожидал, что тому, кто будет обитать этом здании предстоит выдержать осаду или штурм. В общем выглядело это здание как настоящая крепость. Старик подбежал к дверям и с неожиданной для его возраста силой заколотил в них. В ответ на его действия в двери приоткрылось небольшое окошко, в котором показалось лицо человека. Видневшийся ворот одежды действительно был таким же как у Маркуса, но в отличие от него этот был гладко выбрит и к тому же абсолютно лыс. Сначала глаза его полыхнули раздражением и злобой, но через мгновение лицо его разгладилось и спокойное его выражение, вместе со специфической прической сделало его похожим на буддийского ламу.

– Чем могу помочь вам? – вежливо осведомился он хриплым басом.

– Скажи мне, сын мой – начал старик – можешь ли ты подтвердить, что я, преподобный Доминик и наше Братство Искоренителей Греха являются добрыми друзьями и деловыми партнерами Жажды-77?

– Безусловно, добрый отец Доминик, пусть ваш спутник, который столь любезно помог нашему товарищу даже не сомневается в вашей добропорядочности и искренности.

– Благодарю тебя, сын мой. Дозволь же нам покинуть вашу обитель, дабы я сопроводил этого юношу к обители Искоренителей Греха, где он может получить отдохновение и покой, и братскую помощь, которую до сего момента ему не давало получить его, к сожалению, вполне оправданное, недоверие.

– Ну конечно, отец Доминик, благословляю вас, ступайте же, сын мой!

При последних словах привратника лицо отца Доминика, как оказалось звали навязчивого старика, странно искажилось, словно он совершил какую-то оплошность и теперь корил себя за это. Но морщины на его лбу быстро разгладились и попрощавшись в той же высокопарной манере с лысым привратником, он повернулся к Джестеру.

– Сын мой, дозволь старику дать некоторый отдых своим ногам, воспользовавшись твоим транспортом, дабы показать тебе дорогу к обители Искоренителей Греха.

– Ладно, дед, садись, но сразу говорю я ненадолго.

– Это не имеет значения, сын мой. В нашей обители равно будут рады и тому, кто пришел на миг, и тому, кто задержался на век.

Дождавшись, пока дед влез в броневик и уселся на соседнее с Джестером сидение, парень тронул газ, и, следуя ука-

заниям старика, стал продвигаться по этому странному городу к месту, которое его новый спутник называл обителью Искоренителей Греха.

– А что у вас за название такое, старик?

– Какое, Искоренители Греха? О дело в том, что мы боремся с греховными помыслами внутри себя, и также обращаем души к свету, творя безвозмездно добрые дела и тем самым, подавая пример жизни вне греха и зла. Таков наш путь, сын мой. Примешь ли ты его?

– Врядли, я тут вообще проездом, уже не раз говорил. Но за помощь спасибо.

– Сын мой, я чувствую, что сегодня ты получишь доказательства того, что путь наш благ и добр и, уверен, ты прикнешь к братству Искоренителей Греха.

– Сомневаюсь, ну, посмотрим, что там у вас за путь.

– О, сын мой, я вижу на тебе, в тебе есть что-то особенное. Ты не такой как все. Я вижу, что ты пережил много – не смотря на твой юный возраст в твоих волосах седина. Я понимаю, что много ты мне сейчас открыть не можешь, но узнав меня ближе ты поймешь, что я могу принять и хранить любые твои секреты и помочь в любой беде, даже в той, от которой столь юные становятся седыми, будто древние старцы.

– Да какой там седой – отмахнулся Джестер – так, белый я и все. Не забивай себе голову.

– Нет, сын мой, ты особенный, совершенно иной, чем я

или кто-то другой из Огнегорья. Ведь недаром же я подошел к тебе – что-то направило меня к тебе и, несомненно, недаром именно я встретил тебя.

– Не заливай, дед, а? Скажи лучше – долго нам еще ехать-то?

– Сын мой, видишь это здание из белого камня? Вот мы и на месте. Можешь оставить свою машину здесь, неподалеку. Поверь мне, тут совершенно безопасно.

– Ну ладно, оставлю. А ты не пошлешь кого-нибудь из вашего братства, чтобы присмотрели за машиной? Ну, может там почистили, или еще что? Я надеюсь, это возможно?

– Конечно, сын мой, я тотчас же распоряджусь, чтобы о твоём транспорте позаботились надлежащим образом.

– Ладно.

Джестер и отец Доминик вышли из машины, и направились к воротам обители, которые услужливо распахнулись при их приближении. Мурашки побежали у Джестера по спине, но подумав он решил, что раз уже уцелел в стольких передрягах, то и тут не пропадет, ободренный этой мыслью он поспешил за бодрым стариканом – отцом Домиником. Войдя внутрь обители, первое, что ощутил Джестер была прохлада, также в обители царил полумрак, казавшийся не зловещим, а уютным, будто полумрак спальни. По коридорам слонялось множество фигур, облаченные в одеяния, похожие на то, в которое был облачен отец Доминик. Некоторые подходили к отцу Доминику – очевидно, более молодые члены братства,

которые о чем-то с ним шептались, толи советуясь, толи испрашивая благословления, было не понять. Но стало понятно, что отец Доминик, несомненно был весьма значимой фигурой в братстве. Чтож, раз этот старик со мной, и, вроде как, благоволит ко мне, значит, можно ни о чем беспокоится, все будет в порядке.

– Сын мой, вероятно, тебе нужен отдых, дозвожь Лаураизе проводить тебя в приготовленную для тебя комнату.

– Да я не против. А сколько вы мне на отдых даете времени?

– Сын мой, не оскорбляй нас такими вопросами, будь уверен, комната в твоём распоряжении столько, сколько тебе понадобится времени для твоего отдыха. Лаураиза, проводи нашего гостя в его комнату! – добавил отец Доминик обращаясь к девушке со странным именем Лаураиза, хотя впрочем, здесь, куда на этот раз попал Джестер все казалось странным, так что в имени девчонки не было ничего странного. Обратив на неё внимание, Джестер затем долго не мог отвести взгляд – девчонка была что надо. Красота у неё была довольно своеобразная – чуть раскосые глаза азиатского типа, смуглая кожа, и в целом она была очень изящная и стройная. Её длинное одеяние на уровне чуть ниже плеч недвусмысленно топорщилось, недвусмысленно обрисовывая её весьма впечатляющие женские достоинства. В общем, выглядела она как мечта поклонника аниме – томная азиатская красотка. Джестер ожидал, что она, как большин-

ство присутствующих в этом здании будет опускать глаза долу, не глядя в глаза. Напротив, она смело взглянула ему в глаза, подмигнула и лукаво улыбнулась, жестом показав ему следовать за ней. Джестер шел сзади неё с интересом, даже несколько заворожено глядя ей вслед. Признаться честно, сказал себе Джестер, сзади она выглядит несколько не хуже, чем спереди. А её походка... То она шла спокойно, то вдруг она неожиданно слегка покачивала бедром... Причем её бедра были такой великолепной формы, что любая Мисс Мира, увидев их, выбросила бы свою корону, поняв что у неё нет никаких шансов, а ведь это было еще не все... Когда она покачивала бедром на ходу, Джестер готов был поклясться, что она при этом улыбается, так же лукаво, как когда она впервые посмотрела на него. Да что там, он прямо таки видел эту её чарующую улыбку!

И пока Джестер все глубже и глубже погружался в то море соблазна, которое бушевало вокруг Лаураизы, в голове его лениво проносились мысли о том, что это братство Искоренителей Греха как-то не совсем оправдывает его ожидания... Да тут есть чудики в рясах, и большинство из них ходят как положено анахоретам – уставив взгляд в пол, и, несомненно омывая свою душу горьким водами раскаяния в своих великих грехах. Но вот эта девочка... Явно послушница этого братства, или как тут эти вещи называются, но при этом с ней хотелось скорее отдаться греху, чем искоренять его. Или тут так принято искоренять грехи? Хм, ну ес-

ли все тут будет так, как я считаю, то возможно, это будет далеко не самый худший способ искоренения грехов, усмехнулся про себя Джестер. Да сто раз спасибо Маркусу, и его Жажде-77 за то, что их влияние и связи позволили ему посетить обитель Искоренителей Греха. Все таки тут славно, еще раз подумал Джестер, когда Лаураиза еще раз качнула бедром, на миг остановившись, и, слегка обернувшись, игриво ему подмигнула. Девочка явно с ним заигрывает, интересно что ей надо? Джестер, в общем-то понимал что, но вызывало интерес, а что именно ей надо? В любом случае, хмыкнул про себя беловолосый герой-любовник, я не разочарую её и более чем оправдаю её ожидания.

А меж тем они шли по длинному слабоосвещенному коридору, который, казалось, и не думал кончаться. Нетерпение грызло Джестера все сильнее и сильнее – как же хочется наконец остаться с этой огненной девочкой наедине! Право она просто живой огонь, пламя, страсть, по другому и не скажешь. Нет, конечно, очень может быть, что её заигрывания с ним так заигрываниями и останутся. Разумеется, это будет очень досадно, хотя и не смертельно. Если такое произойдет, Джестер конечно не будет настойчиво требовать от неё исполнить все, что, как ему казалось, она обещала. Но как же будет досадно, если весь этот сон, такой уютный сон открытых обещаний и тепла надежд так и окажется сном! А он бы не отказался... станцевать с ней танец любви и жизни, скажем так. А пламя все полыхало внутри Джестера. Кажет-

ся, если они будут тут наедине в коридоре еще минуту-другую, то он набросится на неё прямо тут!

Но вот, наконец, они пришли. Лаураиза потянулась к звякающей на её поясе связке ключей, и быстро нашла нужный. Замок беззвучно открылся и дверь распахнулась. С трудом оторвавшись от улыбающейся девушки, Джестер все-таки осмотрел комнату. Предоставленное ему помещение было довольно светлым – в окно лился красноватый закатный свет. Странно, пронеслось в голове у Джестера, закаты почти такие же, как дома. Обстановка в комнате была небогата – широкая кровать, что-то вроде стола и деревянный стул. Ну, мне тут не жить, решил беловолосый парень.

– Зови меня Лу – донесся от двери тихий голос.

– Что?! – обернулся Джестер.

– Зови меня Лу – повторила Лаураиза, закрывая дверь – ты хотел познакомиться со мной поближе, так ведь? А как мы можем быть знакомы, если ты будешь называть меня полным именем, и не сможешь как-то ласково сократить его.

– Хорошо.. Лу – ошарашено вымолвил Джестер.

Лу в ответ вздохнула – Знал бы ты, как давно никто не называл меня так ласково... Я так истосковалась по ласке и участию, по простому человеческому теплу, ты даже себе не можешь этого представить!

– Прости, Лу, я не хотел тебя обидеть – сокрушенный Джестер хотел искренне помочь вдруг показавшейся ему такой несчастной девушке. Все те мысли, что посещали его в

коридоре незаметно отошли на второй план.

– Что ты, я совсем не обиделась. Просто, пойми, ты проявил ко мне теплоту и нежность... просто назвав меня Лу... а я так давно этого не слышала... Спасибо тебе! – выдохнула она, бросаясь к нему на шею. Её теплые мягкие руки заключили его в страстные объятия, так, будто он был единственным мужчиной в мире.

– Да ладно тебе, Лу, не бойся, ты такая красивая, у тебя все будет хорошо – смущенно бормотал Джестер поглаживая её плечи, стараясь как-то успокоить бурю её чувств. Та лишь дрожала в его руках, все сильнее и сильнее стискивая его шею и повторяя «спасибо тебе, спасибо...» так будто бы он спас её из когтей ужасного чудовища. Джестер не омыг противостоять её обаянию, благо она прижималась к нему все теснее и теснее, и он все более и более явственно ощущал тепло её тело через плотную ткань её одеяния. Вновь нахлынувшие на него мысли о том, что «хорошо бы...», он отметил. Все-таки, она выглядит и кажется такой несчастной, что он просто обязан проявить к ней всю его теплоту и понимание, какую он, вечный ехидный циник, может проявить.

– Скажи, Лу, а почему именно тебя, послали проводить меня? Неужели у вас принято... – неприятная догадка поразила Джестера. А что. Если у них в обители принято, что молоденьких девушек заставляют улаживать гостей обители?! Гнусные ублюдки! Джестера всегда возмущал такой порядок. Нельзя сказать, что сам он был святым, но такие вещи

заставляли его кипеть гневом. К гневу примешивалась также толика глумления и ехидства – он считал, что у тех кто так поступает несомненно какие-то комплексы, и они пытаются доказать в первую очередь самим себе, что они не полные ничтожества, раз могут помыкать беззащитными девочками. А те, кто принимает такие подарочки явные ничтожества, неспособные добиться взаимности от женщины иным способом.

– О нет, нет, что ты! – прервал тихий голос Лу его мысли – никто не заставляет нас поступать так, просто я так редко вижу других парней, тех, что не принадлежат братству Искоренителей Греха, а ты такой... красивый! – запальчиво вымолвила она.

– Ну что есть, то есть, Лу – усмехнулся, возвращаясь к прежней манере общения Джестер.

– Правда, правда! Ты такой красивый и милый – произнесла она, проводя пальцем по его груди и шее – а откуда ты? Ты ведь не исследователь, не наемник, ты ведь впервые в Огнегорье, так ведь?

– Ну в общем да... Не знаю, как тебе рассказать, может ты мне не поверишь... Сам то я сейчас чему угодно поверю, такое со мной случилось... Ой, даже вспомнить как-то... щекотно.

– А что? Расскажи мне, не бойся! Я не стану над тобой смеяться, честно, честно! – улыбнулась Лу.

– Лу, поверь мне, это очень долгая история, у тебя не будет

времени выслушать её внимательно, да и просто выслушать не сможешь. У тебя ведь. Наверное, дел невпроворот.

– Да нет – произнесла она, задумчиво теребя прядь его длинных белых волос.

– То есть, ты сможешь оставаться со мной сколько захочешь?

– Ну да, конечно, а что у тебя с волосами? Такой чистый белый свет, как снег, а ведь не окрашенные, верно?

– Ну да, раньше у меня и прическа была немного другая, и цвет волос другой... Ну, до недавнего времени.

– И почему же ты все изменил? Хотя, знаешь, тебе очень идет...

– А я не сам, пришлось вот, не хотел, а пришлось.

– Да? И кто-же были эти поборники красоты? – лукаво улыбнулась ему Лу, видимо, уже совершенно успокоенная.

– Да так, долго рассказывать.

– Ну, у нас полно времени, не хочешь? Тогда, пожалуй, и применю секретное средство, которое снимает все печати с уст – тихо сказала, почти прошептала Лу. А затем она поцеловала его. Джестер не был против поцелуя, хотя он был очень неожиданным. После же ему уже не хотелось отрываться от её губ, таких нежных и мягких. Ему казалось, что её губы необыкновенно сладкие. А еще они одновременно пьянили его, как самое крепкое и вкусное вино, которое когда либо пробовал человек и освежали, как воздух после грозы, как свежий ветер, неожиданно развеивающий душный

зной. Никто не сказал бы, сколько длился этот поцелуй, но Джестеру казалось, что вечность минула, а поцелуй все длится и длится своим нескончаемым чарующим мгновением. А потом он ощутил. Как её губы покидают его, словно бы человек просыпается от крепкого освежающего сна рассвете, озаряемый первыми лучами солнца. И после этого перед его глазами еще стояли лукавые и добрые глаза Лу.

– Лу...

– Да.

– Как...

– Ничего не говори. Я знаю, что ты сейчас чувствуешь. Просто знаю и все. И мне так же хорошо, как и тебе. Я никогда не думала, что просто поцеловать кого-то может быть так великолепно. А теперь я знаю, что это такое. И все это благодаря тебе!

– Лу... я хотел тебе сказать тоже самое...

В ответ Лу ласково провела ладонью по его щеке, поцеловав потом его в щеку своими нежными сладкими губами.

– Я знаю... Как же чудесно, что сейчас вместе! Здесь и сейчас мы вместе!

– Да...

– Мы так близки теперь... После единственного поцелуя... Знаешь, я так хочу пойти с тобой, везде куда бы ты не пошел.

– А я мог бы остаться здесь, с тобой.

– Нет, ты пойдешь дальше, я знаю.

В глубине души Джестер понимал, что она права, поэтому только кивнул.

– Вот видишь... А я даже не знаю, куда ты пойдешь и откуда ты пришел... Я лишь знаю, что поцелуй с тобой – это как нескончаемый поход на небеса, одновременно в лучах рассвета и заката, солнца и луны, одновременно тепло и прохлады... Но я даже не знаю, почему ты такой, но я и не хочу знать... Мне просто хорошо, что ты рядом... – тихо говорила Лу, глядя ему в глаза. А в её глазах словно отражалась ночь. Не то время суток, когда люди просто спят, собираясь пойти на работу утром, вставая после сна. Которого им не хватило, чтобы отдохнуть, зевая и с трудом отдирая себя от подушки. Нет, в них отражалась та ночь, когда влюбленные пишут стихи и устремляются в ночь, в темноту, навстречу своей любви, забыв обо всем на свете, лишь бы любить, лишь бы это было так...

Джестер не знал что и думать, сейчас он ничего не боялся, но знал лишь одно – что он уедет отсюда с Лу. Просто он возьмет её с собой и все, даже если ему придется поставить весь мир вверх тормашками, но он сделает это.

Что же происходило потом? Потом он долго еще сидел и слушал, как Лу говорит ему, что уже не в силах жить без него, что хочет быть рядом с ним, а он, сидя рядом с ней на кровати лишь слушал её и гладил её плечи и руки, жадно слушая звук милого ему голоса. А она все говорила и говорила, иногда шепча ему на ухо, касаясь его своими дивны-

ми губами, иногда же он прятала голову у него на груди, касаясь при этом губами шеи. Потом она замолчала, и некоторое время они сидели молча. Потом Лу снова подняла голову и взглянула ему в глаза. Вновь Джестер ощутил, как эти глаза затягивают его, околдовывают, очаровывают. Потом он почувствовал, как она упирается руками ему в грудь, слегка опрокидывая его на кровать. Постепенно он лег на кровать, а Лу оказалась лежать на нем, поджав под себя локти и лукаво улыбаясь, глядя ему в глаза.

– Что же ты задумала, Лу?

– Ну, я подумаю... Ты же ведь теперь мой, да?

– Собственница – засмеялся Джестер – какая, же ты у меня красивая, Лу.

– Ну, хорошо, вижу, ты все еще не веришь мне и не хочешь мне открыться. А вот я не боюсь! Да, я вот такая у тебя, я с тобой ничего с тобой не боюсь.

После этих слов Лу поднялась на нем, и завозилась с каким то веревочками сбоку её долгополого одеяния. И, неожиданно, её долгополое одеяние соскользнуло вниз, открыв её точеное, блестящее смуглой и какой-то даже светящейся кожей тело. Она отбросила свое одеяние в сторону, оставшись только в широкой повязке на груди и вторая повязка опоясывала её бедра. Под этими черными кусками ткани на ней явно ничего не было, и Джестер еще более явственно ощутил тепло, нет, жар её стройного ослепительно прекрасного тела.

– Ну, как? Теперь ты видишь, что я открыта и честна с тобой? Мы теперь одно с тобой... А ты теперь мой!

От удивления и восхищения Джестер не мог вымолвить и слова, в горле его стал ком. А Лу продолжала так смотреть на него и улыбаться. Не сдержавшись, Джестер сжал её талию руками и привлек её к себе. Она опустилась на него, прижимая к его губам вновь своим восхитительным дивным поцелуем. Теряя последние остатки контроля над собой, Джестер все обнимал её крепче и крепче, целуя её в губы, покрывая поцелуями щеки, шею, плечи... При этом он просто ощущал, как проваливается в пучину соблазна и наслаждения, как же это было восхитительно, как чудесно!

Потом к нему пришло чувство того, будто бы его куда-то несет стремительная холодная река. Рефлекторно дернув-шись, он попробовал всплыть. Выплыв из глубин реки, он увидел, что неподалеку от него есть какой-то островок, на котором горит костер. И он поплыл к островку, чувствуя, что долго оставаться в темной и холодной воде для него может быть опасным. Доплыв, наконец, до острова, он вышел на берег, с удивлением ощутив, что его одежда совсем сухая, будто бы и он и не плавал только что в реке. Неподалеку горел костерок, рядом с которым на бревне сидели двое. Судя по силуэтам, это были парень и девушка, при этом они о чем-то негромко разговаривали. Как бы ни странно и неожиданно было его новое перемещение, но надо было разобраться, в чем здесь дело, а эти двое у костра, похоже, единственные

живые существа поблизости. Он подошел поближе к костру, аккуратно, чтобы не испугать их, но увидев их, он был несказанно удивлен – на бревне, прижавшись друг к другу сидели он сам – его «второе я» и... Норгус!

– Норга, опять твои штучки?! – выпалил пораженный Джестер.

– Да, что ты шумишь, присядь, отдохни немного – посоветовало ему его «второе я».

– А ты вообще молчи! Ты сам меня от неё отгонял, а теперь вот сидишь тут с ней воркуешь!

– Хе, нет. Это ты меня отгонял. Ладно, неважно. Могу тебе сказать, братишка, что мы сейчас угодили в передрагу. Проще говоря, мы в большой опасности. А Норга предлагает нам помощь.

– Это почему это?

– Потому что я люблю тебя, вот почему – грустно произнесла Норгус.

– И пыталась меня угробить уже не раз?

– Нет! Я всегда хотела помочь тебе, спасти тебя, и хотела... чтобы ты был рядом. Да, это эгоистично и очень плохо с моей стороны, но такова любовь.

– Джестер, да сядь ты наконец! Мы с тобой давно так не болтали, просто так. А ты тут стоишь и на Норгу бочки каатишь. Сядь и потолкуем. Тут то мы в безопасности, а вот там, где ты сейчас находишься, у нас полный швах!

– То есть?

– Да убьют тебя сейчас, вот и весь сказ.

– Как?! Я же сейчас с Лу, а она такая чистая добрая...

– Хе, верь больше – хмыкнул он, сидящий рядом с Норгус – эта Лу, красивая девка, однако, врет как я, когда меня спрашивают, где я был, а отвечать не хочется. Так вот она тебя... нас точнее надула, и голову задурила, мозги запудрила, причем далеко с не самыми благими целями. Я уже сказал, что она убить тебя хочет? Ну, я только еще не сказал, что не только она хочет, а еще кой-какие весьма милые и добродушные ребята, если конечно, можно так выразиться. Итак, Джестер, сейчас единственное, что может нам помочь спастись – это она – приобнял он скромно сидящую рядом Норгус.

– И чем она поможет?

– В нужный момент тебе мозги вправит! А то, благодаря ласточке Лу, они у нас с тобой явно не на месте.

– Но я... мы же никогда не были столь доверчивыми, что случилось то? Я только сейчас осознаю, сколько я глупостей наделал, с того момента, когда ко мне этот дед подошел, отец Доминик вроде?

– Конечно, тут твоей вины нет, ну по большей части. А вот, что касается того, почему же все это произошло, тебе попозже расскажут, я сам всего не знаю, а Норга что-то мне всего не говорит, дуется наверное. Ну да что там, в общем, когда очухаешься, будешь очень рад происходящему!

– Эх, вот и подвози кого после этого, хотел помочь, а оно

вот как вышло!

– Ты Маркуса не вини, Норга сказала он тут вообще не причем.

– Как?! Этот сволочной старикан говорил, что они давние друзья.

– Угу, а я тебе скажу что мы с Бармалеем и Чебурашкой вчера ходили пивка попить, а потом пришел крокодил Гена и всех нас пьяных домой развозил. Ты в это веришь? Я как-то не очень.

– То есть он врал?

– Ну при дамах – кинуло его «второе я» взгляд на Норгус – выражаться не будем, но можно конечно и просто сказать, что он врал. Вот такие пироги! Знаешь, выберешься из этой передраги, пивка выпей где-нибудь, а то тут от всех этих злоключений наших голова пухнет, без пол-литра, как говорится, не разберешься.

– Мне уже пора?

– НАМ пора. Норга пока тут будет, придет на помощь, тем не менее, на помощь, когда надо будет.

– И что ей-то с этого – скептически осведомился Джестер – прекрасно зная, что все, что сказало его «второе я» – правда.

– Джестер, балбес, ты жить хочешь? Вот сначала давай подольше поживем, а потом уже вопросы дурацкие задавать будем, идет?

– Ладно, куда сейчас?

– А сейчас мы снова повидаем Лу. Правда, с ней мы еще увидим кое-кого из её друзей, ну и обстановочка будет немного другая, а так ничего особенного. Сдюжим Джестер, ты не бойся, я то с тобой буду, да и вот Норга, солнышко мое, помочь обещала.

– Вот ты как к ней ласково, а был то...

– Да так и было, ты вспомни, как ты её до дома провожал.

– И верно...

Дальнейшие мысли Джестер оборвало нахлынувшее ощущение, будто его куда-то несет темная волна, не река, а просто некая волна.

В себя он пришел, ощущая себя привязанным и лежа на чем то жестком и твердом, совсем не похожим на ту кровать, на которой, как он помнил он был тут вместе с красоткой Лу в последний раз.

Мир вокруг него постепенно выплывал из дымки, приобретая четкие очертания. Одновременно с красками он почувствовал звуки – вокруг присутствовали несколько человек, которое что-то – видимо его, обсуждали, некоторые смеялись.

Неожиданно ощутил, как на стол, к которому он был привязан, кто-то встал, заставил его закачаться. А после какая-то девушка, как он это определил, Джестер и сам не знал, уселся ему на грудь, устроив ноги по бокам его лица.

– А.. Лу... – пробормотал Джестер, узнав лукавую улыбку

девушки.

– Да, малыш, это я. Ты ведь рад меня видеть вновь? – произнесла она, окидывая его теперь уже не робким взглядом обиженной девочки, а хозяйским покровительственным взглядом.

– Ну, видеть то рад, у тебя есть на что посмотреть. А что тут произошло, солнышко, может, разъяснишь, а?

– Ну объяснять тут нечего, маленький мой. Просто я же сказала тебе, что ты мой. Так и получилось, ты теперь мой. А уж я сделаю с тобой, все что хочу, и все, что должна.

– Да ты тут не главная, девочка моя? Значит есть все-таки какие-то главные дяди, которые говорят тебе, что надо делать.

– А я никогда и не утверждала обратного, мой милый, но не забывай – ты в моей власти, кем бы я не была.

– Да уж, такое забудешь, особенно когда ты буквально села на меня.

– Ну ты же не против такого?

– Выбора у меня особенно нет.

– Это верно. А теперь, малыш, прости, я должна решить кое-что. А тебе придется подождать, но ты уж не скучай!

Сказав это, Лу подняла голову и жестом подозвала кого-то. К ней через некоторое время подошла фигура в уже знакомом долгополом одеянии, в которой Джестер узнал отца Доминика.

– Ну что, Лу? Ты узнала, кто он такой и откуда? Я чув-

ствуую в нем что-то... но не понимаю, что.

– Я тоже, Доминик, но я стараюсь. А вот ты, должна сказать, изрядно облажался. Зачем ты пошел к Жажде-77? Что ты там забыл?

– У меня не было другой возможности убедить этого парня пойти за мной. И это с учетом всего влияния, что я оказывал на него.

– Но это отнюдь не извиняет всех твоих промахов. Для такого опытного Проповедника, как ты это просто ужасно!

– Придержи язык, девчонка! По крайней мере, я выполнил свою задачу, в то время, как ты не смогла почти ничего сделать, кроме как, привязать его к столу в зале приготовления. И ты еще смеешь учить меня? Ха! Ты наивна!

– Твой так называемый «успех» ставит под угрозу наши отношения с Жаждой-77, а ты не хуже меня знаешь, что это может означать!

– Лу, может, ты просветишь меня, о чем это вы толкуете? – подал голос привязанный Джестер.

– Ч-ш-ш-ш-ш, молчи, малыш, пока я еще не готова снова заняться тобой – сказала Лу, прикоснувшись пальцем к его губам. После этого прикосновения Джестер ощутил, как его сковал холод, смешанный со странным ожиданием чего-то... упоительного.

– И зачем было затевать весь этот цирк?! – не унимался отец Доминик – Пойми, сестра Лу, я уважаю твои желания и твои вкусы, но, даже с моей точки зрения, все то, что ты сде-

лала, было излишне. В этом просто не было необходимости!

– Раз ты уважаешь мои вкусы, так будь любезен, уважай их до конца.

– Ну, хорошо, сестра. Тем не менее, мы должны решить, что нам сделать с этим экземпляром сейчас.

– Я думаю, мы все проведем по стандартной схеме.

– О, сестра, ты вновь ведешь себя, как разумный человек!

Я немедленно подготовлю операционную...

– Да, но можешь не спешить, все-таки, я хочу еще немного поиграть – откинула голову Лу, мечтательно посмотрев в потолок. Отец Доминик что-то пробормотал, явно неодобрительное, после же пошел куда-то, куда – Джестер уже не смог рассмотреть. Лу же, тем временем, снова обратилась к нему – Милый, мой, знаешь, что для меня самое удивительное сейчас?

– И что? – недоверчиво хмыкнул Джестер.

– Я ведь даже не знаю твоего имени, малыш. Обычно я не только сразу узнаю имя того, кого пожелаю, но и узнаю кто он, откуда, и вообще все что меня может заинтересовать. После чего я получаю новую маленькую игрушку, правда, не такую, как ты, а куда более послушную. Ты же оказался на удивление крепким орешком. Может быть ты немножко потешишь меня, и скажешь, как же тебя зовут?

– А что мне с этого будет, малышка Лу? – съехидничал Джестер, думая, что если Норга и хотела послать какую-то помощь, то пора бы ей уже появиться.

– Эй, следи за своим язычком! Пока ты моя игрушка, хотя и очень непослушная, но все же моя. И пока лишь от тебя, малыш, зависит, как скоро я наиграюсь – дразнясь, Лу показала ему язык, не переставая улыбаться.

– Ну а что будет, когда ты наиграешься, о госпожа? – с неизменным сарказмом в голосе произнес Джестер, хотя то что он услышал от Лу, не повысило ему настроения.

– Ты пытаешься шутить, что же, неплохо, игрушка с характером это ново и интересно. С удовольствием еще с тобой поиграю – при этих словах Лу ласково погладила его тонким пальчиком по носу – Ну, скажи же мне еще что-нибудь, моя игрушка. Кстати, ты до сих пор не сказал, как тебя зовут, а мне хочется, чтобы у моей игрушки было имя.

– Я Бонд, Джеймс Бонд!

– О, это старая шутка! Ты повеселил меня, малыш, хотя я все-таки просила тебя назвать свое имя, а не пошутить. Ну же, мальчик мой – ласково провела она ладонью по его щеке – будь хорошей игрушкой и я сделаю для тебя... что-нибудь хорошее. И, кстати, прекрати мне дерзить – это тебе ничего не даст, а раз ты мой, то ты должен всячески меня радовать.

Завершая свою фразу, Лу потянулась, будто устав сидеть, а затем вытянулась на его неподвижном теле, вытянув зятянутые в штаны из плотной темной ткани босые ножки практически ему на лицо.

– Эх, вздремнуть бы чуток – донесся до Джестера её мечтательный голос – как тебе мои ножки, мальчик мой, краси-

вые?

– Сама-то как думаешь? – буркнул Джестер. Ножки то у неё были что надо, но когда они тебя на физиономии эффект все-таки немного не тот.

В ответ Лу громко рассмеялась, затем соскочила и вновь приняла прежнее положение – сидя у него на груди.

– Знаешь у меня никогда не было такой интересной игрушки, как ты... Жаль, что тебя нельзя оставить подольше... Я бы славно с тобой поиграла... А потом, я сделала бы тебя послушным. Ты бы приносил мне тапочки в зубах, причем, как ты можешь понять, я выражаюсь буквально. Ты был бы совсем-совсем мой – говоря это, она нежно водила ладонью по его лицу. В иное время такая ласка была бы очень приятна, но сейчас Джестер всерьез подумывал о том, не укусить бы её за руку. Где же Норга? Она же обещала помочь! Пока что-то ничего не видно, а эта ожившая мечта анимешника сейчас сделает с ним что-то не слишком правильное. А мечта тем временем уже улеглась на него сверху, скрестив руки у него на груди, а затем положила голову на них и стала смотреть ему прямо в лицо со своей неизменной улыбкой, которая, не смотря ни на что все также очаровывала Джестера.

– Знаешь, маленький мой, а я все-таки попробую сделать тебя послушным...

– Спасибо, а может не надо? Ты вот босиком ходишь, тапочки тебе ни к чему, все равно носить тебе будет нечего. Я хотел сказать, что я тебе не смогу ничего принести, тем

более в зубах.

– Ах, глупенький, ну я найду, что тебе принести мне... В зубах, или еще как-нибудь... Как мне захочется. Не сопротивляйся, тебе понравится быть моей послушной игрушкой, уверяю тебя.

– Может, поспорим, на щелбан?

– Нет, нет – улыбнулась Лу, приближая свое лицо к его – Сейчас, Сейчас, ты сейчас скажешь «Я твоя игрушка Лу», тебе же хочется...

Уже привычно мир поплыл перед глазами Джестера от гипнотического взгляда Лу. Мгновение, и он оказался в странном месте, похожем на то, где он нашел свой броневики, только разрушенный город и одно стороны примыкал к окраине болота, а с другой к опушке леса. В этом месте, куда бы он не попал, уже наступили сумерки, стемнело. Здесь было удивительно тихо. Джестер ощутил, что он больше не связан, и что больше ничего не сковывает его тело. Оглянувшись, он увидел рядом с собой Лу, она выглядела очень растерянной.

– Эй, что тут происходит? Я попробовала проникнуть в твои мысли, овладеть ими, а теперь я здесь... Похоже на какой-то транс, но я не могу вернуться в сознание. Я же делала это не раз, что происходит?!

– А Лу, ты не на того напала, усмехнулся Джестер – Меня просто так не возьмешь!

– Это ты так считаешь малыш, всегда есть что-то новое,

но всегда я справлялась со всем, что пытались мне противопоставить мои игрушки. Справлюсь и теперь!

– Не думаю – произнес томный женский голос, услышав который Джестер задрожал от смеси страха и радости – Норгус! Она пришла, как обещала!

– Пожалуй, тебе придется отказаться от возможности получить еще одну маленькую игрушку, Лу – продолжала Норгус – найдется кое-что что будет посильнее всех твоих навыков, умений и страстных нечестивых желаний. И я одна из этих вещей, Лу. Тебя кажется уже доводилось сталкиваться с некоторыми моими проявлениями?

– Нет, не может этого быть... – произнесла пораженная Лу.

– Ну что, братишка, Норга не подвела, помощь уже здесь – хлопнул по плечу Джестера ухмыляющийся знакомой ему ухмылкой – его собственной беловолосый парень.

– Аха, понятно... Раздвоения... Двойственность... – кивая каким-то своим мыслям произнесла Лу, затем она высоко вскинула голову, и взглянула на Норгус надменным взглядом – Тебе все равно лучше будет уйти, или же он будет в полном сознании в миг разделения, когда его тело будут разлагать на составляющие. Хочешь этого, а?

– А ты уверена, что так случится? – рассмеялась Норгус. После её слов окружающий их мир поплыл и задрожал, словно бы возникли помехи, или словно Джестер просыпался. Вновь он ощутил себя лежащим на столе, привязанным, а

сверху на нем лежала Лу. Но окружающая их обстановка изменилась – послушники братства Искоренителей Греха носились вокруг, мелькнуло озабоченное лицо отца Доминика, и кроме того, снаружи слышались какие-то удары и взрывы, им вторили крики.

Взглянув на запертую дверь в комнату, где Джестер находился, он вдруг ощутил удар, и дверь видимо содрогнулась. Затем она содрогнулась сильнее, и затем она вылетела, вырвав при этом дверные петли. В клубах дыма на пороге комнаты появились две массивные фигуры, одетые в уже знакомые ему комбинезоны Жажды-77, и среди них была небольшого роста девушка, одетая в отличие от них в куртку, снятую будто с чужого плеча. Девушка при этом держалась уверенно, и весело улыбалась, будто бы занималась чем-то, что забавляло её. Её волосы, не такие длинные как у Лу были растрепаны, и торчали в разные стороны, что придавало ей немного неряшливый, но в тоже время лихой вид. Стоящие по бокам её бойцы недвусмысленным жестом подняли оружие, похожее на массивные ружья, которые они сжимали в руках. Огонь они пока не открывали, но было ясно, что если им что то не понравится, они сделают это без промедления.

– Так – начала девушка, которая, очевидно, была в этой тройке главной – ты, быстро слезай с белого и развяжи его, мы его возьмем с собой.

– А по какому праву ты забираешь мою игрушку? – с вызовом ответила ей Лу, даже не подумав слезть с Джестера.

– А мне, думаешь, права нужны, а, сестренка? – нехорошо усмехнулась девушка – бросай парня и беги, пока цела.

– Дара, я знаю тебя, а ты знаешь меня – улыбнулась ей Лу – зачем нам ругаться из-за этого лакомого кусочка... Просто отдай его мне, и мы обе будем довольны. Хочешь, я отдам тебе какую-нибудь его часть, какая тебе больше нравится? Может... выбирай, не торопись – мурлыча, Лу провела пальцем по груди Джестера.

– Твои предложения, Лу, ты знаешь, куда их можно поместить, не маленькая. А парня я заберу, он мне весь нужен, не по кусочкам – хмыкнула девушка, очевидно, её звали Дара.

– А что если я его не отдам? – нехорошо усмехнулась Лу.

– Отдашь – уверила Дара.

– А если один из твоих мальчиков прострелит твой странный животик? Что ты скажешь после этого? – чарующе улыбнулась ей Лу, но в тот же миг глаза её заволокло пеленой боли, и она изменилась в лице, прижав руки к голове, словно бы пытаясь утишить дикую головную боль, неожиданно напавшую на неё.

– Не думаю, сестренка – ухмыльнулась Дара – а вот ты сама напросилась, головка поболит, что же теперь делать, а ведь я предупреждала!

Один из стоящих рядом с ней бойцов неожиданно выстрелил куда то сбоку от Джестера, и он увидел, как на пол беззвучно осело тело в одеяниях братства Искоренителей Греха.

– Старичок тоже не понял, что я не намерена шутить –

произнесла Дара – так, белый, не двигайся, сейчас мы тебя развяжем.

После того, пристрелили одного из них, остальные присутствующие в зале члены братства попятились прочь от незваных гостей, на их лицах проступили явные признаки растерянности, они явно не знали, как им поступить

Тем временем Лу уже потеряла сознание, снова опустившись на Джестера. Её лицо легло прямо на его, и через некоторое время он ощутил солонуватый привкус – у Лу пошла носом кровь. Бойцы быстро подбежали к нему вместе с девушкой. Пока одетые в черные комбинезоны фигуры водили по сторонам стволами своих ружей, девушка достала немалых размеров нож, и быстро перерезала стягивавшие Джестера веревки. Сковавший его паралич Джестер перестал чувствовать еще раньше, когда Лу схватилась руками за голову от непереносимой боли. Зашипев от покалывания крови, прилившей к рукам и ногам, когда веревки были разрезаны, он вскочил со стола, и встал на пол рядом со своими спасителями. Хотя, пронеслось у Джестера в голове, еще неизвестно, чем это спасение обернется. Оглянувшись, он обратил внимание на того члена братства, которого пристрелили бойцы – им оказался никто иной, как отец Доминик, лежавший в луже собственной крови, очевидно смертельно раненый или даже мертвый.

– Побегали, белый, сейчас могут прибыть прочие высокие лица этого долбанного братства. А даже мне не хочется

встречаться с ними один на один, так что ходу-ходу! – крикнула ему Дара, торопясь ко входу

После чего они вчетвером заторопились к выходу, пробегая по темным коридорам, похожим на тот, по которому Джестер, еще полный ожиданий, проходил вместе с Лу, которую теперь, он швырнул на пол, вставая. По пути к бегущим присоединялись другие бойцы в темных комбинезонах, вооруженные кто уже знакомыми ружьями, а кто установками солиднее, вроде гранатометов. Наконец они выбежали наружу, пробежав мимо развороченных дверей обители Искоренителей Греха. Вокруг разливался странный незнакомый запах, который, тем не менее, показался Джестеру смутно знакомым.

– А это им наш подарочек на прощанье! – крикнул знакомым голосом один из бойцов, швырнув какой-то увесистый сверток в сторону входа в обитель. Сверток взорвался, заставив задрожать землю под ногами, и одновременно с этим странно пахнущая жидкость, которой кто-то, очевидно, бойцы, полили обитель вспыхнула ярким и жарким пламенем.

– Валим, Джестер, валим! – крикнул затем Джестеру тот, который кинул взрывчатку – карета подана, часы уже бьют двенадцать, золушка.

Рядом с ними с гудением опустился какой-то летательный аппарат, похожий на вертолет, но без винтов. Все быстро запрыгнули внутрь него, после чего, аппарат взмыл в воздух, устремившись прочь от объятых пламенем логова Искоре-

нителей Греха.

– Да уж, Джес, за тобой глаз да глаз нужен. Подумать только, чуть ведь не пропал, только приехав в Огнегорье! Хотя, признаться честно, не всем так, как тебе везет сразу на таких зубров нарваться. Что им от тебя нужно то было? – спросил его боец, который кидал взрывчатку. При этом он снял шлем, и оказалось, что это был никто иной, как Маркус.

– Маркус?! Ты?! Да тот старикан покойный, отец Доминик вроде, говорил, что он от тебя. Да и ваш парень подтвердил.

– Бага то? Наш Бага, конечно, тип не простой. Но с таким, как покойный Доминик, ему все же тяжело тягаться, впрочем, и то Доминику тяжело было его контролировать. Я ж потом запись камеры просмотрел, он оговорился, заметил? Доминика так напрягало контролировать Багу, что он даже не смог свою речь под речь Багги подстроить, говорил как он сам говорит. Эх, Джестер, был бы ты поопытнее заметил бы.

– А вы что, просто так пошли за мной? – недоверчиво спросил Джестер.

– Ну почему же просто. Во-первых у меня был тебе должок, а быть в долгу я ох как не люблю, а теперь, думаю, мы с тобой расплатились, а? Во-вторых, мы уже давно хотели намять холку этим мнимым святошам. Ну и в-третьих... Ладно, у нас расскажу, и покажу, он там ждет.

– Кто?

– Да сам увидишь. Очень, скажем так, просил нас вы-

браться. Вот мы и пошли. Дарку благодари, без неё все было бы куда тяжелее.

– Хай! – помахала ему рукой улыбаясь девушка в кожаной куртке, которая руководила его спасением.

– Я, конечно, тоже неплохой менталист, но против двоих таких как Доминик и Лу, даже мне не вытянуть было. Блокировать то я их смог, чтобы они наших ребят не контролили, а вот так в башку долбануть, как Дара, у меня бы уже не хватило сил. Эта Лу, та еще зараза! Раньше то она с нами была, а потом у неё сдвиг по фазе произошел, ну и подалась она к Искоренителям, только мы её и видели. А они с Дарой подругами были.

– Погоди, погоди Маркус, кто кого контролирует, какой-токой менталист? И кто такие эти Искоренители, или кто они там? – замотал головой Джестер, искренне недоумевая.

– У-у-у-у-у, Джес, да ты явно новичок в этих краях. Да и вообще ты чудной какой-то. Ладно, сейчас тебе ликбез проведем, раз уж ты в наши веселые края попал. В общем, менталисты – это телепаты, они умеют всяческие штучки с сознанием проделывать, там могут под ментальный контроль взять, контролировать то есть, могут мысли читать, ну в общем на узкой дорожке с ними лучше не встречаться. Я вот, например менталист, вот и сразу почуял что-то в тебе неладное. Но не все такие милые ребята, как Дара или ваш покорный слуга, есть и те, кто пользуется способностями менталиста, скажем так, не с самыми благовидными целями. Это

псевдобратство Искоренителей Греха как раз из таких. Этим ребятам как раз доставляет вящее удовольствие контролировать других, а потом они своих жертв убивают. Да не просто убивают, а разбирают на органы, а потом на что-нибудь их используют, чаще продают. Знаешь ли, хорошие органы вещь нужная, как в трансплантологии, так и для опытов всяких малоаппетитных. В тебе они видимо какого-то особенного увидели, кого и поконтролировать интересно, и органы тоже на всякие интересные штучки пойдут. Маскируются под религиозный культ, иногда делают пожертвования на благотворительные цели, в общем, не подкопаешься. А на деле они садисты и дельцы на крови. Вот так-то! Мы этих поганцев гасим при возможности, но стараемся все же не задевать – там сильных менталистов много, а у нас все больше бойцы. А еще вот недавно они от нас Лу свели, так что давно пора было им проехаться по загровку. Видел, кстати, как когда Доминика на тот свет спровадили, остальные оторопели? А все потому, дружище, что большая то часть их либо под контролем постоянно, либо вообще франкенштейны, из органов собранные. Но всех их надо контролировать и постоянно, так что практика у этих святош в контроле очень обширная. Потому там и много сильных менталистов. Но зато, как правило, одного грохнешь, а остальные сами разбегаются – завершил свою речь Маркус.

– Слушай, белый, Джестер так ведь тебя зовут? – заговорила вдруг Дара – а кто же ты такой все-таки? И почему за

тебя *такие* поручаются?

– Да сам не знаю! И кто *такой*, за меня поручился? – раздраженно спросил Джестер. Последние события основательно его вымотали, да и видимо попытки Лу покопаться у него в голове тоже не самым лучшим образом влияли на его душевное равновесие.

– Ну не коси под дурика, скажи – настаивала девушка – ты же ведь особенный, мы тебя например просветить не можем, ни я, ни Маркус, да и Лу не могла, смотрю, и Доминик покойный не мог. А ладно, не хочешь не говори – с *тем* встретишься, там думаю все и раскроется, правда, Маркус? – усмехнулась она, подмигивая сидящему рядом с Джестером.

– Точно! – хлопнул тот ладонью об ладонь девушки – Не дави на парня, хлебнешь, Джес? – протянул он Джестеру открытую фляжку, из которой доносился легкий запах алкоголя.

Джестер в ответ кивнул, приняв фляжку и сделав из неё долгий глоток. Чтобы не было в этой фляжке оно было крепким и обжигающим, но при этом было сладкое и напоминало по вкусу шоколад.

– А-а-а, что это за пойло, Маркус?

– Наш ликерчик фирменный, мы, видишь ли, еще заводик держим, не все же заказами от ученых кормиться – усмехнулся Маркус, поправив бандану.

– Много не пей, белый – хихикнула Дара – скоро к нашим приедем, там тебя ждут, а как мы тебя пьяного то сдадим?

Лучше дай девушке выпить.

С этими словами она приняла у него флягу, и, глотнув из неё немного сморщилась и засмеялась, в свою очередь передавая флягу обратно Маркусу. Тот же хлебнув, пустил флягу по кругу между сидящими в салоне бойцами. Постепенно завязалась беседа между всеми, кто находился в салоне, в которой Джестер, однако, не участвовал. После пережитого, ему просто хотел отключиться и проспять некоторое время, причем, как можно дольше. Подумав об этом, он плюнул на все, закрыл глаза, и почувствовал, как к нему подкрадывается сон. Ему казалось, что он только-только прикрыл глаза, но тут он почувствовал, как кто-то трясет его за плечо – Вставай, спящий красавец, я не сказочная принцесса, и целовать тебя не буду, и вообще в сказках все наоборот было!

– Дара, юмор твой – пробурчал Джестер, зевая.

– Пошли, давай, белый, а то передумаю, и вместо Лу буду над тобой измываться! – засмеялась Дара.

– А что, я не против – по привычке пошутил Джестер.

– Ладно, тогда покажешься *ему*, потом тапочки в зубы и ко мне – со смехом, хлопнула она его по спине.

– Ладно, кстати, а что с Лу случилось? – спросил Джестер, выходя из «вертолета», который приземлился во внутреннем дворике базы Жажды-77.

– Да ничего, Лу просто не учла, что я более напористая, чем она, и этих, послушников пыталась под контролем держать. Вот я ей замыкание и сделала.

– Убила?

– Может быть, сейчас она точно в коме. Правда, логово мы ихнее, как ты помнишь, подожгли, так что... Скорее всего умерла.

– А если нет? Она мстить не пойдет?

– Лу-то? Она у нас натура нежная, она скорее всего от такого шока не отойдет, что её побили, да и... Вообще, всегда я ей помогала, а тут меня рядом не будет, её откачать и утешить. Так что, Джестер, насчет Лу не бойся – мстить тебе она не станет. К тому же, она тебя боялась, насколько я помню.

– Она? Почему?

– Она увидела в тебе то, с чем она не могла побороться. Или тебя прикрыл кто-то очень и очень сильный. Я, если честно, не поняла до конца. Что-то я в Лу прочитала, но, ты же сам помнишь какая там обстановка была. Вот так. Ты у нас вообще загадочная личность, Джестер – усмехнулась Дара.

– Эх, Дара, Дара, знала бы ты, как меня самого это удивляет... Даже поражает – пробормотал Джестер.

– Да? – недоверчиво спросила Дара, когда они уже вошли внутрь базы Жажды-77 и шли, направляясь вслед за Маркусом, который ушел вперед, видимо, чтобы встретить их особенного гостя, по просьбе которого они и отправились выручать Джестера.

– Ну, да. Знаешь, я же ведь не всегда был таким.

– Ну, можно поверить. Слушай, а ты ни в каких секретных

проектах не участвовал? Может там чего намудрили?

– Да нет вроде.

– Хех, ну если это какой-то очень мощный проект был, так тебе там могли и память подправить, так что ты и не вспомнишь... А просканировать тебя мы не можем.

При этих словах Джестер внутри напрягся – получается, что вся его предыдущая жизнь могла быть просто чьим-то вымыслом, будто бы он был персонажем фильма «Матрица». А что? Если то, что Дара говорит правда... Да нет, это бред. Зачем кому то придумывать ему такую историю, как та, что произошла с ним? Хотя кто знает... Ну хорошо, даже если он что-то такое, то пусть! Он еще найдет своих создателей, и посмеется над ними!

– Эй, Джестер, на тебе лица нет! Вспомнил чтоли что-то? – помахала рукой перед его лицом Дара.

– А? Да нет, так... Не обращай внимания.

– Ну, смотри, как знаешь, кстати, мы пришли. Маркус, уже наверное все уши прожужжал твоему другу о том, что в братстве происходило.

Джестер и Дара вошли в кабинет Маркуса. Тот встретил их от входа, вид у него был несколько растерянный.

– Слушай, Джес, похоже тебе придется двигаться дальше, а вот куда, он не сказал, сказал, мол ты знаешь.

– Да, и подробнее? – поинтересовался Джестер.

– Да, вот пусть он сам и скажет – ответил Маркус и обернулся к кому-то, кто должен был сидеть в кресле посетителя

за его столом. Но там никого не было. Маркус обернулся обратно – вид у него был крайне растерянный и ошарашенный.

– Маркус – обратилась к нему Дара – а *он-то* где?

– Да он тут был – пробормотал тот – только что с ним разговаривал.

– Ну и куда он делся?

– Дар, я не знаю! Исчез, и все тут!

– Маркус, ты сегодня мозги не перенапряг?

– Иди ты, Дара, знаешь куда с твоими шуточками!

– Ладно, Маркус, спокойно. Ты же знаешь, я ничего такого сказать не хотела.

– Ребя-а-а-а-ат! Вы мне можете объяснить, что происходит? – встрял Джестер.

– Да нам бы кто объяснил, что тут происходит – проворчал Маркус, в задумчивости присаживаясь на край стола.

– Ну, хорошо, а двигаться мне как? У вас тут какой-то Огненный Ливень, или покойный Доминик мне опять наврал?

– Да нет, он правду сказал – ответила Дара – в это время начинается Огненный Ливень. В это время просыпаются несколько вулканов, а еще Огнегорье входит в полосу метеоритных дождей. Даже хорошо бронированная техника не всегда может уцелеть в такой передряге. Поэтому Огнегорье становится практически изолированным от остального мира. А тебе надо как то двигаться дальше...

– Значит, мне надо на своих пройти там, где ваши бронированные машинки не проходят так?

– Нет, Джес, не на своих двоих – мы твой броневик пригнали, поедешь на нем – произнес задумчиво Маркус.

– Да? Ну спасибо, ребят, жаль отдарить нечем.

– Да ладно тебе, когда такая заваруха начинается тут уж не до долгов.

– Маркус, а куда я тут вообще ехать могу? В какую сторону?

– Он сказал ты знаешь – вновь произнес эту загадочную фразу Маркус.

– Ясно... – протянул Джестер. Он неожиданно ощутил какое-то странное чувство, будто бы он прикоснулся к Вечности. А эта Вечность смотрела на него и загадочно улыбалась. И он понял, что он пойдет вперед, по той дороге, что ведет из Огнегорья, а уж она выведет его туда, куда он должен будет попасть.

Никогда еще такое чувство не посещало его, ему казалось, будто бы теперь частичка Вечности есть и в нем, будто бы он становится иным, другим, не таким. Каким он был раньше. Что бы это значило? Одна его часть знала, что ответ на этот вопрос найдет его, тогда когда это будет нужно. Но другая яростно кричала, требуя ответа здесь и сейчас, не желая ждать. Будто бы это было и некое изначальное вечное создание и человек, раздираемый страстями и желаниями, порывистый и *живой* человек.

– Эй, белый, Джестер... Что с тобой происходит?

– Все в порядке, Дара. Я понял, куда мне дальше идти.

– И только? А больше похоже на то, что в тебе что-то сейчас переменялось, причем, очень резко...

– Ты почувствовала, да?

– Такое тяжело не почувствовать! Ты тоже это ощутил, Маркус?

– Да... – отозвался Маркус.

– И что ты теперь делать будешь, Джес? – спросила тихо Дара.

– Я поеду дальше. Покажете мне дорогу, которая ведет из Огнегорья?

– Да. Ты поедешь сейчас, когда начался Огненный Ливень? Твоя машина, конечно, хороша, но Ливня ей не выдержать.

– Я обойду Ливень.

– Как? Впрочем, ладно, ты, наверное, знаешь...

– Да.

– Ну, Джестер, я тебя к броневнику провожу, а уж дальше ты сам.

– Да, Маркус, я сам пойду. Дорогу только покажи.

– Покажу.

И вот перед воротами базы Жажды-77 остановился броневик, который недавно, а казалось, целую жизнь назад, Джестер нашел на окраине заброшенного города. Джестер вылез наружу, и встал рядом с броневиком. К нему подошли Маркус и Дара.

– Ну, ребят, спасибо вам, за то, что спасли меня.

– Да ладно тебе, мы иначе, наверное, и не могли – отозвался Маркус.

– Тогда за броневик спасибо, что сохранили его – сказал Джестер.

В ответ Маркус и Дарой просто кивнули ему. Так некоторое время они стояли в молчании, которое никто не хотел прерывать. Джестер осознал, как быстро он привязался к этим ребятам. Нельзя было назвать хорошими героями, наверняка им приходилось совершать не самые благовидные поступки. Но все-таки они спасли его – несмотря на все их уверения, совершенно им незнакомого парня, а это чего-то, да стоило. Может в другой ситуации он и остался бы с ними. Но его опять звала дорога, а этот тот зов, перед которым никто не сможет устоять.

– Прощайте, ребят! – наконец вымолвил Джестер.

– Бывай, Джес! – пожал ему руку Маркус.

– Пока, белый! – улыбнулась ему Дара, быстро чмокнув его в щеку, и почему-то слегка покраснев.

– Ладно – зачем то сказал Джестер. Затем он кивнул им еще раз, и полез в броневик.

Сев за руль, он выглянул в окно – Маркус и Дара все еще стояли у ворот. Он улыбнулся им и помахал рукой, прощаясь. Они помахали ему в ответ. Затем Джестер нажал на газ и медленно выехал на дорогу. Было грустно покидать их, но история идет дальше, и ставить точку еще рано. А раз так,

то надо ехать по дороге дальше. Выезжая за пределы Огнегорья, Джестер вновь увидел уже знакомую вспышку вокруг него, а потом ему показалось, что он не едет, а летит...

Но где он летел? Может это было ночное небо, а может он летел между звезд?

Как бы то ни было, он еще не доехал туда, куда меня ведет дорога. И Джестер мчал и мчал вперед, подпевая доносящейся из динамиков песне Ольви «Дорога в ночь»:

Дорога в ночь вьется змеей
Мир тает перед глазами
"Ты должен быть нашим!" – кричит воронье,
Я танцую со смертью, себя забываю.
Боль и любовь на разные чаши
Меня здесь не будет, следы смоем дождь,
Кричит воронье "Ты должен быть нашим".
Вьется змеею дорога в ночь!

Тепло... выплывая из забытья он ощущал тепло. Потом Маледикт услышал треск огня. Постепенно он вспоминал все, что произошло с ним – ужас в деревне, город синего камня и зеленого света, бегство прочь от негодующих горожан, и, наконец, их с Викой гибель в месте, где беззвучные грозы бушевали над снегами. Постой, подумал Маледикт, если я жив, значит, мы не погибли, по крайней мере, я жив... Вика!

В ужасе Маледикт вскочил на кровати, где он лежал. Вско-

живая, он задел кого-то, кто лежал рядом с ним. К его удивлению и облегчению, рядом с ним лежала Вика. Живая, лицо её размякло в тепле, и было похоже, что ей ничто не угрожает.

– О, вскочил! Ожил, значит. Это ты молодец, что ожил. На-ка выпей чайку горячего, осторожно только, он горячий – возник рядом с ним плечистый мужик, протягивая ему глиняную кружку, от которой шел пар. Приняв кружку из его рук, Маледикт сделал глоток и закашлялся – чай был действительно очень горячий, и, кроме того имел странный привкус. Казалось, кроме чая туда добавили каких-то трав. Сделав еще глоток, он кинул взгляд на стоящего рядом мужика. Выглядел тот весьма колоритно – широкоплечий рослый, с гривой густых русых волос, рассыпавшихся по спине, лицо его скрывали борода и усы. Одет мужик был в коричневую рубаху из мягкой толстой ткани, и в штаны из такого же материала.

– Ты пей, быстрее, а то остынет. Допьешь – я тебе еще налью – произнес низким голосом тот, кого пристально рассматривал Маледикт.

– Спасибо – произнес Маледикт – а она – указал он на Вику – в порядке?

– Да в полном! Я, конечно, вас долго искал, но найти успел вовремя. Так что ничего ни тебе, ни девчонке твоей не угрожает.

– А вы нас искали?!

– Да все ноги сбил по этим снегам бегать! Как же вас так угораздило-то?

– Не могу сказать... А вы именно нас искали?

– Ну а кого же еще? Вас, родимых, вас.

– А почему?

– Ты чай пей, а то остыл уже почти. И говори поменьше.

Вытащить я вас успел, но вот лучше бы тебе пока отдохнуть, все ж таки это вам не сахар в такой холодине столько времени пробыть. Даже тебе.

– А что во мне такого особенного?

– А ты не знаешь?! Странно... Ну ладно, потом все потом, я вас выходить должен, чтоб на ноги встали. О, девочка твоя просыпается, я мигом! – быстро ушел в другую комнату мужик.

Внимание Маледикта полностью захватила Вика – он смотрел, как она просыпается и открывает глаза, ловя каждое её движение, ища какие-либо признаки того, что с Викой что-то не в порядке. Но, похоже их спаситель оказался прав – здоровью Вики ничего не угрожало, и сейчас она словно бы просыпалась от глубокого освежающего сна.

– Маледикт... где мы? – произнесла она, осмотревшись.

– Не знаю, Вик, только что сам в себя пришел.

– А что ты пьешь?

– На, вот сама попробуй – грубовато ответил вместо Маледикта их спаситель, протягивая Вике дымящуюся кружку.

– Спасибо – Вика с опаской приняла кружку, но видя, что

Маледикт пьет без опаски тоже глотнула из кружки, также как и Маледикт, закашлявшись после первого глотка.

– А где мы? И как вас зовут? И почему вы нас спасли? – спрашивал тем временем Маледикт.

– Вы тут же, в Снежной Грозе, просто я вас домой к себе перенес, в тепло. Зовут меня Готара, сам я, правда не здешний, но дом у меня тут есть. А спас почему... скажем так, меня кое-кто очень попросил. Вот почему я и там у дома от вас упыря оттаскивал, и тут искал. Честно, думал уж не найду вас, закинуло вас сюда хорошо, основательно я скажу.

– Какого упыря? – удивилась Вика.

– Какого, Краснобая, какого. Он упырь сильный, такого не сразу положишь, старый он, матерый. Класть правда не пришлось – сам убежал потом. А ты парень сильный – обратился Готара к Маледикту – сильно меня приложил, не ожидал.

– Погодите, погодите – задумалась Вика – так вы...

– Что?

– Ты тот косматый зверь, который нас убить пытался? – изумился Маледикт, едва не выронив кружку.

– Оборотень я. Да, я это был. Только я не убить пытался, а помочь хотел. Почувствовал, как этот мутить начал, ну и бросился к вам. А ты меня по морде – засмеялся Готара – хорошо я хоть крепче чем простой человек, а ты убил бы меня сразу.

– Но как же... – не понимала Вика.

– Девочка, ты пей горячее и отдыхайте вы оба. Меня вас

еще и выходить попросили, чтоб вы здоровые стали. Вот я и выхаживаю. Пока отдыхайте, а я еды приготовлю.

После этого они в молчании допили травяной чай, Готара принес им еще, после чего сам ушел, очевидно, готовить, как он и обещал.

Некоторое время Маледикт и Вика сидели молча, попивая горячий чай и поглядывая друг на друга. Каждого из них посетили одинаковые мысли – тот, кто их спас утверждал, что он и есть то чудовище, которое, как они думали, жаждало их смерти. Но в тоже время, похоже, что это действительно он их спас. А теперь они были у него дома. Странные вещи происходили с ними, и непонятно только, почему? А еще им хотелось бы хоть что-то знать о том, что ждет их в дальнейшем, но, ни Вика, ни Маледикт не могли дать ответ на этот вопрос.

– Вик – позвал Маледикт – слушай, а что мы делать то теперь будем?

– Не знаю – ответила Вика – ущипни меня.

– Зачем? – удивился парень.

– Может я сплю... Ай! Ну зачем же так больно-то!

– Ну, извини, солнышко, не рассчитал.

– Ладно... о-о-о-й, синяк будет наверное. Значит, я не сплю, ты, наверное, тоже. Все это с нами действительно происходит.

– Так.

– Нам надо что-то делать. А вдруг нас сейчас в жерло вул-

кана закинет? Или еще куда-нибудь.

– Не закинет, Вик. Мы пока тут будем.

– Да?

– Да. Я почему-то это знаю... Но не знаю откуда... Странно это. Помнишь, Готара сказал, мол, я его сильно ударил? И знаю это как-то, про то, что нам пока ничего не угрожает. А помнишь как те, в городе лупили светом? Нам от этого ничего не было.

– И что это значит, Маледикт, а?

– Не имею ни малейшего понятия, Вик. Может, Готара что-то объяснит?

– Маледикт... А ведь Готара сказал, что его попросил кто-то нам помочь, а кто это был? И почему просил?

– Странно все это, Вик. Как ты считаешь, мы пока можем ему доверять?

– Не знаю... Но выбора у нас особо нет – мы у него сейчас, да и он вроде нам ничего плохого не сделал. А тогда, может, мы просто испугались?

– Ну он и объяснить сразу мог... Или не мог? Ладно, что дальше то делать будем?

– Обед готов! – возвестил Готара, входя в комнату – вставайте, ребята, я поесть приготовил, вам сейчас нужно усиленное питание, а потом отдыхать. Ну, вставайте, а то все остынет!

Ребята вылезли из теплой постели, из под меховых одеял, которыми их укрыл Готара. Следуя за ним, они прошли в

другую комнату, где уютно потрескивала пузатая печка, наполняя комнату теплом. На столе стояли какие-то кастрюльки, и были приготовлены три тарелки.

– Я уж с вами поем, не против? А то изголодался бегать за вами, быка бы съел! – сказал Готара, наливая в глубокие миски какой-то суп, который приятно пах травами и специями.

– Кушайте, кушайте, мясного супа как раз сейчас поесть, а?

– А мясо не... – неуверенно сказала Вика, вспомнив о том, кем был их хозяин.

– Да местная зверушка, вроде бычка. Не человеческое, я людей не ем – расхохотался в ответ оборотень.

После этого все сели за стол, и некоторое время тишину прерывало только позвякивание ложек и дыхание. Готара не соврал – суп и вправду был очень вкусный, а траву, которые он туда добавил слегка жгли, как перец, и наполняли тело ощущением тепла и сытости. После супа он подал что-то вроде тушеного мяса с овощами и какие-то соленья, вобщем обед удался на славу!

После обеда Готара поставил чайник, и втроем они пили чай и разговаривали.

– Готара, а ведь это другой мир? Не наш родной правильно – спросил Маледикт.

– Ага, ты прав. Как вас сюда закинуло, сразу скажу – не знаю. А вот у меня тут, как видишь, дом. И я могу между

мирами бегать, хоть и напрягаться приходится.

– А кто еще так может?

– Упыри могут, духи всякие. Люди еще, такие как вы, только тут дар нужен, ну куда ж без этого. А иные и всякие технические устройства придумали, тоже помогает.

– Это как другая планета?

– Так, да не так. Другой мир это даже не другая планета, хотя и это тоже. Другой мир одним словом. Все таки тяжело вам тут пришлось, вон вы одеты по летнему.

– Да и ты тоже легко одет.

– Ну, у меня в зверином форме шкура такая, что никакой шубы не надо, так что мне то это не проблема. Да и вас нести легче было – сил то у меня тоже прибавляется. Ну, вы небось фильмы всякие смотрели, книжки читали, так что знаете, что такое оборотень, хоть примерно. Только нас обычно просто зверями рисуют, а мы не такие. Мы как волки – санитары леса, просто крупнее и сильнее.

– Так волк не очень добрый – сказал Вика.

– Ну и я не добрый. Но я и не злой, я делаю, что надо и когда надо.

– А почему? И откуда ты знаешь, что надо, а что не надо?

– Духи говорят. А еще у меня знание об Извечном Коловращении есть.

– А что это такое?

– Это порядок всего. Как все устроено и между собой происходит – это и есть Коловращение.

– А если оно нарушается?

– Не нарушается. Нарушения опять же в его сути есть. Коловращение это вот вообще все. А мы в этом чувствуем, кто-то осознано, как мы, например, а кто-то нет.

– А упыри?

– Тоже часть Коловращения, хотя поганцы редкие, сразу вам скажу. Но сильные, с этим не поспоришь. Знание о Коловращении в каждом оборотне появляются. У некоторых людей тоже, но это дар. А людей с даром мало. Обратней, впрочем, тоже. Я не говорю, что могу вот людей резать и буду прав. Неправоту и правоту опять таки Коловращение соединяет. Но я, конечно, так делать не буду – усмехнулся оборотень.

Некоторое время все сидели молча. Маледикт и Вика размышляли о том, почему же все это происходит с ними. О чем думал оборотень – не знал никто.

– Готара – спросил Маледикт – а какую роль мы с Викторией играем в этом Коловращении?

– А кто ж его знает – пожал плечами оборотень.

– То есть, ты не знаешь?

– Я что-то о Коловращении знаю, но вот всего, боюсь, никто не знает, тем более я.

– А откуда вообще пошло это слово – Коловращение, и ведь кто-то знания собирает, систематизирует, изучает – спросила Вика.

– Есть такое дело, но только таких мало, и они не всегда

готовы знаниями делиться.

– То есть ты не можешь нас к ним провести? – удивился Маледикт.

– Не стал бы... Тут не знаешь, как все обернуться то может – ответственвал Готара – Эти ребятки могут оказаться не такими добрыми и пушистыми как я.

– А ты говорил, что тебя попросили нам помочь – сказала Вика.

– Ну, да.

– А тот, кто тебя просил, может как то и их попросить?

– Ага, вот сейчас я приду к нему и скажу – Мол, направь ты знающих людей на подмогу моим подопечным. Вика, тот, кто меня просил – очень влиятельный такой... Это не дух не человек и не оборотень. Я даже не скажу, кто это, но точно знаю одно – я ему не указ.

– А если он уже как-то распорядился, чтоб нам помогли?

– Если распорядился, то помощь вас найдет. Я ж вас нашел – рассмеялся оборотень.

– Готара, а скажи, тебе не сказали, куда нас потом послать? – поинтересовался Маледикт.

– Ну, сколько-то времени вы еще у меня побудете, пока не оклемаетесь. Как минимум сегодня можете спокойно отдыхать, отсыпаться, вас никто не побеспокоит. А вот завтра... если честно, не знаю я, что вам завтра предстоит. Да вы не бойтесь – я вас просто так не брошу, помогу, как могу.

– А если тебе будет велено нам помешать – спросила Вика

– или даже... убить?

– Нет, убить вас мне точно не скажут. Да и если скажут, я не стану, что я сволочь какая? Я ведь, даром, что зверь, а тоже чувствую, понимаю, и меня хоть и настойчиво просят, а ведь, если хочу, могу поступить, как считаю нужным.

– А как же Коловращение?

– Хм... задал ты мне вопрос... А кто ж его знает?

– Скажи, а само Коловращение может тебе что-то приказывать?

В ответ Готара расхохотался. Отсмеявшись, он ответил – Коловращение никогда не приказывает, это порядок, или строй, суть... Ну в общем это сама суть Бытия, можно наверное, так сказать. Это не Бог, не дух, так что оно никогда не прикажет. А вот куда нас вывести может, или вас – вот это уже вопрос. Чую, завтра что-то прояснится. А пока, думаю, вам стоит отдыхать – силы вам еще понадобятся. Хотите спать-то?

– Да нет... Нет – отозвались Маледикт и Вика.

– Ну, раз нет, расскажите, ребята, что у вас дома то делается? Мне ваша края почти родные, так что уж не поверите, пока по другим мирам бегаю туда-сюда душа вся истосковалась по тем местам. Уж не откажите, а?

И Маледикт с Викторией принялись рассказывать оборотню, что у них дома делается, как жизнь, и как обстоят дела. Готара слушал внимательно, не перебивал, лишь иногда задавал вопросы и просил поподробнее рассказать о той или иной

вещи. Так они сидели долго – оборотень слушал их жадно, и, казалось, готов был слушать бесконечно.

– Готара – спросил Маледикт – а почему ты так нас спрашиваешь? Разве ты не можешь там жить, как человек?

– Эх, парень – вздохнул Готара – жить мне среди людей очень тяжело. Оборотнем быть это ж не только в зверя иногда перекидываться. Я же ведь действительно зверем становлюсь в такие моменты – жестоким расчетливым и абсолютно нечеловечным. Среди людей мне не место, уж поверь. А ведь я этого зверя всегда с собой ношу. Да что там ношу! Я ведь сам и есть этот зверь, вот в чем дело. Да и долг мне велит странствовать между мирами. Тут иногда вот могу отдохнуть, потому что тут тихо и практически безлюдно, и нет никого. Вы меня может, поймете когда-нибудь.

– Как? Ты хочешь сказать, что мы...

– Да нет, что ты! Вы не оборотни, вы бы это сами бы почувствовали и вопросов бы не было. Вы вот какая-то новая часть Коловращения. Или нет? Трудно сказать. Но что не оборотни это точно уж поверьте.

– А как бы мы почувствовали, что мы оборотни?

– Помнишь, я говорил, что мне среди людей не место? Так вот, это не потому, что меня люди гонят. Может узнали бы, и прогнали. Но я и сам не могу или, может, не хочу среди людей оставаться. Когда ты зверь это не только делает тебя жестоким, ну вы же видите, с вами я не жестокий, очень даже добродушный – хмыкнул Готара – зверь он иначе, чем че-

ловек живет. Зверь он такой, в своих действиях и желаниях не ограничен, хотя желания у него иные, чем у людей. Чтоб понять, что зверь чувствует, надо зверем быть, или оборотнем, хотя бы. Это не животное в таком простом понимании – что поесть, поспать, да попить. Это иное, глубинное что-ли. Свобода? Знаете, сложно сказать, свобода это или нет. Зверь он такими категориями не пользуется. Это что-то абсолютно чуждое человеку. Так жить бывает сложно, бывает и проще чем человеку – потому как ты не человек, но тут уж... В общем, я с этим живу. Я этого не просил, но живу, знаете, привык уже.

– А как же ты стал оборотнем? – глядя на Готару, спросила Вика.

– Как... Подожди, дай мне вспомнить... Это было очень давно, Вика. Тогда я еще жил в краю седых лесов, где густые еловые леса порою застилал туман, и каждое утро роса выступала на широких еловых лапах, там я и жил. Я жил уединенно ото всех, поэтому многие считали, что я, мягко говоря, странный. Но, тем не менее, меня уважали и ценили за мои знания о лесе, и том, что можно в нем найти полезного, а чего стоит опасаться. Стоит отметить, что мы были мирным тихим народом, тогда еще у нас не было такого технического совершенства, как, скажем, у вашего народа. Тем не менее, мы жили и не жаловались на судьбу. Вероятно, тогда еще мы не познали того, что дает техника, и просто не испытывали потребности в технических новшествах. Но, вернусь к рас-

скажу обо мне...

... По лесной дорожке, озаряемой утренним солнцем, шел рослый парень, одетый в простую домотканую рубаху и штаны. Он шагал, бдительно осматривая заросли – лес был диким и надо было держать ухо остро, если хочешь жить, даже на такой дорожке, которая протоптана людьми, и на которую должны бояться выходить лесные звери... Но станут ли они её бояться? Да, многие бояться человека, но далеко не все. Шедший по лесу великолепно знал об этом – еще бы, ведь он считался в Седолесье лучшим знатоком леса. Постепенно он вышел к небольшой деревне, огороженной частоколом из толстых бревен. Здесь жили его друзья, родственники, но сам парень предпочитал жить в одиночку, в лесной чаще.

– Эй, Готара, привет, решил наведаться сюда? – приветливо, с легкой насмешкой отозвался от ворот дюжий детина, заметивший приближение парня.

– Да, Дратор, пришел вот. Не могу же только со зверьем водиться – по привычке беззлобно огрызнулся тот, к кому обратился Дратор.

Готара неплохо знал Дратора и не питал сомнений насчет напускного радушия последнего. В Седолесье все великолепно знали, что лесной отшельник Готара – лучший знаток лесов. Даже седые старики терялись, видя как хорошо Готара осведомлен о свойствах лесных трав, а опытные охотники поговаривали между собой, что если Готара в отряде – то добыча куда богаче. Не раз он приводил из леса заблудив-

шихся детей.

Но такое мастерство и осведомленность рождали вполне понятную зависть... Зависть, которая нередко перерастала в ненависть. Еще бы, быть столь умудренным опытом и быть обставленным каким-то мальчишкой! Снискать славу неподражаемого охотника, и при этом осознавать, что какой-то сопляк читает лес, будто раскрытый пергамент! Косо смотрели на Готару и девушки – вроде симпатичный, здоровый парень, а живет где-то в лесу. Родичи уже давно не привечали Готару, так он и жил – редко появляясь в деревне, но помогая сельчанам, чем мог, терпимый, но не любимый. Так и теперь, он шел по деревне, чувствуя на себе косые неприязненные взгляды. Ладно – подумал он – вот у волхва спроведаюсь, и уйду.

Каким же привлекательным был его лес, его дом для него в такие моменты, когда он входил в этот суматошный и такой странный и непостижимый мир людей! Уж куда проще и понятнее было со зверями – звери всегда были честны и открыты с ним, не всегда ласковы, но свою нелюбовь звери являли ему прямо и открыто, не стараясь прятать её за показным радушием. Да он и не пошел бы в деревню, но ночью, к нему явился его друг волк, и говорил с ним во сне. Он говорил, как человек, и он сказал ему, что волхв в деревне хочет что-то сказать ему, что-то важное. Он сказал ему еще, что мир его изменился, что более он не будет прежним Готарой. После слов друга волка, парень проснулся. В его домике было

темно, лишь из за ставень пробивались лучики рассвета, не солнца, но уже чувствовалось, что небо светлеет. Как он это чувствовал, Готара не мог сказать, просто чувствовал и все, может так, как чувствуют звери, как друг волк? Кто знает...

Снаружи шел дождь, и некоторое время парень лежал, слушая стук дождика по крыше. Потом он встал, откинув шерстяное одеяло – подарок одной из девушек в Седолесье, которая относилась к нему немного добрее, чем все остальные. Он прошел босыми ступнями по прохладному полу к двери, и распахнул её, впуская внутрь утренний свет и влажную свежесть воздуха с редкими каплями дождя. Так он стоял и смотрел, лишь позволяя свету касаться его и чувствуя как ветерок бросает ему дождевики в лицо, под неустанный стук дождя по листьям деревьев. Невдалеке громыхнула молния, озарив округу ярким светом. Готара стал понимать, что то, что он увидел сегодня ночью, было не просто сном, что друг волк приходил к нему во сне не из пустой прихоти. В нем действительно что-то изменилось. Капли дождя, льющие с небес, казались ему током крови в его жилах, ему казалось, что теперь он понимает не только животных, но ему стало теперь понятно, о чем шепчутся деревья, которые омывает дождь. Они не говорили как люди, но они шептались между собой, именно как это могут делать деревья под шумом ветра, когда громко, а когда чуть слышно шепча опадающими листьями, засыпая, когда приходит осень. Возле дома Готары чуть шелохнув кусты, мелькнула серая тень –

друг волк! Этого волка Готара видел редко, и чаще мельком, будто бы он был не в лесу, а в его мыслях. Он никогда не пытался найти его или последовать за ним, но он чувствовал, что что-то связывало их двоих, и поэтому звал его друг волк.

После того, как друг волк убежал от стен дома Готары, тот еще долго стоял на пороге, смотря, как занимается заря и восходит солнце. В этот день он делал привычные повседневные дела, но умом все возвращался к своему сну и вновь и вновь ощущая мир частью себя, будто бы кровь мира – его кровь, а дыхание мира насыщает его, как его собственное. Это было удивительно и необычно, такого Готара не испытывал никогда. Вечером его вновь посетило ощущение того, что друг волк рядом, и он словно бы ощутил его нетерпение тем, что Готара медлит, и еще не на пути в Седолесье. Настала ночь, когда Готара собрался и несмотря, на то, что вокруг стемнело, и он хорошо представлял себе, какие опасности могут подстергать его в дикой чаще ночью. Но он чувствовал, что должен идти, и идти скорее. И он шел в ночь, слыша, как кругом изредка потрескивают сучки под лапами бродящих по лесу в ночи зверей. Но вместе с тем, он понимал, что ему не грозит опасность, будто бы друг волк бежал впереди него, прогоняя всех недругов, всех зверей, всех злых духов с пути Готары. К рассвету он вышел на натоптанную дорожку, которая соединяла лесную деревню Седолесье с другими деревнями и городами, что лежали далеко от родного леса. И вот утром он вошел в Седолесье, чувствуя себя более чужим,

чем он ощущал себя ночью, в дикой чаще леса. Сцепив зубы, сдерживая раздражение, которое часто охватывало его, когда он попадал под этот ливень неприязненных и неодобрительных косых взоров, он шагал к дальнему дому, на стенах которого были искусно вырезаны изображения солнца, луны, звезд, зверей и людей – дом волхва. Кроме той девушки, что выткала в свое время одеяло ему в подарок, волхв был единственным человеком, который уважал Готару, и не испытывал неприязни или ненависти к его умениям и талантам. Волхв был уважаем в деревне, так как же обойтись без человека, который и чары наложит, и с духами поговорит, когда в том необходимость будет. Старик давно видел что-то особенное в Готаре, и может быть, лишь его дружба с волхвом спасала юношу от полного остракизма со стороны деревенских.

И вот теперь Готара подошел к жилищу волхва, куда звал его друг волк, и где должно было ему открыться странное изменение в самом Готаре, и в чем его цель и суть.

Подойдя к двери, Готара постучал.

– Войди, Готара, я тебя ждал! – донесся из-за двери хриплый голос волхва. Его друг знал, кто подошел к его двери, что было немудрено, ведь он волхв. И, что самое важное, волхв ждал его, а значит, что все сомнения Готары, в том, правдой ли был его сон, развеялись как утренний туман под золотыми лучами солнца.

– Даргус – из молодых людей только Готара позволял себе

называть волхва просто по имени, а ведь этого не могли себе позволить и многие старики в деревне, даже те, которые были старше, чем волхв – я пришел, мне был сон.

– Знаю, парень, знаю – проговорил волхв – и также я знаю, что последует за твоим сном. Все свершится сегодня вечером.

– А что именно?

– То, что должно, друг мой Готара. Пока же ты должен будешь сделать одну вещь.

– Какую?

– Сходи к Дарике.

– Но зачем?!

– Я уже пожил на свете, парень, и многое открыто моим глазам не только, потому как я волхв, но и просто потому, что я старый человек, которое многое повидал в этой жизни. Скажу тебе, что после этого вечера, ты больше не увидишь Дарику, никогда. Так что повидай её теперь, пока ты можешь это сделать.

– Даргус... но почему?

– Узнаешь, Готара. А пока ступай. Иди, не бойся, я понимаю тебя, иди.

Ошеломленный, Готара положил свою сумку, на пол и вышел из дома волхва, направившись к дому, который был так хорошо ему знаком – дому, где жила семья Дарики. Лишь подойдя к её дому, он подумал, что, возможно ему следовало остаться и помочь волхву в его приготовлениях. Но, по-

том он представил себе усмехающееся лицо старика, если он вернется к нему, не повидав Дарику. Волхв сказал ему «По-видай её», а значит, это то, что старик считает нужным.

Итак, он подошел к дому, и услышал, как звонкий девичий голос напевает веселую песенку, и сердце его бешено заколотилось – он узнал её голос, голос Дарики!

Он обошел дом, и вышел к лицевой её части, к той, что выходила к речке, что протекала через весь лес. И у реки он увидел её – рослую, с него ростом, с толстой косой, перекинутой сейчас через плечо и увидел её дивные сияющие голубые глаза. Дарика увидела его и рассмеялась, стирая копоть с лица – она была кузнечихой, что было так необычно для девушки, что делало её похожей с Готарой. Но все же её деревня принимала куда как легче, чем его. Ведь бывали в свое время в деревне девушки-кузнецы, да и работа у неё всегда выходила на славу. Немалую роль в принятии деревней Дарики играла и её красота, равной которой было немного девушек в деревне. А то, что Дарика была не только кузнечных дел мастером, но и вообще рукодельницей хоть куда, подарком, теплым одеялом, что она выткала, Готара согревался холодными лесными ночами, все это делало её невестой хоть куда. Но все же она привечала у себя нелюдима Готару. Между ними не было ничего, что обычно бывает между парнями и девушками, но все же многие шептались, о том что же будет, когда они поженятся – то ли Дарика из Седолесья уйдет, то ли этот чудак, черт лесной наконец за ум возьмется.

– Эй, лесной житель, какими судьбами тут? – засмеялась Дарика, искренне порадовавшись появлению Готары.

– Да вот, Дарика, пришел с тобой повидаться – проговорил он, не в силах отвести глаз от милых его сердцу черт её лица.

– Ну, видайся. А что смурый такой? Ты меня вот живую-здоровую вроде видишь, или с тобой что случилось? – озабоченно проговорила она.

– Да нет, что ты, Дарика, все нормально со мной!

– А к волхву что опять ходил, чай, не просто так? Уже все Седолесье на ушах стоит, мол, лесной черт к волхву пошел.

– Дарика, можно подумать, что я редко к нему хожу.

– Знаешь, нечасто! Тем более раз уж редко появляешься, и то больше в праздники обычно приходил, а с волхвом ты обычно на улице видишься, как и все, даром, что разговариваешь ты с ним больше других. Что случилось-то, выкладывай, а то ж на тебе лица нет!

Тогда Готара вздохнул, и предложил ей сходить к речке, и там уже объяснить все подробнее. А после они уселись на бережку, и Готара поведал ей все – и о том, как друг волк во сне являлся, и о том, как он себя чувствовать странно стал.

– Да уж, странно все это – проговорила Дарика – знаешь, подумала бы, что этот твой друг волк – дух злой, так ведь ты к нашему волхву пошел, и он все подтвердил, а уж наш волхв злого-то духа сразу почует, да и зла он никому просто так не сделает, тебе тем более. А что ж вечером-то будет?

– Не знаю, волхв мне только одно сказал.

– И что?

– Что после этого вечера я тебя больше не увижу – медленно проговорил Готара.

– Как?! Что же с тобой произойдет-то?! – воскликнула де-вушка.

– Не знаю, Дарика, не знаю. Вот только знаю, что не уви-деться нам с тобой больше и все.

– Куда же ты денешься? – медленно проговорила она.

– Не знаю...

– Знаешь, тут мамка моя говорила, что мол то что ты в лесу живешь, то не по людски, до добра не доведет. Может так оно и есть? Может, тебе можно еще отойти как-то, Готар? Остался бы тут, в Седолесье, ты ж здешний, хоть и чертом лесным стал. Тебя бы тут приняли потихоньку...

– Да не приняли бы меня, ты ж знаешь. Я у здешних ста-рост и у главы охотников как кость в горле. Не нужен я им. Многие надеются, что я когда-нибудь в лесу сгину. А кто-то и рад, что я в чащобе живу, и сюда не прихожу почти.

– А мои отец с мамкой ох уж как меня страшат, чтоб я тебя больше не привечала тут. Но ты меня знаешь, кто ж меня отговорит, коли мне чего сильно захочется – попробо-вала Дарика улыбнуться, но грусть все равно оставалась в её глазах, так как она сердцем понимала, что уйдет Готара, как пить дать уйдет дорогой, куда другим хода нет.

– Теперь все это в прошлом, Дарика. Дело не только в сло-

вах волхва, но и в том, что я это сердцем чувствую...

– И я тоже – ответила она.

Некоторое время они сидели, и никто не решался нарушить молчание. Каждый из них понимал, что вечером они расстанутся навсегда. И каждому из них хотелось сказать другому о том, что лежало у них на сердце. Но нужных слов не находилось, а потому, оставалось лишь молчать, слушая как бьется сердце сидящего рядом, самого дорогого, самого близкого на свете человека. Потом она положила свою руку на его. Готара в порыве схватился за её ладонь обеими руками, сжав её, понимая, что он никогда не был так добр к Дарике, как она того заслуживала. Всегда ему казалось, что тайком она посмеивается над ним, что она с ним играет. Но теперь уже никакие сомнения не застилали его взор, и Готара понимал, что она для него прежнего – самый дорогой в мире человек. А теперь прежний старый Готара уходит, а вместо него явиться... кто? Никто не знал об этом, не знал и сам Готара, но он знал, что сейчас он должен быть с Дарикой, только так и не иначе. А потом, когда сумерки опустятся на землю и ночь закроет своими крыльями небо... Кто знает, что произойдет тогда?

А пока они сидели у мирно шумящей речки, разговаривали о чем-то, смеялись, шутили, и просто смотрели друг другу в глаза, не в силах оторваться друг от друга, от того, что они отбросив все сомнения и заботы, теперь рядом, вместе. Со временем небо стало темнеть, примеряя ночные одеяния,

и уже ночные птицы запели под ветвями седого леса. Седо-лесье уже готовилось ко сну – ночные сторожа зажигали факелы, родители собирали по улицам расшалившихся детей, а Готара и Дарика все были вместе, на берегу речки, не в силах оторваться друг от друга. Наконец, они встали и пошли в кузницу Дарики. Войдя в кузницу, Дарика зажгла светец, а после стала что-то искать в большом дубовом ящике.

– Готара, возьми это, пожалуйста – протянула она ему украшенный гравировкой кинжал.

– Спасибо.

– Не за что, я сама это сделала, специально для тебя. Пусть мы и не увидимся больше, но я хочу, чтобы ты его взял.

Прикрыв глаза, сдерживая скупые слезы, Готара взял из её протянутой руки кинжал. Некоторое время они молча смотрели друг на друга. И тут, словно бы обрушилась разделяющая их стена, они бросились друг к другу, и тогда и совершился их первый поцелуй. Никогда до этого ни Дарика не касалась уст мужчин, ни Готара уст женщины. А то, что произошло после поцелуя, скрыла тьма, окутавшая внутренность кузни после того, как порыв сквозняка погасил светец.

А после они вышли на улицу. Готара взглянул на Дарику, крепко сжав в руке её подарок, и увидел, что в глазах её стояли слезы. Потом она снова поцеловала его.

– Иди – тихо произнесла она – прощай, Готара...

И он пошел к дому вохва, а потом и побежал, потому что, если бы он промедлил бы хоть мгновение, то уже не смог бы

идти дальше. И уходя, он чувствовал, как по щекам Дарики текут слезы, и не в силах был осушить, ибо его влек зов на дорогу.. куда?

Наконец, Готара подошел к дому волхва. Когда он вошел, то увидел, что волхв сидит за столом, а на столе горят свечи, освещаая разложенные перед ним пергаменты.

– Рад тебя видеть, друг мой! – приветствовал он вошедшего.

– Я попрощался с Дарикой – медленно произнес Готара – что происходит, Даргус?

– Ты ступаешь на иной, особый путь, Готара. На этом пути ты не сможешь быть человеком, и, увы, ты будешь одинок.

– Но почему? И почему на этот путь ступаю именно я?

– Так заповедано, так должно, Готара. Это решать не мне.

– А кто? Кто решил это?

– Ты.

– Не может быть – выдохнул пораженный Готара. Но после шока от слов волхва к нему пришло понимание. Он вспомнил о том, как он бежал от людей, как лес принимал его как сына, и как звери и духи лесов становились его новой семьей. Люди оттолкнули, но и сам он отвернулся от них, а что произошло раньше – Готара не знал. Но то что и он сам сделал так, что стал «чертом лесным», как называли его в Седолесье – теперь он понимал это ясно и четко, будто бы это было начертано болью на его сердце. Так оно и было – и его сердце ныло от разлуки, и он сжал в руке кинжал, ощу-

щая, как лезвие врезалось в его ладонь, и кровь заструилась по руке, капая на пол.

– Я умру? – зачем-то спросил Готара.

– Нет, друг мой, ты не умрешь. Но иногда ты будешь мечтать об этом, особенно в первое время.

– Да что такое. Даргус! Скажи мне, в чем дело?!

– Успокойся, Готара. Ты стал одним из тех, кто участвует в Великом Коловращении, на так, как это делают все.

– О чем ты?

– Скажем так, я знаю несколько больше о сути мироустройства, чем другие люди. И больше, чем большинство волхвов. Такой дар очень редко встречается, но и он не дает всей полноты знания Коловращения. И каждый из тех, у кого есть дар играет свою роль. А некоторые перестают быть людьми.

– И я?

– Да.

– Но почему?

– Такова твоя суть. Очень скоро ты соприкоснешься с этой стороной твоей сути, и ты обретишь себя в большей мере, чем ты есть сейчас.

– Но разве я – это не я?

– Ты не человек в своей сути. Да ты был собой, о чем тебе и говорил друг волк. Но сейчас ты станешь собой. И ты узнаешь, кто таков друг волк.

– Это дух? Или бог?

– То иное, Готара – проговорил голос, который Готара до

этого слышал только во сне – я это ты.

И Готара увидел, что в доме находится и друг волк. Но теперь он был огромным, много больше обычного волка – волчья морда смотрела прямо в его лицо. Но почему то в Готаре не было страха, лишь было ощущение того, что эта морда кажется странно ему знакомой, и глаза волка были его глазами.

– Я суть тебя, я тот ты, который ушел от людей в лес, тот, кто слушал голоса животных и шепот ветра. Я это ты, и настало время нам стать единым!

Потом друг волк подобрался для прыжка, и взглянул ему в лицо, словно бы искал что-то в его глазах. Потом кивнул, ощерил зубы в волчьей улыбке, и прыгнул на него.

И когда волчьи лапы коснулись его груди, Готара ощутил, как волк входит в него. И вот он ощутил, как волк вошел в него. Не было никакой борьбы, лишь горечь потери, потери себя, такого, каким он был, будучи человеком, коснулась его. И теперь он уже ощущал себя не человеком, но и не был он волком, кем же был он?

Волхв поднял руку, прощаясь с ним. А Готара ощутил, как его влечет прочь из дома волхва, и он выбежал наружу, вызвав оторопь у вышедших на улицы Седогорья ночных сторожей, и у редких селян, что еще не ушли спать.

А потом глотку Готары разорвал вопль, а после он взвыл, как воеет волк, ощущая как тело его преобразуется. И пораженным селянам предстала косматая фигура, ростом выше

самого высшего из людей, и ощеренная волчья морда венчала мощное тело.

– Бейте его, черта лесного! Он убьет сейчас всех! Прочь, зверюга! – слышались вокруг него крики селян, которые хватали топоры, факелы, дреколья, и все, что могло бы послужить оружием против оборотня. Тот же окинул их страшным взглядом звериных глаз и зарычал, заставив попятиться прочь. Затем оборотень взвыл насмешливо, видя, что никто не дерзает выйти против него. Но тут глаза его подернулись болью, и он метнулся к людям, а прыгнул, легко перемахнув собравшуюся толпу, оказавшись у частокола, ограждавшего деревню. А после он перемахнул и через высокий забор, и слыша крики за своей спиной понесся прочь от объятый ужасом деревни. И так бежал он, продолжая бежать прочь, прочь от самого себя даже когда неожиданно лес сменился песками знойной пустыни, а потом выжженной землей. И вот он бежал по улицам города, дома в котором из стекла и металла возносились до небес, и который сиял яркими мертвящими огнями, а улицы были закованы в темный камень. А люди, что жили в этом городе, при виде его кричали в смертном ужасе и пускались наутек, увидев ужасного зверя, бегущего по ночным улицам. А потом город исчез, и он бежал по снегам, вдыхая дух зимней ночи. Выбившись из сил, он остановился у скал, покрытых снегом и льдом, и там улегся без сил, желая лишь перевести дыхание.

– Ну что устал? – поинтересовался кто-то рядом с ним.

Готара поднял морду, увидев, что рядом с ним на камень присел парень, одетый в длинное черное кожаное пальто, несмотря на то, что выглядел он молодо, может даже моложе Готары, в глазах его читались тысячелетия.

– Знаю, что устал, знаю, что боишься. А что делать? Таков уж ты.

– А кто я? – хрипло с трудом произнес Готара.

– Ты оборотень. Ты тот, кому открыто Извечное Коловращение, по крайней мере, какая-то его часть – спокойно проговорил сидящий рядом с ним.

– А ты кто?

– Я суть, или если хочешь аспект. У меня, как и у тебя, своя роль в Коловращении, не такая, как у простых людей. А сейчас, я пришел к тебе, чтобы помочь тебе...

... Вот так это и произошло – проговорил Готара, глядя на внимательно слушавших его Маледикта и Вику – Всех нас в свое время зовет долг и мы сами.

– И ты никогда больше не видел Дарику? – тихо спросила его Вика. Они с Маледиктом сидели, держа друг друга за руки, когда Вика спросила Готару, они крепко сжали руки, будто боясь, что какая-то сила сейчас разлучит их.

– После, я посещал Седолесье, но не смог вновь показаться ей. Узнал лишь, что она живет в моем старом доме в лесу. Там она и воспитывала нашу дочь. Я лишь мог смотреть на неё издали, но не в силах был показаться ей на глаза. Но это – Готара достал откуда-то украшенный гравировкой кинжал

– я храню по сию пору.

– А кто был тот, кто нашел тебя? – спросил Маледикт.

– Он называл себя аспект, большего я не знаю. Знаю только то, что он был очень могущественным, много могущественнее остальных, кого я встречал. Потом я встречал немало таких как он. Встречал я и людей, которыми даровано видеть Коловращение, каким был и Даргус. Встречал я и других оборотней, и упырей. Но таких, как вы, вижу впервые.

– И кто же мы?

– Не знаю. Думаю, стоит нам пойти спать – завтра рано в дорогу, я провожу вас, сколько смогу, но избавить вас ото всех испытаний не смогу. А посему – набирайтесь сил.

После этого Вика и Маледикт ушли в комнату, где они пришли в себя гостевую, как пояснил Готара. Сам же оборотень тоже ушел в другую комнату, видимо, спать.

Лежа в постели, Маледикт и Вика не могли расстаться с тревожными мыслями, и то один, то другой тянулись к другому, касались руки лежащего рядом человека, самого дорого на свете, без которого и жизнь не жизнь, как бы не крутилось это Извечное Коловращение.

– Маледикт – проговорила Вика вдруг – а что если и нас так разлучит Коловращение, этот извечный порядок? Что станет тогда? Я боюсь... я никогда не боялась, ты помнишь. Я всегда была такой бесшабашной и боевой. А теперь, я не знаю, что мне дальше делать. Я не боюсь, пока ты рядом. Но...

– Не говори так, Вика! Помнишь, Готара сказал, что он расстался с Дарикой сразу, как только стал оборотнем. А мы уже через столькие передрыги прошли вместе. Значит, мы будем всегда вместе, поверь.

– Он сказал, что таких, как мы он никогда не видел. Вдруг у нас все будет иначе?

– Он не видел, но может, есть другие подобные нам? Кто знает, Вик. Пока мы рядом, и я не расстанусь с тобой просто так!

Вместо ответа Вика просто поцеловала его в губы, долго не в силах оторваться от его губ. А потом они уснули, она положила свою голову ему на плечо, и оба они держались за руки, надеясь, что эта ночь никогда не кончится, ведь все возможно в этом странном порядке Извечного Коловращения.

Утром они проснулись одновременно, увидев, как из окна в другой комнате струиться робкий свет зимнего утра. Проснувшись, они переоделись в одежду, которую приготовил для них Готара. Странно было то, что эта одежда походила на одежду, которую оба они носили в родном мире – джинсы, простые, без рисунков, черные футболки и черные кожаные куртки. Сам оборотень ждал их на кухне, стряпая что-то на завтрак.

– Доброе утро! – приветствовал он их.

– Привет, Готара! – ответили они ему.

– Я тут позавтракать приготовил – пробасил оборотень – сейчас вот поедем, а потом будем дальше двигаться. Я там проведу вас кое-куда. Не знаю, честно, куда вам в итоге надо, но уж докуда смогу, доведу.

– Спасибо, Готара – ответил Маледикт, присаживаясь за стол рядом с Викой.

– А куда пойдём-то? – спросила Вика.

– До узловой точки – ответил Готара – будете между мирами странствовать, узнаете. Есть такие места, где ткань мира немного по иному себя ведет. Не знаю, в чем уж тут дело, но это так. Там можно проще в разные места попасть, это вам на будущее – улыбнулся оборотень – Может там что и проясниться – кто знает.

Так за разговорами о странствиях между мирами и прошел завтрак. После завтрака оборотень переоделся в такую же одежду, какую предложил им, приобретя вид старого матерого байкера. После чего они вышли из дома оборотня, и некоторое время шли по каменной, чуть присыпанной снегом дорожке. Но вдруг местность вокруг них резко преобразилась, и вот они уже шагали по асфальтированной улице большого города, на рассвете, и видели, как над их головами гаснут фонари.

– Далеко еще, Готара? – спросил Маледикт.

– Да уже почти пришли.

Но тут неожиданно послышался гул, и рядом с ними возникла область клубящегося мрака – по другому это нельзя

было назвать. Очевидно, что это была какая-то дверь, поскольку из неё, издавая звук, похожий на легкий перезвон колокольчиков шагнула коренастая фигура. Эта фигура явно не была человеком, он был выше ростом, и весь бугрился мышцами, а его морда с огромными оскаленными клыками сверкала ярким светом горящих глаз. В руке монстр держал что-то похожее на копье с широким металлическим наконечником.

– Привет, Готара! – весело произнес он – я как раз ищу этих ребят.

– Никогда мне не нравилось быть с тобою рядом, Ураш – нехорошо ухмыляясь, проговорил, Готара – а теперь тем более.

– Ты сделал, свое дело – ты спас их, а теперь мне нужно сделать мое.

– А если я против, Ураш? Что тогда? Сойдемся в доброй схватке, как в былые времена?

– Я бы не прочь, Готара, ты меня знаешь – трусом я никогда не был. Но, боюсь, теперь мне придется уйти от схватки.

– Готара, в чем дело? – спросил оборотня Маледикт.

В ответ оборотень повернул к нему свое лицо, на котором уже глаза полыхали ярким желтым светом.

– Бегите, а я попробую его задержать – ответил он.

После этих слов Готара застонал, и тело его подернулось маревом, словно в знойный день и очертания его стали меняться, и Вика и Маледикт снова увидели перед собой того

монстра, который вызвал у них ужас явившись из тумана. Но теперь Готара выглядел еще более ужасающе – яркий свет солнца освещал оскаленную волчью морду и горящие желтые глаза, тело бугрилось мышцами и он ни в чем не уступал своему противнику. Завыв, Готара бросился на Ураша, резким взмахом когтей прочертив на его теле рану, из которой полилась густым потоком зеленая горящая жидкость – очевидно кровь Ураша. Тот громко застонал, не пытаясь, тем не менее, дать сдачи, а бросившись к ребятам, поднимая копье. Слишком поздно поняли они, что надо было бежать, как сказал им оборотень. А Ураш тем временем уже метнул свое копье, которое вонзилось в живот Маледикта. Тот застонал, схватившись за широкий наконечник копья, изранив пальцы и ладони о его острые грани, слыша, как в ужасе кричит Вика. А потом Ураш метнулся к нему, обернувшись облаком зеленоватой энергии, схватившись за копье, подняв Маледикта в воздух на его острии. Но оборотень не мешкал, и его когти вонзились в спину Ураша, заставив того захрипеть от боли и пошатнуться, но тем не менее, он не выронил копья. А Маледикт почувствовал, как мир меркнет перед его взором.

«Я умираю» – пронеслась в голове у Маледикта мысль...

... Вокруг него были пески. «Пустыня» – понял он. Неподалеку от него виднелось разрушенное, очевидно, очень древнее строение из желтоватого камня.

– Вика – сказал он вслух. Они не должны были расста-

ваться, но неужели её нет рядом?

– Вика – позвал он, надеясь услышать её голос. Но лишь ветер кинул ему в лицо горсть песчинок. Вики нет рядом, но как почему?! Ведь они всегда были вместе?! А теперь

– Вика!!! – закричал Маледикт, пытаясь заглушить боль, которая вонзилась в него раскаленным ледяным клинком разрывая саму его душу – Вика!!!

Шаг шестой: Забытые песни

– Значит, ты говоришь, что ты явился из другого мира? Тебя закинуло сюда, когда какой-то монстр с горящими глазами вонзил тебе в живот копьё, а между тем, на твоём теле нет ни одной раны. Неужели, чужак, ты думаешь, что я поверю в весь этот бред? – издевательски произнес сидящий напротив Маледикта субъект, облаченный в свободные белые одеяния, похожие на одеяния бедуинов. Он во всем походил на человек, этакого восточного типа, хотя кожа его была странного синеватого цвета, а глаза, похожие на фиолетовые кристаллы, сейчас светились явным недоверием.

– С другой стороны – продолжал он тем временем – выглядишь ты действительно странно, я никогда не встречал таких людей, как ты. Но это может означать, что ты просто шпион из дальних краев, или просто выродок, да что угодно. Чем же ты можешь подтвердить свои слова, чужеземец?

– Я рассказал вам, как я сюда попал – ответил Маледикт

– вы и сами находите, что выгляжу я странно, не так, как выглядит большинство людей вашего мира. В конце концов, я прошу только, чтобы вы мне рассказали, что это за место, и я уйду, и не буду более вас обременять.

– Ха! Поведать тебе о наших землях! Ты явно шпион, чужак, как бы ты не старался затмить мой взор сказками об иных мирах! К тому же, как же я отпущу тебя, просто так, не извлекая из этого никакой выгоды? Разве просто так мои слуги подобрали тебя в пустыне, и привезли в оазис, чтобы ты вот так просто ушел? Тебе не выжить в пустыне чужак, так что, можешь считать, что ты уже погиб. А раз ты погиб, то думаю, ты не откажешься, чтобы я воспользовался предоставленным мне шансом получить прибыль, поскольку тебе на том свете уже все равно, чужак? Право это было бы благородно с твоей стороны, а ведь я чувю, что это – чувство тебе далеко не чуждое.

– Твои слуги взяли меня в плен! Возможно, если бы я остался там, где они нашли меня...

– То твои кости замело бы песком пустыни, чужак! Так, и никак иначе. А теперь, прекрати спорить, сейчас тебя проведут в отведенное тебе помещение. Там ты будешь ждать моих распоряжений.

После чего он подозвал нескольких стражников, сжимавших в руках странные мечи, изогнутые и сделанные, будто из какого-то кристалла, но видно было, что они прочные и отточены остро, будто бритва. Пока они вели Маледикта, тот

вспоминал, какое отчаяние овладело им, когда он только попал в это место. Вика, где она сейчас? Оставалось надеяться, что Готара все же смог помочь ей, и сейчас она в безопасности. А что теперь делать ему самому?

Он осматривал покрытые изображениями, похожими на древнеегипетские развалины, когда неожиданно из-за ближайшего бархана появился отряд всадников, одетых в свободные одеяния из ткани, вооруженные этими странным, но, несомненно, острыми саблями, и прочим оружием, выточеным из какого-то кристалла. Они ехали на животных, похожих на здоровых жуков или кузнечиков. После того, как они подъехали к нему поближе, они весьма недружелюбно предложили ему проехать с ними. Видя, что настроены эти ребята куда как серьезно, да и оружие они явно сжимали в руках не просто так, Маледикт согласился проехать с ними, после чего я усадили рядом с одним из всадников на спину «жука». Скакун оказался очень шустрым, и вскоре отряд всадников вместе с Маледиктом прибыли в лагерь, расположенный в оазисе, или правильнее было назвать его поселением, так как посреди оазиса были скалы, внутри которых было множество пещер, и теперь в одну из них, очевидно, предназначенную для пленников, стражи и привели его. После того как захлопнулась деревянная, окованная железом дверь, Маледикт молча сел на пол возле стены, и стал думать, как же поступить.

Ситуация была не простая, помощи ждать было неотку-

да, что-то подсказывало Маледикту, что придется обойтись на этот раз своими силами, не рассчитывая на возникающие невесть откуда порталы в другие миры, оборотней или всяких доброхотов-философов, как это было в городе синего камня и зеленого света.

Что же собирался этот пустынный вождь, или как он там называется, делать с ним? В книгах, которые читал Маледикт, его бы продали в рабство или сделали бы рабом, или просто бы убили. Пока еще он был жив, а это значило, что убивать его не собираются, по крайней мере пока. В рабство продать могли, но оттуда можно было попробовать сбежать, вопрос только в том, куда ему пойти потом. Все-таки, он здесь никого не знал. Был еще вариант, что его пленители придерживаются какой-либо веры, которая предписывает им жертвоприношения. Но, будем надеяться, что до этого не дойдет. Может быть, тут отыщется кто-то, кому открыта суть Коловращения, как рассказывал Готара. Правда, он говорил также, что таких немного. Возможно, оборотень с Вико́й смогут прийти на помощь. Но Маледикт решил, что на это рассчитывать не стоит. Надо было что-то сделать самому. Пока он думал, время тянулось. Помещение, где он находился, освещал лишь какой-то светящийся тусклым светом кристалл, так что понять день снаружи или ночь, не было никакой возможности. Неожиданно дверь открылась, и внутрь вошел мальчик, судя по тому, что он походил, на тех, кто пленил Маледикта, а они, вероятно, все были мужчина-

ми, но в отличии от них, вошедший был небольшого роста, и был одет в потрепанные одеяния. В руках он держал небольшую корзинку, которую он молча поставил на пол, и быстро вышел. Маледикт изучил содержимое корзинки – внутри была глиняная баклага, наполненная прохладной водой, что было как нельзя кстати. Также там было что-то, похожее на орехи, что очевидно, можно было есть. Утолив голод и жажду, он некоторое время провел в одиночестве. Вскоре, дверь в камеру снова распахнулась, вошедший оказался девочкой, можно сказать подростком. Её одежда была не только потрепана, но будто бы и специально порвана во многих местах. Сквозь прорехи виднелось её тело, будто специально обнаженное. Войдя в камеру, она прикрыла дверь – у Маледикта не было сомнений, что просто распахнуть дверь и сбежать у него не получится, наверняка, за дверью дежурят стражники, и, тем более, ему еще нужно было как то сбежать из оазиса, и найти потом дорогу, но вот только куда ему пойти. Его мысли прервал тихий голос девушки:

– Тебе нужно быть в форме.

– Что? – непонимающе спросил Маледикт.

– Ты утолил голод и жажду, теперь ты должен удовлетворить и другие потребности. Потом ты будешь отдыхать.

– Что ты имеешь в виду?

– Сделай все, что ты хочешь – проговорила она, и при этих словах её кожа лавандового цвета особенно сильно бросилась в глаза сквозь прорехи в её рванье.

– Знаешь что... Вали отсюда куда подальше! – раздраженно ответил ей Маледикт. Он вспомнил Вику – пусть он и разлучен с ней, но это не значит, что он будет заниматься этим, да еще и следуя прихоти каких-то там работорговцев, пустынных бандитов, кем бы они там не были!

– Мой господин будет расстроен.

– Мне плевать на мнение твоего господина, кем бы он там ни был! Вали отсюда, живо, я сказал!

– Хорошо – ничуть не расстроенная, девочка быстро схватила корзинку и выбежала из камеры.

И снова Маледикт сидел в одиночестве в своей камере. Но через некоторое время его уединение прервал новый визит. На этот раз к нему явился главный из его пленителей, который и заключил его в эту камеру.

– Ты отказался от моего дара тебе, чужак – проговорил он, присаживаясь на пол камеры – почему?

– Мне не нужны твои подачки, особенно такие.

– Какие? Ты съел еду и выпил воду, почему же ты не взял Нииию? – непонимающе проговорил главарь в ответ.

– Мне она не нужна.

– Хм, значит тебе не нужна Нииия. Хорошо, у меня есть еще кое-что, ты наверняка сможешь подобрать подходящих. Мне нужно, чтобы ты был в форме. Муж же должен делать то, что он хочет, пусть даже он и пленник. А ты муж, я вижу это.

– Но этого я не хочу.

– Странный ты чужак... Может ты и впрямь из другого мира? Ты вызываешь мой интерес, но я не могу понять все же, что ты и откуда ты. Уверен, жрецы разберутся с тобой. Пока спи. Скоро мы отправимся в путь. Ты станешь моим приношением Храму.

– Зачем? Ты не мог найти других приношений?

– Я нашел их, но и ты входишь в их число чужак. Мои решения – закон, привыкни к этому, и помни, ты умер теперь.

– Я бы сказал, что я жив.

– Не имеет значения твое мнение. Я решил и так будет.

Сказав так, главарь вышел из камеры, и дверь за ним закрылась. Маледикт вновь остался один. В главаре его больше всего поражало то, насколько он был спокоен. Голос его не отражал ни одной эмоции. Вероятно, он просто хорошо владеет собой, или же все эти синекожие такие холодные и бесстрастные, наверное, все же последнее – он помнил, что девочка, как её, Нииния, тоже ничем не показала своих чувств. Вскоре Маледикта сморил сон.

Проснулся он от звука открывающейся двери. В камеру вошли стражники. Достав свои кристаллические ножи, они жестом велели ему подниматься и следовать за ними. Когда они вывели Маледикта из пещер, он обратил внимание на того, что ясное еще вчера небо заволокли тучи. В клубящихся облаках сверкали молнии. Но, видимо никого кроме него это не беспокоило – видимо, в этих местах так было принято.

– Иди – подтолкнул его в спину один из стражников. Тот

счел за лучшее не спорить и направился вперед, к подножию горы, из пещер которой они вышли. Там Маледикт увидел большой караван, который состоял из повозок, запряженных уже знакомыми ему насекомовидными тварями и всадников, восседавших верхом на таких же «жуках», но несколько мельче. Маледикта затолкали в одну из повозок, после чего дверь закрылась, и он вновь оказался взаперти, но на этот раз местом его заточения была небольшое помещение внутри повозки, свет в которое поступал через небольшое зарешеченное окошко. Снаружи слышались голоса его пленителей, которые о чем то переговаривались, затем прозвучал резкий окрик, звучащий как приказ, после чего Маледикт ощутил, как повозка, где он находился, закрипела и затряслась – караван двинулся в путь.

Сидя в повозке, Маледикт с любопытством смотрел в окошко. Открывавшийся ему пейзаж навевал на него тоску, и отнюдь не повышал настроение – небо хмурилось и сверкало потоками молний, будто предвещая непогоду, вкуче с серами просторами песка пустыни, изредка разрезаемых темными ножами скал, это создавало ощущение конца всему, крушения всех надежд. Маледикт вздохнул – вновь он вспомнил Вику. Он вспомнил и тот миг, когда впервые увидел её, и то, как они спасались от упыря, и как они бежали прочь из города синего камня и зеленого света, и то, как они прощались с жизнью, замерзая. И вспомнил он, как её лицо исказилось мукой, когда она увидела, как этот монстр с го-

рящими зелеными глазами вонзил ему в живот копьё. Маледикт пытался отогнать от себя эти воспоминания, которые резали его душу, будто острые лезвия, но воспоминания и мысли о Вике не хотели отступать прочь. Даже теперь, когда жизнь его висела на волоске, и Маледикт даже предположить не мог, что же ждёт его дальше, когда, как сказал ему глава его пленителей, он был уже мертвым, даже сейчас Маледикт мог думать только о Вике.

– Эй, чужак! – позвал его девичий голос, и что-то слегка заслонило оконце – Чужак, я знаю, ты здесь, что с тобой?

– А ты... – Маледикт был озадачен – голос казался ему каким-то знакомым.

– Я Ниия – ответил голос, и в оконце показалось лицо девочки, или скорее девушки. Теперь Маледикт вспомнил её – это её присылал главный среди этих пустынных разбойников к нему, чтобы она... Эх, даже думать сейчас об этом не хочется!

– Что с тобой? Почему ты замолчал? – послышался поразительно спокойный голос Ниияи.

– Чего ты от меня хочешь? – вздохнув, произнес Маледикт – больше всего ему сейчас хотелось вновь остаться одному, и не думать о том, что ему предстоит, и не думать о том... что он потерял.

– Шарак прислал меня, чтобы я заботилась о тебе в пути. Он верит в то, что ты муж, но не верит твоим словам. Он оказывает тебе честь.

– Какую еще честь?

– Он прислал меня, чтобы ты мог получить необходимое. Я принесу тебе еду и питье, и также все, что может тебе потребоваться.

– Хорошо, принеси мне ключ от моей камеры.

– О, чужак – произнесла Ниия – не стоит воспринимать мои слова буквально, или же мне стоит сказать, что я оценила твою шутку? Пусть, считай, что я её оценила.

– Ну, хоть посмейся – проворчал Маледикт – чтобы я понял, что ты оценила шутку.

– Я высказала свое одобрение – более ничего не нужно.

– Странно тут у вас все. А что твой хозяин считает, может мне понадобится?

– Об этом вы с ним разговаривали. Мой отец сказал слово, и я подчиняюсь, как следует подчиниться и тебе.

– Погоди... Ты сказала отец?!

– Да. Шарак – мой отец и он оказал тебе честь, прислав меня к тебе.

– И как он мог так поступить?!!

– Он сделал то, что счел возможным, допустимым и необходимым.

От удивления Маледикт потерял дар речи. Потом его охватило возмущение, но это чувство быстро утихло – ни к чему попусту растравлять себя, лучше сосредоточиться на том, как можно сбежать от этих любезных хозяев, пока они не прибыли в этот Храм, где его принесут в жертву, или со-

творяют что-то не менее неприятное, почему в этом Маледикт не сомневался.

– А почему – спросил он зачем-то – вы никогда не смеетесь и не улыбаетесь?

– В этом нет необходимости – ответила девушка – за нас говорят наши действия, наши поступки, и мы говорим, то, что хотим сказать. А значит, нам не нужно ничего из этого.

Выслушав ответ, Маледикт замолчал – ему нечего было сказать. Казалось бы, все было логично и... рационально. Но все это дышало бездушием, было каким-то... неживым. Когда все подчинено рациональности... И нет места чувствам, пусть эти чувства иногда и вредят людям, мешают, но все же чувства, любые благие и не очень, какие испытывает человек – все они делают его человеком, одухотворенным и чувствующим. Взглянув на свою собеседницу, в её кристаллические глаза, на её лавандовую кожу, Маледикт спросил – Скажи, Ниия, а как вы себя называете?

– Мы люди пустынь – ответила она.

Люди... даже эти нечеловечные холодные и бесстрастные создания именуют себя людьми... А он... Готара сказал, что они с Вико й... Вика!

Подумав о ней вновь, Маледикт застонал, и с яростью саданул кулаком в стену, а потом стал колотить по ней, не переставая даже когда сбил костяшки обеих рук в кровь, пытаясь хотя как то заглушить боль, что пожирала его изнутри, как лесной пожар. Он услышал хруст одной из своих окро-

вавленных рук, но не придал этому значения – какой смысл во всем? Какой смысл жить, если её рядом нет?!?!

Он услышал шум, распахнулась дверь, и в его клетку ворвались двое стражников, которые оттащили его от стены, по которой уже бежали веселые ручейки крови – его крови, что струилась из разбитых и сломанных рук.

– Убейте меня! Ну, убейте, вы, синекожие твари! Да я вас всех порежу! Передавлю как крыс, сволочи! Вы же только это и можете, давайте попробуйте!!!

Маледикт все кричал и кричал, ругался и оскорблял их, надеясь, что броня их равнодушия, наконец, даст трещину и кто-то из них взмахом прозрачного лезвия прервет его муки.

Но этого не произошло – вместо этого, один из стражников позвал кого-то и вбежал один из людей пустыни, который влил ему в рот какую-то горьковатую жидкость из темной бутылочки. Вынужденный проглотить её, Маледикт еще продолжал бороться, но вскоре ощутил, как его тело слабеет, и уже не в силах продолжать борьбу, опускается на дощатый пол. Угасающим сознанием он успел ощутить даже смутную благодарность тому, кто влил в него это зелье, которое, может пусть хоть ненадолго, утишит его боль.

Забывье его было недолгим, как показалось самому Маледикту. Когда он пришел себя, вокруг шумел дремучий лес, и вечернюю тишину лишь иногда прерывал стрекот сверчков. Невдалеке горели окна небольшого домика. «Куда же я попал теперь?» – подумал Маледикт. Впрочем, выбора особого

не было. И Маледикт подошел к дверям домика и постучал.

– Входи – отозвался голос изнутри, видимо мужской.

Когда Маледикт вошел, глазам его предстала следующая картина – за деревянным столом сидели парень с девушкой. Черноволосая девушка была необыкновенно красива – в её глазах просто тонул взгляд, и казалось никакая сила не могла бы заставить отвести свой взор от этих глаз. Но тут он вспомнил Вику, и он опустил глаза в пол, вновь терзаемый разлукой.

– Ну, ты чего на пороге то встал, заходи, давай! – сказал ему сидящий за столом беловолосый парень с черными, как сама темнота глазами.

Маледикт прошел внутрь дома, и, спросив разрешения, присел рядом этими двумя.

– Это ты про него рассказывала? – спросил беловолосый у своей подруги.

– Да, это он. Плохо только, что он там теперь.

– А кому плохо-то?

– Ему, и девушке его плохо.

– Вика?! Вы что-то знаете про неё? Где она сейчас? Что с ней? Она в безопасности? – взволнованно спросил Маледикт.

– Ну, видишь – произнесла девушка – я же говорю, что плохо.

– Вижу, а что делать то? Я бы помочь рад, а как я помогу?

– Поможешь еще, уж я постараюсь.

– Да хватит разговаривать попусту, скажите мне, где Вика? – спросил Маледикт угрожающим тоном.

– Да тише ты – прикрикнула на него строго девушка – все с твоей Викой в порядке. Не бойся.

– Я хочу её видеть!

– Увидишь еще...

– Нет, я хочу её видеть сейчас же...

И тут Маледикт ощутил, как мир вокруг него темнеет и его куда-то уносит неудержимым потоком. Потом пришло ощущение тяжести в голове, затем Маледикт открыл глаза и сел на жестком полу. Так, он вновь в своей камере в поскрипывающей повозке. В окно лился мутный свет сумеречного дня в этой странной пустыне, изредка прорезаемый вспышками молний.

– Пришел в себя? – раздался рядом с ним знакомый голос. Маледикт поднял глаза и увидел, что рядом с ним стоял главарь пустынных разбойников – Шарак, так кажется его звали.

– Хорошо, что ты пришел в себя чужак, я опасался того, что настой может убить тебя.

– Весьма любезно с твоей стороны – хрипло ответил ему Маледикт.

– Не смейся. Я выказал беспокойство твоим самочувствием, чем мало кто может похвастаться в этих краях. Цени это.

– Ценю, доволен?

– Ты дерзок. Что же, теперь я вижу, что ты муж и воин. Это

еще более увеличивает ценность моего приношения Храму.

– Да что это за Храм?! И что там со мной будет?

– Я ценю твою дерзость и твою силу воли, чужак. Я ценю это. Но, ты противоречишь мне, пусть и только на словах, ты не покорен моей воле. Почему я должен тебя ублажать и снабжать тебя всей информацией, какую ты желаешь получить? Молчишь? То-то же. В Храме с тобой поступят так, как желают нужным.

Бросив эти слова, Шарак вышел. Маледикт подумал, что лишь слабость и некая сонливость – видимо, последствия зелья, не давали ему впасть в бешенство от вечного равнодушия и холодности этих людей пустыни. Впрочем, он уже начинает привыкать.

Держась за стену рукой Маледикт тяжело поднялся, и снова взглянул в окошко – там все те же барханы и серые пески. Небо все также хмурилось, иногда озаряемое вспышками молний. Ничего ровным счетом не изменилось, будто бы и не было этого забытья, и этих двух странных людей – темноволосой девушке и парня с черными глазами и блинными белыми волосами. На стене виднелась вмятина, очевидно, след от его кулаков, кровь смыли, очевидно, пока он был в забытьи.

Интересно, пронеслось у Маледикта в голове, а кто были эти двое? Девушка знала Вику, почему то он был уверен, что эти двое не причинили ей вреда. Маледикт не знал, откуда взялась такая уверенность, но, тем не менее, он твердо знал,

что от этих двоих ей не приходится ждать подвоха. Девушка еще говорила, что белый этот ей поможет. Но как?

Глухое чувство тоски вновь впилося острыми клыками в сердце Маледикт, и даже что-то вроде ревности ожило в нем. Впрочем, какая ревность? В Вике он может быть уверенным, может даже больше, чем в самом себе. Или все же... Нет, в Вике он уверен. А этот белый, может ли быть такое, что сначала он окажет ей помощь, а после не станет ли опасностью для Вики? Маледикт застонал и обхватил руками голову, которую окутывала дурнота, видимо, бывшую последствием зелья, и раздраемую множеством противоречивых мыслей. Да чтож делать-то ему сейчас? И не убежишь сейчас никуда, а если сейчас начать буянить, опять этой дрянью накачают. С одной стороны, это могли бы дать ему возможность забыться, а с другой стороны... Кто знает, что ему придется в следующий раз, когда он впадет в забытье от этого зелья? Так и с ума сойти недолго. Да этот ублюдок Шарак говорил что-то насчет того, что он может умереть от этого зелья. В общем, биться сейчас в стену головой или задурять разной дрянью эту самую голову явно не выход. Так, значит будем думать дальше. Тут мысли Маледикта прервал тихий голос – Эй, чужеземец!

– Нииия? – узнал голос Маледикт.

– Да это я. Как ты себя чувствуешь?

– Не очень то хорошо. Но спасибо, что спрашиваешь. Я думал, что вам всем все равно. Думаете, живой и ладно.

– Мне просто интересно, я никогда раньше не видела таких, как ты. Мне интересно все о тебе. Я и попросила моего отца, чтобы он послал меня к тебе.

– Правда? А я думал это он послал тебя...

– Да, но я и сама хотела пойти к тебе.

– Скажи, Нииия, а то, что ты...

– Может это и было бы интересно. Я не знаю, ты же отказался.

– Ладно, не будем об этом. Скажи, а ты что совсем не ощущаешь ничего? Ни возмущения, ни радости?

– Я знаю об этих чувствах, но нормальные люди избавляются от них. Это очень нерационально и неудобно. Я вижу, ты сейчас расстроен, я вижу тебе плохо. Но, тем не менее, ты поддаешься чувствам. Значит ты не нормальный, или же, ты и в самом деле из другого мира.

– Ну ты же испытывала эти чувства раньше?

– Нет, я никогда не испытывала чувств. Хотя, как дочь вождя, я могу кое-что себе позволить, например, любопытство. Могу и позволить себе их удовлетворять. Так просто, странно что ты этого не понимаешь.

– А остальные? – удивился Маледикт – ваши воины и другие?

– Это не рационально и не обосновано, они не испытывают чувств. Этому нет логических обоснований. Для выживания общества это не важно. Хотя женщины могут позволить себе такие прихоти, хотя, скорее для нас это часть наших по-

требностей, также как пища, вода, дыхание и другие.

– Тогда, откуда ты знаешь о них?

– Знаю.

– Но откуда?

– Ты будешь отвечать на мои вопросы. Я задам их тебе теперь.

– А если я откажусь? – фыркнул Маледикт – если я тебя пошлю куда подальше? Мне плевать, чего нужно твоему отцу или тебе. Так что отвечать я тебе на стану.

– Тогда я пойду спать – ничуть не расстроенная ответила Нииия.

Послышались удаляющиеся шаги – девчонка и в самом деле ушла. Ошарашенный Маледикт сел на пол своей камеры, размышляя над тем, что произошло.

Он думал, что девчонка закапризничает, может позовет отца или еще что-то. Но она так спокойно отнеслась к его отказу. А теперь... снова наедине со своими мыслями, даже поговорить не с кем. А ведь даже этой разбойничьей дочке, даже ей можно было бы выговориться, излить душу и свою боль, раз уж этим пустынным все равно, раз они ничего не чувствуют. Да, вроде бы его хотели использовать, получить что-то от него. Но, быть может, он нуждался сейчас в том, что сопровождало бы это. Да что там использовать, громкие слова! Просто кто-то хотел послушать о его родном мире, кто мог бы стать его слушателем, пусть бы эта дочка пустынного вождя просто позволила ему выговориться! А он в сво-

ем горе и злобе отверг свою возможность, сам того не желая, отвергнув хоть какую-то возможность утешить горе и тоску. Маледикт тяжело вздохнул, пытаясь привести мысли в порядок. Лишенный возможности делать что-то, ему было тяжело сопротивляться тягостным мыслям.

Но невозможно горевать вечно, и в конце концов природа взяла свое – утомленный Маледикт уснул, растянувшись на полу клетки, погрузившись в глубокий освежающий сон без сновидений.

Проснулся он уже вечером, хотя в этой туманной пустынной мгле было тяжело понять ночь на дворе или день. Рядом с ним была корзина, в которой нашлось что-то похожее на хлебную лепешку и бутылку с водой. Он утолил голод и жажду, после чего явился слуга, будто ждавший все время за дверью, и унес корзину. Маледикт вновь стал смотреть в окно. Теперь он старался рассмотреть всадников и повозки в караване. Втайне он надеялся, что Нииия еще придет к нему, тогда, может быть, удастся разговорить её, и узнать что-то об этом мире, кроме того, что тут жили эти люди пустыни, которые не испытывали чувств, пользуясь вместо этого рационализмом и холодным расчетом.

Но она так и не приходила к нему, ни в этот день (или ночь), ни в следующий.

Так прошло несколько нестерпимо долгих дней, в течении которых непотревоженный караван ехал по пустыне, и изредка доносились до Маледикта гортанные переговоры лю-

дей пустыни. Все же остальное время стояла мертвая тишина, лишь изредка прерываемая воем ветра и шелестом песка.

Но в один день Маледикт услышал хриплый рев, непохожий на жителей пустыни. Самое удивительное, что это был не просто рев, но кто-то громко кричал: Воины Мьярхейма! Взгляните же на этих жалких пустынных жуков! Они так ничтожны по сравнению с нами! Они так омерзительны, по сравнению с гордыми сынами Мьярхейма! Вперед, Мьярмы! Опрокинем же их, сомнем и втопчем в жаркий песок пустыни, а их головы увенчают стены наших домов, которые явят всем, какую славу заслужили в бою мужи и воины Мьярхейма!

Кричавшему ответил грозный рев из десятком глоток и рев чего-то, похожего на двигатели машины. Двигатели? Здесь?! Откуда?! Маледикт едва не вылез сквозь прутья решетки, стараясь рассмотреть происходящее. А между тем вокруг разворачивалась странная и удивительная картина – на караван жителей пустыни с нескольких сторон напала банда людей, похожих на людей из родного мира Маледикта, хотя они и были крупнее и на вид мускулистее чем обычный человек. Длинные их волосы и бороды развевались по ветру, облачены они были в кожаные одежды. Каждый из них восседал на большом мотоцикле, в том, что ревушая машина была именно мотоциклом, Маледикт не сомневался. И каждый из этих здоровяков размахивал в воздухе либо большим мечом с широким лезвием, либо огромным сверкающим то-

пором. И вот эти посткапокалиптические викинги обрушились на пустынников, и вокруг закипела схватка. Пустынники ловко обращались со своим кристаллическим оружием, которое, видимо, ни в чем не уступало оружию их противников, но те, в свою очередь проявляли недюжинное умение и сноровку, нанося сильные удары своим оружием и испуская при этом грозный рев. То тут то там падал на песок кто-то из защитников каравана, даже после смерти не терявший равнодушного и спокойного вида, то один из нападавших, испускавших дух со страшным воплем.

Но численный перевес был на стороне защитников, и вскоре все викинги были повержены. Тела павших пустынники раздели, собрав одежду и оружие, и оставили лежать на песке. Ветер стал постепенно заносить их, и Маледикт подумал – а сколько еще таких тел лежит в равнодушном песчаном море, сколько свирепых битв похоронены в бескрайней пустыне, и сколько жизней, холодных и пугающе рациональных, или же свирепых порывистых и яростных навеки оборвались, чтобы лишь холодеющая оболочка осталась лежать, ненужная ни ветру, заносящему её песком, ни самой пустыне лениво скрывававшей её в своих песчаных волнах, чтобы забыть навек? Но ничто и никто не дал Маледикту ответа на его вопрос, лишь ветер, завывая, кинул ему в лицо горсть песчинок, да изредка вторил ему окрик людей пустыни. И вновь караван двигался дальше и дальше по пескам, направляясь к Храму где должно было... А что же там должно было

случиться, Маледикт не знал, и старался об этом не думать.

– Что ты скажешь теперь, чужак? – раздался за спиной у Маледикта уже знакомый ему голос Шарака. Маледикт вздрогнул от неожиданности – погруженный в свои мысли, он не заметил, как Шарак вошел.

– Молчишь – продолжал тот тем временем – чтож, молчи и дальше, чужак. Признаться, я рассчитывал, что наша встреча с Мьярмами заставит тебя выдать себя, однако, ты не проявил того буйства чувств, которые присущи им. Вероятно, ты все же не являешься их шпионом. Мы скоро прибудем в Храм.

Сказав это Шарак вышел, снова оставив Маледикта одного. Мда, – подумал про себя Маледикт – сначала я не хотел с ними разговаривать, а теперь уже они просто и не предлагают. Впрочем, возможно Маледикт уже привык к одиночеству и даже чувство тоски, печали и одиночества будто притупилось, и уже не столь остро вонзалось в его сердце. Тяжело было переживать разлуку с Викой, но после того, как он долго пытался утопить себя в горе, голос нового чувства зазвучал в его душе – Надежда, надежда на то, что они встретятся вновь. Пройдет еще день, может два, и он прибудет в этот Храм, а там произойдет то, что даст ему возможность идти дальше, по пути, на которой они с Викторией ступили, может, не желая того. Маледикт усмехнулся, почувствовав некую иронию во всем происходящем – Вика хотела чуда, он сам хотел что-то изменить в своей жизни, добавить больше

красок. И вот теперь эти краски и чудеса вышли к ним и поприветствовали их, но вот только никто не обещал, что чудеса могут быть только добрыми, и что краски будут светлыми красками, а не темными тонами кошмаров и страданий. Кто-то говорил, что страдания рождают мудрость, что же, похоже так оно и есть на самом деле. Погруженный в такие размышления, Маледикт не заметил, как ему принесли еду и питье. После он молча ел, не замечая, как Нииия смотрит на него, смотрит с любопытством, с одним из немногих чувств, какие могли сохраниться в мире людей пустыни, изживших всякие чувства. Поев, и дождавшись, когда слуга унесет корзину, Маледикт вновь стал смотреть сквозь решетку на пески, что стлались бесконечным полотном дороги на пути каравана, и размышлял.

Теперь Маледикт думал о пустынниках, и их противниках, которые атаковали их, кажется, их звали Мьярмы. Кто были они? Насколько Маледикта поражало ледяное мертвящее спокойствие людей пустыни, настолько же его поражало буйство эмоций, которое явили Мьярмы в короткой схватке. Они просто ярились бешенством и неистовством, и было явно видно, что эта схватка лишь немного утешала их неистовство. Интересно, подумал Маледикт, на что похоже их общество, их города, вся их жизнь. Маледикт увидел две противоположности – мертвящее хладнокровие и буйство чувств. Если бы он мог выбрать, с кем из них пойти, с пустынниками или Мьярами, с кем бы он пошел? От пустынников он

не видел пока ничего хорошего, но они кормили его, и, быть может, старались помочь ему на свой лад. Может они помогли бы больше, но он сам оттолкнул их, поглощенный своим горем. Вещи не всегда таковы, какими они могут показаться на первый взгляд. Маледикт подумал, как бы сложилась его судьба, если бы он попал к Мьярмам, а не к пустынным. Быть может он был бы разорван ими в клочья на месте, а может они бы приняли его как равного, как своего... Кто знает? Теперь уже ничего не изменить, пески времени, как и пески этой пустыни стелются на его пути, и он не может повернуть обратно во времени, как он не может выбраться из этой клетки и бежать прочь от каравана людей пустыни. Что-то кидало его, уносило его прочь от его прежней жизни, а к хорошему или к плохому его это приведет в конце концов, для него сейчас было такой же загадкой, как и то, что ожидало его в этом загадочном Храме.

В этих размышлениях Маледикт привел остаток дня, пока сон не сморил его. Утром он проснувшись, с удивлением обнаружил в своей камере неожиданного визитера – сам Шарак почтил его своим присутствием.

– Ты проснулся чужак – произнес он – я ждал твоего пробуждения.

– Что ты хочешь от меня? – спросил Маледикт.

– Я хочу еще раз выслушать твою историю о другом мире, откуда ты пришел. Вчерашняя стычка с Мьярмами убедила меня, что ты не их шпион, ты не такой как они, в чем то ты

даже похож на нас. Но ты и не подобный нам, чувства иногда берут над тобой верх, хотя и не так, как это происходит с Мьярмами. Кто же ты? Зачем ты пришел в наши земли чужак? Что ты хочешь? Я мог бы сказать, что я... встревожен. Как вождь своего народа, я должен вести их, и вести хорошо, как провожатые ведут караван. Многие мистики говорили, что мир меняется, быть может, меняются и другие миры? Может быть такое, что множество миров, бытие меняется? Что ты скажешь, странник множества миров? – неожиданно спросил Маледикта Шарак.

– Я... я не знаю... Я лишь недавно стал странствовать по мирам. И большей частью я странствую не по своей воле, что то кидает меня то туда, то сюда, и я не знаю, зачем и с какой целью это происходит.

– Ты сказал, большей частью. Было ли такое, что ты странствовал сам?

Неожиданно Маледикт осознал, что те перемещения не были столь уж нежелательны или удивительны для него. Когда он спасался от ночных кошмаров, которые ворвались в его с Викой жизнь туманной ночью, он хотел спастись, и спасся, попав в город, где правили желания его жителей. И когда им надо было уйти оттуда, они попали в край, где, наверное, умерли все чувства, где молнии беззвучно сверкали над вечными снегами.

– Знаешь, Шарак, я думаю, что то, что я попал в ваш мир, было единственным разом, когда я попал куда-то не по своей

воле.

– Древние мудрецы говорят, что все, что случается с человеком, он делает сам. Хотя иногда, что то вмешивается в его жизнь, но все это так перемешивается, что не всегда можно понять, что же человек пожелал сам, а что было предвнесено в его жизнь. Но определенно лишь одно – самые ужасающие и кошмарные вещи происходят с человеком лишь по его собственной воле, и самые тяжелые потери мы несем по собственной вине. Я вижу, что ты что-то потерял чужак, что-то, что было для тебя очень дорого.

– Да – произнес Маледикт, обдумывая, то, что сказал ему Шарак.

– Я не стану помогать тебе, странник других миров. Ты не из нашего мира, и ты уйдешь из него. Все решится в Храме. Быть может, ты найдешь там какую-то помощь, а быть может и нет. Помни слова древних мудрецов, чужак. И помни, что все будет зависеть только от тебя.

– А что такое, этот Храм, про который ты говоришь?

– Место, где силы мира встречаются с людьми, и где люди встречаются с самими собой.

– А как же приношения?

– Ты все узнаешь там. А теперь ешь – подтолкнул он ногой уже знакомую Маледикту корзину – и готовься.

– Но к чему? – спросил Маледикт.

Уходя Шарак бросил ему – к встрече с силами мира и к встрече с самим собой.

После этого он вышел из камеры. Маледикт молча ел и пил, размышляя над словами Шарака. Когда слуга явился, чтобы забрать корзину, Маледикт попробовал выйти из камеры – к его удивлению, ему никто не препятствовал. Он прошелся по повозке, напоминавшей корабль, едущий по песку на широких колесах, влекомый этими насекомовидными созданиями. Его никто не охранял, да оно и было понятно – куда он денется посреди пустыни?

Побродив некоторое время бесцельно, Маледикт вызвался помочь одному из погонщиков. Тот показал ему, как ему, как править этими существами. Некоторое время Маледикт правил ими, размышляя над своим положением. Получается, он не был пленником здесь, или все же был? Ему доверили не самое пустяковое дело, и никто не препятствовал тому, что пленник будет помогать вести караван. Будь Шарак против, он несомненно воспрепятствовал бы этому. Но как бы то не было, когда он смог чем то заняться, это успокоило его и даже несколько приободрило. В самом деле, если мудрецы говорят, что все что происходит с человеком, творит он сам, так может постараться взять это в свои руки, как он взял в руки поводья тягловых животных? Если просто сидеть и корить и казнить себя, и думать о том, ах какой я несчастный, то останется только помереть и все. А так... Маледикт позволил себе улыбнуться, улыбнуться по настоящему, представив себе, как после всего пережитого он наконец встретит Вику, такую дорогую и такую любимую, прекрасную Вику...

На следующий день он увидел, как впереди показались темные, скорее даже черные горы. И среди бритвенно-острых скал он увидел какое то массивное сооружение, из сероватого камня. Неожиданно он услышал рев моторов, и увидел, как к храму мчат мотоциклы, на которых сидели ревущие бородатые воины, вооруженные мечами и топорами – Мьярмы. Но они не стали вновь нападать на караван, как того ожидал Маледикт, вместо этого они направились к Храму. Спустя еще некоторое время караван подошел к огромной арке, которая была видимо входом. Рядом с аркой на песке стояли женские стройные фигуры, облаченные в длинные свободные одежды, покрывала на голове скрывали их лица. Они казались статуями, которые кто-то с непонятной целью обрядил в одежды, но вдруг они синхронно подались вперед и принялись кружиться вокруг себя, и вокруг послышалось женское пение, грустное и слегка отдающее безумием, которое эхом разносилось вокруг, отражаясь от скал.

– Танцовщицы Храма – произнесла незаметно подошедшая к нему Ниия – они всегда встречают тех, кто приходит в Храм.

– И что это значит? – спросил Маледикт.

– Ничего, просто таков порядок, который заведен уже веками – ответила она.

– А Мьярмы, они тоже пришли в Храм?

– Да, как и мы они приходят в Храм, когда это необходимо.

– А почему это необходимо?

– Просто таков порядок вещей. Быть может такого ты не видел в других мирах, чужак, но таков порядок в нашем мире, в наших краях.

– Ясно – проговорил Маледикт, внимательно рассматривая сам храм, его тяжелые мощные стены, выполненные из серого камня, его серебристые купола, и вслушиваясь в тихую, но такую пронзительную песню танцовщиц Храма, вращавшихся в своем танце, и не прекращавших петь, даже когда сам Маледикт, Шарак, и несколько его прислужников сошли с повозок каравана и направились внутрь Храма. И потом, когда они углубились в освещенные факелами коридоры Храма Маледикт все еще слышал пение танцовщиц, что доносилось снаружи. Неожиданно Маледикт заметил, что кроме него никаких даров Храму Шарак не нес – его прислужники не несли корзин или выюков с дарами или чего-либо в этом духе. Спрашивать у Шарака, в чем же дело, Маледикт не решился – неизвестно ответил ли бы вообще он на его вопрос.

– Мы несем наши мысли, наши сомнения, наши терзания, что возникают у нас в этот Храм. Это и есть наш дар Храму – неожиданно проговорил Шарак.

– А как же я?

– А ты... ты мое самое большое сомнение – расхохотался сухим скрежещущим смехом Шарак, впервые за то время, что Маледикт видел его. Смех гулко отдавался в переходах,

постепенно стихая до зловещего шелеста, чтобы потом стихнуть совсем. А остальные же шли, будто ни в чем не бывало, да и сам Шарак шагал впереди, будто бы это и не он только что хохотал таким жутким зловещим смехом.

Переходы вывели их в обширную залу. С одной стороны они увидели обширную толпу Мьярмов, которые сейчас вели себя на удивление тихо.

Пустынники встали с другой стороны, присоединившись к такой же толпе своих собратьев, которые уже стояли здесь, сверкая своими кристаллическими глазами.

– Иди – неожиданно проговорил Шарак, и по его жесту Маледикта вытолкнули из толпы пустынных на пустое пространство, которое осталось между группами Мьярмов и пустынных. Попытаться затесаться обратно в толпу пустынных, видимо, не стоит, понял Маледикт. Но тут неожиданно пение танцовщиц зазвучало в зале. Но теперь им вторили и шелестящие голоса пустынных и рев Мьярмов, что рождало жуткое сочетание звуков, и Маледикту захотелось зажать уши руками, чтобы не слышать этого, а между тем в зал же вплыли и сами танцовщицы, множество танцовщиц, котоыре стали кружиться в танце, не обращая внимания на мечущегося Маледикта.

Он сам не мог сказать, почему это мелодия сводит его с ума, но ему одновременно хотелось и плакать и смеяться. Он одновременно ощущал себя и спокойным, и в тоже время ему хотелось бесноваться, метаться по стенам, кричать и

драться, любить и ненавидеть, так, как будто сама жизнь кипела внутри него неудержимым потоком и жаждала выхода, даже если этот выход разорвет его сердце. А потом он ощутил, как проваливается куда то, в какую то бездну, из которой не было выхода.

Когда сознание вновь вернулось к нему, он увидел вокруг себя стены храма, такими, каким он их помнил. Но в воздухе словно бы висело что-то зловещее, что то пугало его, будто шептало ему – «Я иду за тобой, и твой страх ласкает меня, он для будто сладкое вино или вкуснейший мед, он слаще всего для меня, и я могу заставить тебя испытать еще больше этого страха, пока он весь не поглотит тебя...».

В помещении, впрочем, было светло. Но тишина стояла просто могильная. Никто не шептал ему, никто не путался напугать страшными рожами из-за угла. Просто тишина.

Маледикт уже начинал нервничать, пытаясь успокоиться, он стал напевать какие-то песенки. Чтобы хоть как то отвлечься, заполнить эту пустоту в комнате. Но все же не проходило ощущение этой покинутости и заброшенности и этого одиночества. Он вспомнил, как они как то обсуждали с друзьями, где страшнее всего очутиться. Все говорили разное, кто говорил в ночном лесу, кто в ночном море, когда вокруг ни одно огонька, кто на кладбище. Но никто и предположить не мог, как ужасна может быть чистая светлая абсолютно пустая комната. А быть может он сам делал её для себя такой страшной? Просто его фантазия высвободилась

после того, как эта музыка, эта безумная храмовая песнь едва не свела его с ума, вот он и навоаброжал невесть что, шепот какой-то. Или может и вовсе сошел с ума, а стены вокруг – стены психиатрической лечебницы? Маледикт вздохнул, подумав, что скорее всего так оно и есть. А если это так, как он это примет? Бывало конечно, всякое, но... Когда он мог сойти с ума? Что в его жизни правда? А что вымысел? Что происходило с ним на самом деле, а что он лишь себе вообразил? Неужели... Вика!

– А ты даже сейчас думаешь о ней – хмыкнул за его спиной чей-то сухой и неприятный голос.

Обернувшись Маледикт увидел фигуру в темном балахоне, которая стояла, скрестив на груди руки, лицо фигуры скрывал балахон, надвинутый на лицо.

– Кто ты? – спросил у фигуры Маледикт.

– Кто я? А зачем тебе это знать? – усмехнулась фигура, не меняя позы и вообще не шевелясь.

– Хватит шуток – проговорил спокойно Маледикт, глядя на фигуру – ты кто-то из этого храма? Откуда ты? Быстро отвечай мне.

– О! Да ты храбрец, как я погляжу. А с чего это ты стал такой храбрый, а? Перед девчонкой своей не форси, все равно её тут нет. Или этого жука, Шарака наслушался, про его древних мудрецов? А что, ты думаешь он тебе добра хочет?

– Я уверен, что ты точно не желаешь мне блага.

– А ты подумал, что можешь на этот счет ошибаться? Я

бы не против тебе помочь.

– С чего это вдруг?

– А просто так! Могу же я что-то просто так делать – прошелестела фигура откидывая капюшон с лица. Оказалось, что под капюшоном пряталось очень приятное женское лицо. У говорившей девушки были длинные светлые, почти белые волосы, которые когда она тряхнула головой, рассыпались по плечам красивым каскадом, прекрасным, будто чистый свежевывающий снег. Маледикт взглянул в её смеющиеся серые глаза и медленно проговорил – Я тебе не верю.

– А почему? – спросила девушка его изменившимся голосом, который теперь звенел дивной мелодией, лаская слух Маледикта.

– Не верю и все.

– Ну, хорошо – потянулась девушка – а у тебя что, есть какой то выбор, кроме как довериться мне? Быть может я здесь хозяйка, и твое дальнейшее продвижение по твоему пути зависит от моего каприза... Как тебе такой вариант?

– Хм, ты также можешь и обманывать меня с какой-то своей целью. Я же совсем тебя не знаю...

– Знаешь – рассмеялась девушка.

– И кто же ты?

– Помнишь Машу? А Таню вспомнил Маледикт? А еще многих девушек, о которых ты мечтал, о которых ты думал? Вспомни их всех!

– И кто ты? Катя? Вера? Маша?

– Не-е-е-ет, милый мой. Ты же ведь мечтал о стольких девушках, а теперь выбрал только одну... Или может она тебя выбрала? Так просто поманила пальчиком, а ты и побежал. А ей может теперь тот белый по вкусу придется, помнишь? Как, у неё в гареме вторым мальчиком будешь? А Маледикт? Хочешь да, таким подкаблучником быть?

– А если и хочу, то тебе какое дело?

– Да, правда чтоль хочешь?! А как же мужиком быть, чтоб везде и во всем за тобой последнее слово? Да и в гареме то второй мальчик знаешь, не всегда нужным бывает. Вот выкинет тебя эта Вика на помойку, и как хочешь! Ты как, согласен? – иронически протянула девушка, поглядывая на него.

– Тебя это не должно касаться.

– А почему? Я бы была бы твоей... Была бы царицей, днем была бы королевой, а ночью императрицей – рассмеялась она – помнишь, как мы этот фильм смотрели? Разве нам было плохо вдвоем?

– С кем?

– Да неважно, кто это был! Дело в том, что вот с этой Вико́й ты вот куда попал, как в живот копьё понравилось?

– Если это ради Вики, то мне и больше не жалко потерять.

– Не верю! Ты и мне и себе врешь! Да сам взгляни... – повела девушка рукой и на стене, за её спиной замерцало изображение, будто сзади неё был какой-то экран.

На этом экране Маледикт увидел Вику. Она сидела в салоне какой то машины. Салон был достаточно просторный.

Вика сидела рядом с местом водителя. За рулем сидел какой-то парень, по плечам его рассыпались длинные волосы белого цвета. Он что то сказал Вике, что – Маледикт е слышал, он мог только видеть происходящее. В ответ Вика рассмеялась. Потом изображение пошло волнами, а затем эту картинку сменила следующая – как Вика, абсолютно обнаженная, и рядом с ней в постели был... Кто это был – Маледикт не рассмотрел, лишь перевел взгляд на девушку, с такими красивыми, будто свежевывающий снег волосами, и взглянул с ненавистью в её глаза.

– Зачем ты показываешь это мне?

– Я же вижу ты слов не понимаешь... – договорить девушка не успела – Маледикт бросился к ней, молча, с какой-то холодной злобой, желая лишь...

Но в руках его очутился лишь пустой черный балахон.

– Я здесь, Маледикт – донесся из за его спины девичий голос. Маледикт обернулся, и увидел, как эта светловолосая стояла у стены абсолютно обнаженная, дразня и маня его своим великолепным телом.

– Ну, как тебе такой поворот событий? – рассмеялась она, и Маледикт ощутил, как желание охватило его со страшной силой. Он медленно подошел к ней, и взял её руки в свои. В ответ девушка победно улыбнулась. Глядя на него, она слегка прикрыла глаза, а потом вновь взглянула на него, обжигая взглядом горящих страстью глаз... Она слегка повела плечиками, по её телу прошла соблазнительная дрожь, казалось

от этого движения она раскрыла свое тело еще больше, хотя казалось это было невозможно, и показалась более соблазнительной, хотя и уже Маледикт прямо таки тонул в этом соблазне, что она изливала на него.

– Ну же... – простонала она – миленький, у нас все получиться, ну... давай смелее...

Маледикт придвинулся к ней ближе, вдыхая её тепло, в глазах у него начало мутиться, и мир плыл перед глазами, и он уже не видел ничего, кроме сияющей кожи прекрасной девушки со снежными волосами перед ним. Все кроме её глаз, влекущих и манящих стало несущественным в этом мире. Она прижалась щекой к его щеке, шепча что-то ему на ухо, и эта щекотка от её шепота просто сводила Маледикта с ума, а ощущение жара её обнаженного тела заставляло его сильнее сжимать её руку своей, а второй рукой крепко обнимать её за талию, прижимая к себе. Со стоном она вцепилась в его одежду, пытаясь сорвать её с его тела, одновременно теснее прижимаясь к нему...

– Кто ты? – хрипло произнес Маледикт, проводя пальцами по её гладкой и нежной прохладной коже.

– А зачем ты спрашиваешь? – тяжело дыша произнесла она.

– Ну скажи мне пожалуйста...

– Я твой идеал – страстно шепнула она ему на ухо и тут же громко застонала – рука Маледикта с силой сжала её руку, так, будто бы он хотел сломать ей руку.

– Говори быстро, ГДЕ ВИКА? – прорычал Маледикт.

– А как же... а... не-е-е-ет... почему ты так поступаешь?! – прокричала она.

– Меня не интересует, что тебе нужно, мне нужна только Вика – зло произнес Маледикт.

– Да ты вспомни – снова простонала она – как ты у пустынных в клетке сидел, весь разнюнился, что и все ради этой Вики?!

– Ах ты опять ту же песню завела! – рыкнул Маледикт.

И вновь его охватило ощущение того, будто бы он куда то переносится, что его несет куда-то волна...

В себя он пришел уже в какой-то подворотне. Он явно находился в городе – вокруг стояли дома, такие же как и те, которые он видел постоянно, шумели машины. В городе уже явно темнело, и Маледикт стоял в полумраке, прислонившись к стенке.

– Эй, ты куртку оборонил – протянул ему кто то его куртку, ту самую, которую ему дал Готара. Автоматически Маледикт взял её, лишь потом удивленно спросил – А ты кто?

– Я вот так, помочь тебе хочу. Помогаю собственно – отозвалась стоящая рядом с ним тем, похожая на одетого в длинное пальто человека, лица его не было видно в полумраке.

– Ну, спасибо.

– Да не за что. Порадовал ты меня сегодня Маледикт, порадовал, не то слово.

– Это чем это? И откуда ты меня знаешь?

– Знаю, думаешь, я тебе просто так помогаю, и даже имени знать не буду?

– Ясно...

– А порадовал тем, что девку эту турнул, это ты правильно сделал, а то бы все насмарку.

– Да кто эта девка хоть была то? – раздраженно поинтересовался Маледикт.

– Ты сам – рассмеялась фигура.

– Это... как это? – не понял Маледикт

– А вот так. Твои это были сомнения, страхи, переживания всякие. Не каждый встречу с таким выдерживает, ломаются люди быстро.

– А много таких ...

– Да нет, тех, кто их так сказать вживую видит то мало. А то, кстати, еще сложно сказать, что сложнее – бороться с такими сомнениями вживую или вот когда они к тебе вживую выходят.

– Да уж – протянул Маледикт.

– Не да уж, а давай не отлынивай, тут дальше надо будет идти.

– Куда?

– Слушай, ты у нас новое в мироздание, что-то такое неопишваемое и удивительное, тебя аж Готара испугался – рассмеялся незнакомец в пальто – сориентируешься, будь спокоен.

– Ну хорошо – надевая куртку проговорил Маледикт – а

ты сам то кто?

– Узнаешь еще – отозвался тот ему – ладно, я пойду, тебя потом уж подберут. А пока вылазь давай из подворотни, и иди вперед, там увидишь куда дальше.

– Спасибо за точные и подробные указания – проворчал Маледикт.

– Да не за что – рассмеялся незнакомец – бывай, еще увидимся.

Сказав это, он повернулся и вышел из подворотни. Маледикт вышел вслед за ним, отстав всего на пару шагов, но, как он и ожидал, выйдя на улицу обнаружил, что она совсем пуста.

– Позер – пробормотал Маледикт, и направился вверх по улице, вспоминая свое приключение, переживая его вновь в своем воображении. Ну что же, он может собой гордиться – он победил свои страхи, но зачем его подвергли таким испытаниям, и кто этот незнакомец в плаще, на этот вопрос ему никто не давал ответа. Все что придумал Маледикт сейчас – это было идти и идти дальше по улице, а ответы на вопросы уж найдутся.

По крайней мере, в это хотелось верить.

– Маледикт! – крикнула Вика, видя, как его тело исчезает в дрожащем мареве, пронзенное копьем монстра с горящими зелеными глазами. Ураш захрипел, оседая на асфальт, истекая густой зеленой жидкостью из ран, нанесенных ког-

тями оборотня – видимо, кровью.

– Что ты сделал с ним?! Что?! – крикнула Вика, вцепившись руками в морду Ураша, пачкая руки зеленой кровью.

– То... что... был ... должен... – прокашлял зеленоглазый, содрогаясь всем своим могучим телом – видимо рывок к Маледикту, исчерпал все его силы.

– Говори подробнее – прорычал Готара, схватив за плечи Ураша и хорошенько его встряхнув – ну, говори, падаль! И я прикончу тебя быстро! Живо!

– Готара – попытался рассмеяться Ураш, харкая зеленой кровью – ты же... помнишь... кто... я... кто... меня прислал... кому я служу... Готара... моя смерть... не станет смертью... это будет новым началом... я служу... Коловращению... как и... ты. После всего...

Говоря последние слова Ураш неожиданно задрожал, подернувшись маревом, и исчез в воздухе, оставив лишь лужу зеленой крови на асфальте, и брызги на когтях оборотня и на руках Вики.

Некоторое время Вика молча смотрела перед собой, оглушенная произошедшим. Потом она с каменным лицом посмотрела в оскаленную морду оборотня. Тот не выдержал, и отвел взгляд от неё.

– Что случилось, Готара? Почему это произошло? Кто он? Кому вы оба служите? И где теперь Маледикт? – хлестко произнесла Вика.

Услышав её последний вопрос, оборотень отскочил от

неё, будто она его ударила.

– Отвечай, Готара! – потребовала Вика, но оборотень молчал в ответ.

Некоторое время они стояли молча, глядя друг на друга. Потом оборотень опустил глаза, и стал меняться, и вскоре перед Викторией стоял прежний Готара, в своем человеческом образе.

– Я не знаю, где теперь Маледикт – тяжело проговорил он – Ураш перенес его куда-то... и я не знаю, куда.

– Он сказал, что вы оба служите одному и тому же хозяину – кто он? И что ему нужно?

– Я не знаю... Сложно сказать, что ему нужно, и я не служу ему – яростно произнес Готара, подняв взгляд – да, он помог мне, когда лишь ступил на тот путь, по которому ступаю теперь! Да я выполнил ряд его просьб! Но теперь мы сполна разочлись с ним! И я ему не служу!

– Да кто такой он, а, Готара?! Ты можешь мне сказать?! – крикнула Вика, взглянув в пылающие глаза оборотня.

– Нет... я связан обязательствами... я не могу их нарушить даже теперь...

– Ну хоть что-то ты мне можешь сказать? Ты же пережил разлуку, и что, теперь ты желаешь такой-же судьбы и другим?

– Нет... не желаю...

– Так почему ты молчишь? Чем тебе угрожает он, кем бы он ни был?

– Он аспект... одна из основ... могучий дух, может быть, или же просто сущность. Они поступают так, как считают нужным, и как то нужно Извечному Коловращению. Но почему они поступают так, и зачем, я не знаю...

– Это бог?

– Не знаю, Вика – тяжело произнес оборотень.

– Да что вообще происходит? Почему это происходит с нами, а? Почему? – заплакала Вика, уткнув лицо в ладони

– Почему?

– Успокойся, Вика, прошу тебя, пожалуйста – увещевал её оборотень. В ответ Вика лишь плакала, не в силах остановиться.

– Пойдем, пойдем, я уж тебя то доведу, куда вас обоих вел, а уж там то что-то прояснится, обещаю тебе, Вика, все будет в порядке – говорил он, пытаясь хоть как то утешить плачущую девушку.

Так они и шли вдвоем, пока не вошли в какое-то помещение, зайдя в которое, Вика перестала слышать уличные шумы. Вокруг воцарилась неестественная тишина.

– Что это, Готара? – спросила она.

– Узловая точка, как я и говорил, здесь все немного по иному. Увидишь, тут странно, конечно, по первому разу, потом привыкнешь. Отсюда мы найдем выход, вот увидишь.

– Какой выход, Готара, куда? – проговорила Вика, утерев слезы.

– К твоему парню, думаю, выйдем уж как ни есть а вый-

дем. Эти сущности, аспекты в Коловращении они не злые ведь... просто так ничего не сделают, ты уж мне поверь. Незачем им вас разлучать, так что встретитесь еще.

– Готара – тяжело произнесла Вика – ты это сейчас говоришь, чтобы меня утешить, или ты на самом деле так считаешь?

В ответ оборотень потупил взгляд – он не знал, что ответить девушке.

– Быть может, тебе надо пойти с нами – произнес рядом с ними мелодичный женский голос. Он принадлежал девушке небольшого роста, с очень бледным лицом и черными волосами, цвет которых слегка отливал синевой. Лицо её абсолютно ничего не выражало, будто бы было неживым, что, тем не менее, не портило общей красоты её лица – а говорившая была поразительно красива. Настолько же восхитительной, как и её лицо была и её фигура – девушка была идеально сложена. Она была почти идеальна, одетая в черное, словно бы слегка выцветшее платье, которое словно оттеняло своей брэнностью совершенство той, что носила его. Но несмотря на то, что выглядела девушка очень молодо, что то в ней говорило о том, что она уже многое повидало на своем веку, или, быть может, стоило бы сказать веках? Теперь, после всего, с чем столкнулась Вика, её не удивило бы, что эта девушка прожила дольше, чем иная королевская династия в мире, дольше, чем любое человеческое царство, а в том, что девушка была не человеком, Вика почему то не сомневалась

– что ей подсказывало, что та, на кого она смотрит человек не в большей степени, чем её спутник-оборотень. Вика горько усмехнулась, подумав про себя и о себе – а останется ли она человеком, когда все её странствия и испытания наконец закончатся?

– Прочь от неё, упырь! – рыкнул неожиданно Готара, ощерившись на говорившую.

– Почему ты указываешь мне, оборотень? – не изменившись в лице отозвалась девушка.

– Я защищаю девушку, а ты её уже пытались нападать такие, как ты! Не думаю, что от тебя ей стоит ожидать чего-то хорошего.

– Хорошее, плохое, все относительно для каждого, тебе ли не знать? Я предлагаю ей то, что ей сейчас необходимо, то, что она должна получить.

– Что он тебя послал? – недоверчиво проговорил оборотень.

– Никто меня не посылал, я решаю свои вопросы, и поступаю так, как считаю нужным, оборотень.

– Тогда, почему я должен довериться тебе сейчас? Ведь ты можешь счесть нужным и что-либо крайне неприятное для меня и для неё.

– Я не требую, я даже не прошу, чтобы ты доверял мне оборотень. Я предлагаю девушке пойти со мной, в мое убежище, где она найдет, то что потеряла.

– Что?! Маледикт у тебя?! Но как?! – воскликнула Вика,

и сердце её забилось сильнее, когда она услышала эти слова.

– Она врет, Вика, не иди с ней, прошу тебя! Даже Ураш никогда не сотрудничал с упырями! Никогда! Поверь мне, уж я знаю Ураша. Он не может быть у неё!

– Я не говорила, что Маледикт у меня, оборотень – произнесла темноволосая – я сказала, что Вика у меня сможет найти то, что она потеряла.

– Я потеряла только Маледикта! – произнесла Вика – Он самое дорогое, что я теряла когда-либо. Что еще может быть для меня столь дорогим, о чем мне жалеть? О какой потере?!

– Сейчас ты даже не помнишь, что ты потеряла – произнесла темноволосая – но ты поймешь это когда найдешь вновь.

– Кто даст гарантии, что ты не лжешь, упыриха? – рявкнул оборотень, казалось, он в любой момент готов превратиться и кинуться на бледную темноволосую девушку – я знаю, как ваш брат охоч до свежей теплой крови. Ты запросто можешь солгать, дабы насладиться таким изыском, как кровь нового неизвестного создания, такого, каким является Вика.

– Не все вампиры таковы, оборотень, и твоя ненависть лишь следствие твоих животных инстинктов, твоей природы хищника, которая не терпит рядом с собой иных хищников. Я открыто и честно признаю, что я хищник и убийца – Ты нет. Ты пытаешься строить из себя добряка, своего парня, зная, что люди не примут тебя, как одного из них, зная и сам, что ты не примешь людских обычаев и законов, но упорно

продолжая лгать всем, и в первую очередь самому себе! И после этого ты будешь говорить о лжи? Я прожила дольше, чем иные оборотни, и даже дольше иных миров. Ты не первый оборотень, которого я повидала на своем пути, и я знаю, какими ужасающими жадными до крови созданиями вы можете становиться.

– Пусть так...

– А раз так, то прекрати кричать о моей лжи и называть меня упырем, оборотень! Вика, пойдешь ли ты со мной, чтобы обрести потерянное или останешься слушать сказки оборотня, который не знает ничего о тебе, и том, что сжигает твою душу и ничем не может тебе помочь?

– Я... пойду – неожиданно для себя самой произнесла Вика – я хочу найти Маледикта, и чтобы я не нашла, все это приведет меня к нему, даже если... мне придется погибнуть ради этого.

– Твоя любовь велика – склонила перед ней голову темноволосая – и то, скольким ты готова пожертвовать вызывает уважение даже у меня – древнего вампира. Но отринь страх – никто не потребует твоей жизни... или же твоей крови взамен. То, что должно быть сделано будет сделано. Идем же! – и она протянула Вике свою бледную изящную руку. Вика взяла её в свою, ощутив ледяной холод этой руки, ступая вместе с девушкой-вампиром, имени которой она не знала. За спиной она услышала глухое рычание оборотня, но она не стала оборачиваться, чтобы посмотреть на него – только

что её любимый у неё на глазах исчез куда-то, быть может, он погиб, а это было тяжелее расставания с оборотнем.

Тем временем, в стене возникло сияние, странного света, похожего на свет полной луны. Это сияние окружал каменный портик, украшенный фигурами молящихся монахов. Все это сооружение возникло будто бы из ничего. Вампир и Вика шагнули в него, и на мгновение мир потемнел перед глазами Вики...

... Она пришла в себя, стоя перед темной заброшенной церковью. Перед церковью виднелось множество старых могил, увенчанных массивными каменными памятниками и крестами. Её провожатая стояла рядом с ней.

– Зови меня Серена – сказала она Вике.

– Серена, что ты хочешь показать мне, что мы будем делать в этом месте? – спросила Вика.

– Это место – моё убежище. Старая заброшенная церковь, где люди похоронили свою веру, как и они сами похоронены на церковном кладбище. Здесь обитаю я – вампир, ибо, где жить вампиру, как не в месте, где умерло почти все, но может быть жива... надежда.

– Надежда? – удивленно переспросила Вика.

– Да – произнесла в ответ Серена, неотрывно глядя в темные окна церкви – как ты думаешь, как я стала столь древним вампиром? Ты думаешь, я пила много крови, и выпила столько, что обрела некую сверхъестественную силу, с которой стала воистину бессмертна и непобедима? Глупо

было бы искать спасение на этом пути. Но я верила, я надеялась, что место в мире найдется для меня. Сквозь все испытания, что выпали на мою долю, до моей смерти и после неё, меня вела надежда. Не всегда мой путь был таким, каким представляют его себе романтики – букеты черных роз, которые дарят на встрече при полной луне элегантные любовники, романтика, сладкие грезы, и лишь несколько капель крови, оттеняющих и придающих особый шарм наслаждению бытием. Ты помнишь Краснобая? – неожиданно спросила она Вику.

Та вздрогнула, вспомнив горящие синие глаза упыря, струящийся из него гной, трупные пятна на его лице, и его жуткий вой потусторонний твари, которым он оглашал округу сражаясь с оборотнем... Как же давно это было, казалось, целую жизнь назад.

– Вижу, что помнишь – проговорила Серена – он тоже могущественный вампир, хотя и менее сильный, чем я. Ты видела, каков он внешне. Согласись, его внешний вид далек от того чувственного юноши с гладкой белой кожей, каким видят вампира девушки, которые читают книги и смотрят фильмы о вампирах?

– Но почему он таков? Ведь ты совсем иная. Ну, по крайней мере, внешне – удивилась Вика.

– Он упивается силой, которую дает вампирам смерть и могила. А ведь это еще и некоторые внешние отметины разложения и гибели. И поверь, Вика, для вампира упоение

собственной силой, куда более притягательно, чем любое из наслаждений, доступных людям, и уж куда дороже, чем любые косметические эффекты, которые возникают, когда сила вампира являет себя взорам смертных гордо и открыто. Но с годами, желание упиваться этой силой отступает, и вампир все реже и реже показывается взорам смертных. Самые древние из вампиров не являются скрытыми в ночных тенях благодетелями человечества, или же тайными правителями, или попросту ужасающими полночными злодеями. Нет. Мы живем в местах подобных этому, не таясь, так как люди и сами ничего не ищут в тех местах, что когда влекли к себе массу адептов, все равно каким бы учениям или иным культурам бы они не принадлежали. Человек быстро забывает то, что еще вчера было для него чаянием всех его надежд. И мы остаемся жить среди брошенных людьми игрушек, так же, как хозяйничают в этих местах дожди, ветер, и солнце и луна. Мы скорее часть неживой природы, чем некие злобные или благодетельные создания, Вика.

– А почему же оборотни вас так ненавидят?

– Как я и говорила, оборотни чувствуют в нас хищников подобных им самим. Готара же старался защитить тебя, он помнил Краснобая. Оборотни могут убедить даже себя в том, что они хорошие ребята, и они стараются забыть, что они живут, держа в себе зверя, а может быть и зверь держит их... Кто знает... Оборотни также различны между собой, как и люди, как и вампиры, как и любые другие создания в

Извечном Коловращении.

– Вы все постоянно говорите о нем, Серена. Но почему этот порядок так обошелся с нами, со мной и Маледиктом? – имя своего любимого Вика произносила с дрожью и тоской в голосе.

– Так просто сложилось, Вика, единственное, что я могу тебе ответить. Этот порядок не есть какой-то человек, который сидит и решает, кому и что суждено, все случается так, как оно случается. Мы все части Извечного Коловращения и мы все творим его, а оно творит нас, или мы отвечаем ему, а оно отвечает нам. Все запутано так, что имея многие сотни и тысячи лет, чтобы наблюдать все это, ты не разберешься, кто прав, а кто виноват, и как чьи-либо поступки ведут к прекрасным или ужасающим последствиям. Прими это, Вика, просто прими, мой тебе совет. Раз тебе это открыто, то тебе придется с этим жить. Пути назад нет. Если это с тобой случилось, то это случилось. А теперь, идем! – и Серена двинулась к темной заброшенной церкви ступая по вымощенной булыжником дорожке, мимо могил к большим двухстворчатым дверям.

При её приближении двери распахнулись, впуская девушек внутрь. И так они шли, мимо скамей, большая часть которых уже разрушилась от времени, и подошли к кафедре, с которой некогда вещал священник. Пройдя мимо кафедры, Серена нажала какую-то кнопку у стены, после чего часть пола отъехала в сторону, открыв вход в подвал. Оттуда донес-

лась какая-то знакомая мелодия, которую кто-то наигрывал на пианино. Прислушавшись, Вика узнала сонату Лунного Света Бетховена. Кто мог бы играть её в этом месте? Под печальный звон клавиш Вика и Серена спустились вниз, после чего вампир нажала еще одну кнопку, отчего люк наверху закрылся за ними. И они пошли дальше по каменным коридорам, освещенными неяркими огоньками свеч. А мелодия все не смолкала и не смолкала. Проходя мимо одной из комнат, Вика увидела пианино, за которым сидел скелет, который сосредоточенно наигрывал сонату снова и снова.

– Серена, кто это? – спросила Вика.

– Он хотел вечно жить, чтобы играть эту мелодию... Я не знаю кто он, я не знаю его имени... Но он пришел сюда, чтобы жить вечно, в месте, где все умерло... Я не знаю есть ли еще дух в этих костях, не могу даже представить, что скрывается в них. Но он просто сидит и играет здесь на пианино, и я не мешаю ему. Если ему нужно так мало для вечной жизни, почему бы не оставить его здесь? Иногда я даже завидую ему – ведь все так просто в его вечном бытии – нет ни порывов, ни ослепляющих страстей, есть лишь ноты и клавиши для вечной музыки, струящийся сквозь века его бытия... Иногда я даже думаю, а не стала ли я такой же, как он? Может ли быть такое, что вся жизнь, все то существование, что я веду быть тем же, чем соната Бетховена, исполняемая скелетом? Кто знает, может и вообще все на свете можно свести к таким простым вещам, как ты считаешь, Вика?

В ответ Вика промолчала, и так некоторое время они с Сереной стояли у пианино, глядя, как костяные пальцы пианиста снова и снова выводят мотив старинной музыки. И Вика глядя на него размышляла над словами Серены о том, что может быть все, что делают люди, вся их извечная борьба и стремления, что повторялась в разных вариациях изо дня в день, из года в год, из столетия в столетие быть лишь тем, что есть эта соната, которую годы, а может и века наигрывает скелет на пианино, и который быть может уже не знает ни о чем, кроме нот этой сонаты, повторяя их вновь и вновь. Может ли это быть, а если может то как изменить это, чтобы люди стали чем-то большим, чем...

А надо ли это делать, можно ли это делать? – спрашивала себя Вика – и что я могу сделать для этого, если я теперь не человек, а... но кто же я тогда?

Вика увидела, как в комнате, на шатком старом кресле сидит кто-то еще – фигура, очертания тела которой и само лицо скрывал темный балахон. А они с Сереной все стояли и стояли, слушая сонату...

Потом серена поманила её и они пошли дальше по коридору, оставив молчаливую фигуру в темных одеяниях слушать сонату, которая не смолкала, быть может, уже тысячи лет...

А потом они вошли в комнату, где стояли лишь несколько стеллажей, полных книг, невысокая кровать в гулы, и больше ничего.

– Это моя комната, Вика. Здесь и живет одно из самых могущественных созданий во многих мирах – негромко засмеялась Серена – как видишь, это не сияющий дворец, и не погруженное во тьму и готическую романтику логово. Просто комната, по соседству с вечным музыкантом, под заброшенной церковью.

– Очень мило – зачем то сказала Вика.

– Да брось, я знаю, что люди бы не стали жить здесь, да я и не стремлюсь звать кого-то к себе, гости редко бывают у меня.

Неожиданно в комнату вошел тот, кто вместе с ними слушал сонату. Фигура облаченная в балахон подошла к Вике, будто хотела ей что-то сказать, но почему то не могла этого сделать.

– Ты потеряла одного человека, Вика. Он ждал тебя здесь все это время. Он мог бы умереть, но он остался жить. Но он смог бежать лишь сюда, и все это время он терпеливо ждал тебя, и наконец, дождался. Но узнаешь ли ты его теперь?

– Маледикт! – бросилась к нему Вика, чтобы обнять его, потерянного любимого... Но её руки прошли сквозь него.

– Нет – печально произнесла Серена – ты не узнала его, значит, ты еще не нашла этого человека, хотя он и нашел тебя, упрямый, и привыкший добиваться своего.

– Но кто он? – воскликнула Вика – кем он может быть?

Неожиданно, она почувствовала в себе какую-то пустоту, будто что-то важное ушло из неё. Что-то... но что? И кто

этот человек в балахоне? Она не видит его лица, но что-то в нем кажется знакомым, будто бы она где-то видела его и неоднократно, и знает его уже очень давно. Кем же он может быть?

– Серена, скажи мне кто это.

– Я не могу, Вика. Ты должна сама узнать его. Только так и никак иначе. Я встретила его, я привела тебя к нему. Но вот узнать его ты должна сама, иначе никак.

– А если я его не узнаю? Что тогда?

– Тогда в это месте, где умерла вера, умерла любовь, умрет один дорогой тебе человек. Он умрет, потому что ты его позабыла и навеки он останется слушать сонату, оплакивая потерянную жизнь.

– Я не могу... кто он, Серена? Кто он? Я чувствую, как дорог мне этот человек, но я ведь не могу его даже обнять, а ведь я вижу его, он пришел ко мне...

– Откуда? Ты помнишь?

– Да. Он пришел из комнаты, где сидел скелет и играл сонату... Он появился там, когда я думала о том, кто я теперь.

– Он появился именно в этот момент отнюдь не случайно, насколько я успела его узнать.

– Но, Серена, почему же он явился именно в этот момент?

– Я не могу тебе сказать. Ты должна понять это сама. Или быть может ты уже поняла это, но не можешь сознаться самой себе в том, кого ты забыла и кого ты потеряла?

– Серена, ты говоришь загадками, и почему он молчит?

Одно его слово, только одно, чтобы я могла наконец-то узнать его и вспомнить, кто он.

– Он не скажет... Ты должна вспомнить, Вика только так.

– Серена, неужели тебе неведомо сострадание?

– Я не человек уже много лет... многое прошло пред моими глазами...

–Ах! – Вика задохнулась от возмущения и бессилия, понимая что она ничем не заставит Серену помочь ей, а тот, кто почему то ей дорог навек останется в этом месте.

Так они и стояли все трое молча. Вика отчаянно вглядывалась в очертания фигуры, облаченной в балахон, пытаясь рассмотреть его лицо, увидеть хоть какую-нибудь черточку, которая бы напомнила о том, кто же такой этот человек. Она даже попробовала сдернуть капюшон с его лица, но её руки прошли сквозь ткань балахона и голову человека, не встретив ни малейшего сопротивления.

А соната между тем близилась к своему финалу, клавиши зазвучали более пронзительно, эхом отдаваясь в мятущейся душе Вики.

– Не узнала? – спросила её Серена.

– Нет – грустно ответила Вика.

– Так – Серена повернулась к фигуре что-то слушая, будто бы человек в балахоне говорил ей что-то, чего Вика не могла слышать.

– Вика – сказала Серена – этот человек просит передать тебе кое-что, что ты забыла, как ты забыла и его.

После этих слов человек в балахоне протянул руку Вике, сжимая в ней что-то. Вика приняла это, ощутив пальцами гладкий корпус и несколько проводков с утолщениями на концах.

– Это плеер. Это же мой плеер. Откуда он у тебя? Неужели ты это... – произнесла это, Вика снова попыталась сдернуть капюшон с лица фигуры, но на этот раз капюшон поддался её усилиям и открыл Вике лицо, которое она так часто видела...

–... Я – ответила она, улыбаясь Вике улыбкой, которая была ей так хорошо знакома – её прежней улыбкой, которая так очаровывала Маледикта – солнечной лучистой улыбкой.

– Я уж думала, Вик, что ты совсем меня забыла, во всех этих передрыгах несложно и свое имя забыть, а? – подмигнула она ей... или самой себе.

– Удивительно – произнесла Вика, перебирая проводки наушников.

– Да ничего удивительно тут нет. Просто ты забыла саму себя, о том кем ты была, какой тебя любили. Вот почему с Маледиктом пришлось расстаться. Но теперь то уж встретитесь, точнее, встретимся – улыбнулась Вика в балахоне, толкнув саму себя в плечо.

– А с ним что? – спросила Вика с плеером и в куртке.

– А он сам расскажет, я не знаю если честно. Я ж тут сидела, думала, когда ты сюда явишься.

– Ну хорошо – улыбнулась Вика в куртке, ощущая, как к

ней возвращается бодрость и уверенность, как будто бы она шла на встречу с Маледиктом, или бежала утром по парку с этим самым плеером в ушах, навстречу пробуждающемуся миру, рождающемуся заново в сиянии утра. И мелодия Бетховена звучала теперь по иному, обретая новые оттенки. Теперь Вика все воспринимала иначе, будто бы заново родилась. Или, может быть, она просто вспомнила себя, нашла заново.

– Скажи – обратилась Вика к самой себе, одетой в балахон – а когда я потеряла... себя?

Вместо ответа та загадочно улыбнулась – Не важно теперь, сейчас важно лишь, что ты это ты, а я это я.

В самом деле, не важно когда ты теряешь, важнее то, что ты, наконец, находишь, то, что ты потерял. А особенно важно это, когда то, что ты потерял это сам. Теперь Вика понимала это ясно, и она улыбалась самой себе, не разделяя и не думая во что она одета – в балахон, или в же в кожаную куртку.

– Серена – обратилась Вика к вампиру, стоявшей рядом – а почему я оказалась именно здесь, у тебя?

– Ах, Вика – вздохнула Серена, с усталой улыбкой – место, где я нашла себе убежище символично, ибо здесь умерли людские чаяние и надежды, а после них умерли и сами люди. Люди часто ищут что-то, стремясь заполнить себя чем-то. Но когда проходит время, любой человек осознает, что заполнить себя невозможно, не убив и не растоптав при этом са-

мого себя. И тогда, то, что осталось от человека устраивается отдохнуть... навсегда, или же умирает. Но иногда можно найти себя заново, и необязательно сворачивать горы, чтобы найти ту тропинку, что приведет тебя к самому себе. Часть помочь тебе в этом могут простые вещи, такие, как твой плеер Вика – завершила свою речь Серена.

– Ну а плеер то тут причем? – удивилась Вика.

– Для тебя он не просто проводки с батареей в пластиковом корпусе, это ведь еще и воспоминания, о том, что ты делала, когда с тобой был этот плеер. Можно вспомнить многое по маленькому знаку... и одна дождинка напомнит нам о дожде, а поцелуй о любви – проговорила Серена нараспев.

– А с чего ты так заговорила, Серена?

– А... да просто так – засмеялась вампир – иногда хочется поговорить так.

– Итак, себя я нашла, но все таки хотелось бы чтобы и Маледикт нашелся, а то я вот тут жизни радуюсь, а он что? – вспомнила Вика.

– А за него не беспокойся, найдется, никуда не денется, встретитесь, все будет хорошо. Ведь его же не просто так от тебя утащили, уж поверь, он тоже должен был кое-кого встретить.

– А кого именно? Тоже сам себя потерял?

– Ну, может быть и так... Я всего не знаю, Вика, кто знает...

– А кто же знает, Серена?

– Ну кто-то может и знает. Кто-то все это устроил, да так, что я оказалась втянута, а я ведь я уже давно не выходила никуда. Так что, этот кто-то есть, и уверена, он себя еще покажет.

– Ты знаешь, кто это может быть?

– Ну есть подозрения, но не буду тебе говорить, уж не обижайся. То, что этот знающий себя явит, для меня все всяких сомнений. Тогда посмотри в глаза ему и спроси, зачем он в это затеял, ответ тебя ошарашит – засмеялась Серена.

– Это почему это?

– Скажу так – меня этот ответ в свое время едва убил своей простотой и... легкомыслием.

– Легкомыслием?!

– Ну а что, Вика, думаешь всякие треволнения случаются от того, что кто-то серьезно сидит и все планирует, как бы всем пострашнее сделать? Не-е-ет, Вика, если это не какая то человеческая интрижка, которую люди для своих целей затевают, то всерьез это никому не нужно, причина проста, так же как и последствия. Последствия простые, но от этого не легче – задумчиво улыбаясь, проговорила Серена – Я говорю это так спокойно, хотя это исключительно из за всего того, что я увидела и пережила, я накопила большой, пожалуй, даже неограниченный, запас спокойствия, и даже некоторого цинизма.

– Ну, в общем, тебе переживать не нравится – понимающе кивнула Вика.

– А кому легче от того, что ужасный страшный вампир будет сидеть и переживать?

– Да, в самом деле...

– Вот и хорошо – заулыбалась Серена, показывая свои немаленькие клычки – так теперь, Вика, что-то подсказывает мне, что тебе пора.

– Куда?

– Навстречу дальнейшим испытаниям и приключениям.

– Ну-у-у-у-у... Да, Серена, ты права, я тут чуть была не осталась у тебя. Думаю не стоит стремиться выселять тебя из твоего дома?

– Мудрые слова, Вика – удовлетворенно произнесла Серена – глядишь, через сто-двести лет мы с тобой еще встретимся, и, может, напишем книгу мудрости и всяких умных высказываний.

– Звучит заманчиво – прищурилась Вика.

– Ладно – направилась к выходу из комнаты вампир – пора тебе пойти и набраться опыта, чтобы твоя глава не получилась короче, чем моя.

– Ну, если такое случится, я сделаю маленькую приписку в конце, что это я тебя всему научила.

– Да ты я вижу, хищник похлеще иного вампира.

– Ну, это ж я! – улыбнулась Вика.

Серена в ответ покачала головой, закатив глаза, но ничего не сказала в ответ, направляясь вместе с Викой к выходу из своего убежища, проходя снова по каменной дорожке,

теперь освещенной светом луны, но теперь эта луна не говорила о вечной ночи, скорее она говорила, что утро настанет, утро, когда начнется новый день, и новые дороги откроются перед тем, кто захочет пройти по ним.

А Вика?

По каменной дорожке шла лишь Вика, одетая в куртку, на ходу вдевая в уши бусинки наушников, и Серена. Когда ты обрел вновь самого себя незачем рядиться в разные одежды, верно?

Верный броневик Джестера катил по ночным улицам города, которого сам Джестер не знал. Впрочем, дорога была чистой – ночное время, как никак, так что никаких препятствий не возникало. Лишь иногда редкие зеваки останавливались, чтобы взглянуть на его не совсем обычную машину. Город в целом походил на его родной город, но что-то в этом было не так, или, точнее сказать, не то. В общем, не смотря на внешнее сходство, город определенно был чужой.

– Так – подумал вслух Джестер – а что это я сюда приехал? Что я тут делать то буду?

Льющаяся из динамиков Lacuna Coil с песней Swamped не ответила на его вопрос.

– Так – продолжил свои размышления наш беловолосый герой – может остановиться где-нибудь? Кофейку там попить, или еще чего? Может тогда в голове проясниться и я хоть что-то сам сделаю, а то кидает меня кто-то то туда, то

сюда, и не разберешь, чего ж от меня надо! Так, что это там у нас? Барчик какой-то, да еще и открытый. Что? Так он еще и чистый? Ну, это просто восхитительно! Прямо для нас приготовлено. Значит остановим броневик тут... надеюсь, не угонят... Впрочем в Огнегорье он от меня не ушел, и сейчас думаю останется, а то жалко будет. Так, припарковался, знака хоть нет? Вроде нет. Ну вот и хорошо! – с этими словами Джестер вылез из броневика, направившись к призывно мигающему огнями вывески бару.

Войдя в бар он услышал раскаты музыки, оглашавший бар. Музыка, Впрочем, была приятная, да и играла не слишком громко. Подпевая песне *Smaller God*, Джестер прошел за один из свободных столиков, и заказал крепкий кофе у подошедшей официантки. Та удалилась. Джестер в ожидании заказа сидел, рассматривая колоритный интерьер заведения. А внутри было, на что положить взгляд – намеренно тусклый свет в помещении бросал отсветы на стены, художественно и явно нарочно изукрашенные различными надписями и плакатами с изображениями каких-то групп. Кое-где вместо ламп светили снятые автомобильные фары. Стены были украшены также и какими-то цепями, деталями от байков и автомобилей. В общем и целом, бар походил на какой-то рекерско-байкерский притон. Обстановка Джестеру в общем нравилась, так что он не отказался бы остаться здесь на некоторое время, да и потом заходить почаще. А уж если тут кофе хороший, то можно считать, что он попал туда, ку-

да ему нужно.

– Эй, я подсяду? – раздался рядом с ним хрипловатый голос, и, не дожидаясь приглашения, патлатый тип в длинном потрепанном кожаном пальто опустил на сидение напротив него.

– А ты собственно, кто будешь, раз уж подсел? – осведомился Джестер.

– Что, не знаешь? – хмыкнул тот – ну оно и понятно, я же тебе тачку не собственноручно пригнал. Вот и не знаешь – засмеялся парень.

– А, так ты броневилок мой пригнал! Ну, спасибо за подарочек, очень уж удобный, что и говорить.

– А то, Джестер, я старался, музыку вон подбирал. Уверен был, что оценишь.

– Оценить то оценил, еще раз спасибо. А все-таки, кто ты такой?

– Я-то? Хем, ну давай объяснять буду. Вот ты Норгус помнишь?

– Забудешь её, ага!

– Ну вот я нечто похожее.

– Это как?

– Норга она у нас основа мироздания... или аспект... за некоторые явления отвечает.

– И за какие же? – изумился Джестер.

– Не поверишь, если скажу – ухмыльнулся говоривший.

– Скажи, проверим.

– Она за любовь отвечает – сладостно улыбнулся собеседник Джестера, так и не назвавший своего имени.

– Чего? – отвесил челюсть Джестер.

– Да, да, именно так. Любовь это ж не только цветочки и серенады, как некоторые считают. И не прелюдия к сексу – рассмеялся негромко патлатый – это чувство очень сильное, если то конечно истинная любовь, настоящая, и чувство, скажу иногда даже страшное. Ну, по тебе видно, что ты это понял – хмыкнул говоривший – да и людей она меняет. Опять таки ты – очень уж наглядный пример – продолжал он потешаться.

Джестеру тем временем принесли его кофе, и, отхлебывая горячий напиток, оказавшийся, кстати на высоте, он слушал откровенно веселящегося патлатого.

– Ну, хорошо – проговорил Джестер – а ты у нас тогда кто?

– А я такой же аспект, как и она.

– Да ну, и за что ты у нас отвечаешь?

– Я-то? Я у нас жестокостями занимаюсь, насилием понемножку...

– Мда, час от часу не легче – протянул Джестер.

– Ты еще и не такое увидишь – ответил ему его собеседник.

– Ну а звать то мне тебя как? – поинтересовался Джестер.

– Зови... а зови Тзимицу – усмехнулся его собеседник.

– А-а-а-а, слышал что-то такое...

– Ну да, мне подходит – весело засмеялся Тзимицу.

– Ну, хорошо, Тзимицу, от меня то что вам обоим надо? И тебе и Норге?

– Ну ей для начала тебя надо, очень она тебя любит... Бывает у неё такое. А так... Ты этот мир помнишь, куда сначала попал? Где город такой, с зелеными лучиками и узорами был?

– Ну, помню.

– Вот тут она правит в этом городе... И в этом мире тоже, скажу тебе. Знаю, на рай для влюбленных не похоже. Да дело то в том, что там не любовь правит, а сама Норгус. Да и не то, чтоб правит, там просто все – и мужчины и женщины, влюблены в неё без памяти, вот оно как! Так что, живется там неплохо в городе, ну ты понимаешь – любовь объединяет, примиряет и все такое.

– И?

– Ну она и твой мир также благодетельствовать хочет – завершил свои рассуждения Тзимицу.

– Это зачем еще? – поперхнулся кофе Джестер.

– Зачем... а вот бывает аспекты пошалить ходят... ну и она также.

– Ну и шалости у вас...

– Бывает, я вот не особо шаловливый, знаешь ли – подмигнул Тзимицу.

– Нда уж...

– Ты кстати не думай. Мы никакие не боги, да и явления все эти могут и без нас происходить... Просто мы, как бы это

сказать... Оперировать ими умеем... Ну аспекты, они аспекты и есть.

– Так, а мне что надо помешать ей?

– Умный парень, прям на лету схватываешь! – обрадовался Тзимицу.

– И как я это сделаю?

– Да ведь она тебя любит, ты её тоже! Уж договоритесь как-нибудь. Ты у нас тоже не совсем человек, знаешь ли.

– Как?

– А что? Ты еще не заметил?

– А что я тогда, тоже аспект?

– Да нет... Ты... А не знаю я, кто ты. Кто-то ты определенно есть, но уж не человек это точно. Так что и попасть тебе к Норгус будет несложно, и достучаться попроще опять таки.

– Ну а один то я думаешь справлюсь?

– Да получиться у тебя все, не бойся. Думаешь, я Норгус не знаю? Да и кто сказал, что ты один будешь?

– А кто еще, ты чтоли?

– Да нет... Я сам как-то не особо. А вот пара ребят, таких, как ты, вот они то тебе и помогут.

– То есть как это, как я?

– Ну, они что-то такое же из себя представляют, как и ты сам.

– Чудненько... А как я их узнаю то?

– А скоро они придут, я вас познакомлю.

– Ладно. А скажи мне, Тизимицу...

– Что?

– Тебе то с этого какая выгода будет? Ты мир потом насильем и садизмом...

– Да нет, что ты! Я так, напакостить ей хочу, веришь, нет? – захихикал Тзимицу.

– Что, так просто?

– Как и все гениальное! Мы, аспекты, ребята простые и незатейливые. Я вот могу пошалить, но это больше другим аспектам пакостить... И все в общем то довольны! Так что не бойся, ничего страшного не случиться.

– Ох, и почему я тебе верю?

– А знаешь, что я не лгу, такое у тебя свойство.

– Да, что-то такое ощущаю...

– Ну, вот видишь! Кстати, вот и подошел уже кое-кто. Эй, Маледикт! – зычно крикнул Тзимицу, перекрикивая музыку в баре.

К их столу подошел парень, ростом примерно с Джестера, но волосы у него были русые, да и выглядел он более человеком, чем тот беловолосый и черноглазый, в которого превратился Джестер.

Поздоровавшись с обоими, он подсел за стол, и тоже заказал себе кофе.

– Слушай, а ведь я тебя видел – проговорил Маледикт, глядя на Джестера.

– Да, припоминаю что-то – ответил ему Джестер, вспоминая видение, охватившее его, когда он вел свой броневик

среди таинственных огней...

– А эта кто была там, рядом с тобой? – спросил Маледикт, спокойно глядя на Джестера.

– Норгус.

– А кто она такая?

– Да сейчас он тебе все объяснит – кивнул в сторону Тзимицу Джестер.

– погоди, сейчас последний из вашей банды подойдет и все расскажу, чтоб сто раз не повторять потом – замахал руками Тзимицу.

– А кто? – удивились оба парня.

– Да вот она, с Сереной идет – указал Тзимицу на входивших в бар девушек – одна одетая в потрепанное черное платье, бледная и черноволосая, другая с русыми волосами, стянутыми в хвост на затылке, одетая в кожаную куртку.

– Вика! – воскликнул Маледикт.

Вместо ответа Вика бросилась к нему, крепко обняв.

– Да вы, я вижу, знакомы? – усмехнулся Джестер.

– Да, а ты что хотел – хмыкнул Тзимицу.

– Так, а вторая как, тоже с нами? – поинтересовался Джестер, осматривая бар в поисках темноволосой. Велико же было удивление Джестера, когда он не нашел её в баре.

– Она у нас попроще девушка – успокоил его Тзимицу – ладно, раз все собрались, я уж тогда начну рассказывать, а уж вы все слушайте, потом вам надо дальше будет, уж не обессудьте.

После этих слов Тзимицу начала подробный рассказ, подробно описывая суть аспектов, и суть той проблемы, с которой им троим предстояло иметь дело.

– Ну хорошо – проговорила Вика – а мы то чем можем помочь? Вроде как Джестер все делать будет?

– А вы его прикроете. Помните город зеленый? Там эти вас бить пытались, но не абы чем били, а любовью, хотели вас влюбить в Норгус. А ничего не получилось! У вас такая любовь – при этих словах аспекта насилия Вика и Маледикт переглянулись и поцеловались – что вас так просто не взять никому, даже аспекту любви! Вот и прикроете!

– Ладно, в общем, все понятно – рассудительно проговорил Маледикт – а дальше как? Куда нам пойти? И кто мы теперь? Ты сказал, что мы не люди?

– Ну, как бы вам это сказать – замялся Тзимицу – давайте сначала ваш мир спасем, что за банальные слова я говорю, а уж потом разберемся. Я уж у других спрашиваю, там, сям гляну... Так что уж не бойтесь, просто так вас не оставлю.

– Ладно – протянул Джестер – когда выезжать то?

– Да кофе допейте, и все, по коням! А мне, с вашего позволения, пора теперь. До встречи! – при этих словах Тзимицу поднялся с места и пошел к выходу. Ребята проводили его взглядами, после чего внимательно взглянули друг на друга.

– Итак, мы вроде как знакомы теперь? – начал разговор Джестер

– Ну да – отозвались хором Вика и Маледикт, рассмеяв-

шись.

И затем между троими завязался разговор. Выяснилось, что все трое не только из одного мира, но даже имеют общих знакомых, и живут все они в одном городе.

Потом они рассказали свои истории, что каждому довелось пройти на этом пути, кто и что пережил.

Все трое неожиданно ощутили некую грусть... быть может от того, что их приключение подходило к концу, а что ждет их дальше, не было известно никому. Вспоминая все, что они пережили, ребята сходились во мнении, что все же их похождения были донельзя увлекательными, и втайне, все трое мечтали, чтобы произошло что-то подобное.

Они бы так еще долго сидели, но дорога не ждала, и стоило идти дальше, чтобы сделать то, что они должны были сделать. Почему? Вероятно, просто, потому что такова суть вещей. Да, да, теперь эти трое имели свое знание о порядке, об Извечном Коловращении, и быть может, скоро все трое найдут свое место в нем.

– Эх, ребятки, чувствую я себя так, будто бы мы уже много лет знакомы! – проговорил Джестер, выходя из бара и направляясь к броневикам.

– Ну есть между нами общее что-то – ответила Вика, залезая в броневик вслед за Маледиктом.

– Это уж точно, а теперь вот еще сделаем дело, и пойдем уж отдохнем по-людски, после всех этих приключений на одно место – засмеялся Маледикт – эй, Джес, а у тебя смотрю

неплохая подборка музыкалки тут. Прямо душа отдыхает...

– Да, это еще Тзимицу скажите спасибо, его работа.

– Да ребят – обратилась к парням Вика – я тут пока с Серенной возвращалась, остановились мы в одном связующем узле... или где-то вроде того... В общем там проводки ненужные нашлись... Пока ждала, вот фенечки сплела, три почему-то... Теперь понимаю, что неспроста это было – протянула она небольшие браслеты из разноцветных проводков Джестеру и Маледикту, одевая еще один себе на руку.

– О! Будет знак нашей банды! – засмеялся Джестер, увернувшись от дружеского подзатыльника Маледикта – о, да еще мне под цвет волос подходит – заметил он примеряя к своим волосам браслет сплетенный из трех проводков – одного белого, как и длинные волосы Джестера, второго золотистого, и третьего серебристого.

– Эх, что будет потом... – вздохнул Маледикт, глядя на дорогу, послушно стелющуюся под колеса броневика и на окружавший их ночной город.

– А тебе не все равно? – поинтересовался Джестер, прибавив громкости, и кабину заполнила песня Senzafine от той же Lacuna Coil...

Шаг седьмой: Не все так просто, как оно показалось.

– Джес, куда мы едем, ты знаешь? – поинтересовалась Ви-

ка, когда они выехали из города и пустились вдаль по пустынной ночной дороге.

В ответ Джестер пожал плечами – Куда-то мы точно приедем, я уверен.

– Не опоздаем?

– Еще вроде не опаздывали, ведь. Вот и теперь никуда наши приключения на одно место не денутся.

– Ты бы лучше рассказал, что ты с этой Норгус делать собираешься... Как Тзимицу сказал, вся основная то задача на тебя возложена.

– Эх, знал бы я сам... В голове полная каша сейчас. Не знаю куда идти, что делать, зачем вообще мне это надо.

– Ну, если не сделаем, то весь наш мир станет, как у тех чудиков в синезеленом городе. Как то у них все мрачно больно, не находишь, Джес?

– Ну и? А потом то что? А если я сейчас очухаюсь, и окажется, что все это сон или бред?

– Тогда мы будем в одной палате – засмеялся Маледикт, вступая в разговор – да ладно тебе, Джестер, не переживай ты так, все образуется.

– Да не переживаю я! Просто чует мое сердце, что если мы Норгус отвратим, что-то еще произойдет.

– Ты Тзимицу не доверяешь?

– Ну, он же у нас аспект насилия. Ты очень хочешь с ним почаще видаться?

– Но пока мы с ним были, он же ничего такого не пред-

принимал – заметила Вика.

– Да, и вроде не собирался. А так то кто его знает... Не даром же он именно насилием заведует, да и вообще... Чуждой он какой-то...

– Не человек же – задумчиво проговорил Маледикт.

– Да и мы то, как он сказал, тоже не очень то люди...

– А кто мы вообще?

– А кто знает...

Неожиданно музыка, что доносилась из динамиков и ожило радио. Из приемника донесся веселый голос, который все трое сразу же узнали – это был Тзимицу. Правда теперь он вещал с интонациями завязтого радио-диджея:

– Добрый вечер все те, кто не спит в этот поздний час! Сегодня мы рады приветствовать тех, кто включил наше радио, быть может, мучаясь от бессонницы в полночный час, или, быть может, направляясь куда-то на машине. В любом случае, мы рады, что вы тому, что из бесчисленного множества волн в радио-эфире вы выбрали именно нашу. Сегодня в студии я хотел бы поговорить с вами о проблеме, с которой, наверное, многие из вас сталкивались в жизни – о проблеме самовыбора, или может быть, о познании самого себя, когда ты не знаешь, кто ты есть на самом деле, и как же тебе себя называть, даже когда ты наедине с собой. Иногда мы задаем себе этот вопрос, по крайней мере, я уверен, что те слушатели, которые сейчас слушают нашу волну, сталкивались с ним. Люди могут искать вопроса, который привел бы их к

правильным ответам, или же искать ответов, на свои вопросы, и порою и на чужие, когда кто-то спросит их: «Кто ты?». На мир, в котором мы живем, не даст нам ответа на этот вопрос. А те люди, что зовут себя знатоками жизни, обманут не только вас, но и в первую очередь сами себя, говоря, что знают ответ на такой, казалось бы, простой вопрос. Ответ на такой вопрос скрыт в нас самих, и лишь заглянув внутрь самого себя, вы найдете все ответы, каких жаждали. Хотя, вспомним все, что я говорил вам перед этим, вы можете подумать, что и я вас обманываю, стараясь обмануть сам себя – при этих словах Тзимицу негромко засмеялся.

– Но, в любом случае, я лишь дал вам, мои слушатели совет, который ни к чему вас не обязывает, и следовать ему или нет – лишь ваша прерогатива. Кто знает, что вы увидите внутри себя... Будет ли это суровый архангел, что карает грехи своим пылающим мечом, или же маленький дьяволенок, что соблазняет вас своей кажущейся невинностью? Я лишь голос по радио, а не творец душ и не кузнец снов, чтобы сказать вам, кто придет на встречу, когда вы назначите свидание с самими собой. Быть может, кто захотел сказать, что я лжец и шарлатан, который обманывает своих слушателей, попусту тратя время тех, кто решил ночью включить радио, и не переключает канал. В таком случае, я прошу вас, чтобы вы сказали мне. Для некоторых наших слушателей, это будет очень простой задачей, а быть может и для всех, кто в полночный час слушает меня...

Неожиданно речь Тзимицу прервал гудок.

– Отлично, кто-то позвонил к нам в студию, и теперь я прерываю свой монолог, чтобы дать слово другому, кто может укоротить немного мой болтливый язык. Что скажете, вы, тот, кто не спит в полночный час?

– Привет, голос по радио – засмеялся в трубку женский голос, услышав который, Джестер вздрогнул.

– Что случилось? – хором спросили его Вика и Маледик-том.

– Это же Норгус! – изумился Джестер.

А Норгус между тем продолжала – Я рада, что смогла дозвонится до вас сегодня, друг мой.

– Признаться честно, и я рад услышать вас, в столь нестандартной ситуации – засмеялся Тзимицу.

– Да друг мой, хотя мы и стоим совершенно по разные стороны баррикад, и дела наши и поступки различны в своей сути, но есть в нас что-то, что нас объединяет

– Вы смотрите в самую суть – усмехнулся диджей.

– Как бы то ни было, но я тоже хотела бы присоединиться к вашим размышлениям, о том, что скрыто в нас, и что делает нас теми, кто мы есть. Почему вы не упомянули, о том, что любовь может сделать нас теми, кто мы есть, и даже открыть новые наши стороны, в то время, как наши собственные попытки раскрыть себя лишь все более и более затмевают наше «я»?

– Любовь меняет нас, в этом со мной согласятся все, кто

хоть раз любил, друг мой. А раз так, то как мы можем увидеть себя такими, каковы мы на самом деле, если все в нас изменилось. Я не скажу, что все стало хуже или лучше... Но просто стало иным?

– Иным... А вы уверены, что именно иным, а не настоящим, вдруг, лишь охваченные любовью, мы открываем себя такими, какими мы есть на самом деле?

– Вы читали Дюма? Он писал, что пьяных и влюбленных сам бог бережет. Если можно сказать, что любовь подобна опьянению, что одурманивает нас, то как она может раскрыть нас такими, какими мы есть на самом деле?

Вместо ответа Норгус рассмеялась – Дюма был человеком, а ведь все люди могут ошибиться, даже те, кого людская молва назвала мудрецами. Говорят, что вся разница между мудрецом и дураком вся разница лишь в том, что дурак делает что-то не задумываясь, а мудрец делает тоже самое, не раздумывая. Правду для себя каждый находит сам.

– Но прошу вас, вы же говорите, что вся правда, и сам человек в любви?

– Но разве это не может быть одним из ответов?

– Моя дорогая собеседница – засмеялся Тзимицу – это может, подчеркну, может быть одним из ответов. Но есть ли это единственный ответ на тот вопрос, что я задал сегодня вечером?

– А хотели ли бы вы услышать ответ? – усмехнулась Норгус, отчего мурашки побежали по спине Джестера.

– А, девушка, вы ударили меня сейчас ниже пояса – снова рассмеялся Тзимицу – быть может, все же сыграем по моим правилам, где каверзные вопросы буду задавать я?

– Только не говорите, что вы меня испугались.

– Конечно же нет... Но право, вы один из самых удивительных собеседников, кто звонил на наше радио...

Джестер неожиданно стал что-то искать в бардачке, не отрываясь от дороги.

– Что ты ищешь – спросила его Вика – ты веди машину, а то врежемся во что-нибудь, скажи мне, и я найду.

– Телефон – пробормотал Джестер – тут телефон должен быть, я должен позвонить туда...

– Так ты же не знаешь номера студии, ты собираешься позвонить в справочную и спросить номер телефона радио Тзимицу-FM?

– Вик, не говори глупостей, ты же видишь, как все складывалось у нас троих. Так что у нас и номер телефона будет, и сам телефон.

– Ой, да, вот он! – удивленная Вика достала из бардачка сотовый телефон – держи, Джес!

А радио тем временем продолжало вещать голосом Тзимицу:

– Полагаю, что наша беседа несколько затянулась, и мы, боюсь, нашей приятной беседой лишаем других слушателей возможности сказать что-либо по теме наших сегодняшних размышлений. Напоминаю, сегодня мы говорим о том, кто

или что мы есть, и как нам раскрыть себя в нас самих. Сейчас мы прервемся на небольшую музыкальную паузу, после которой мы продолжим разговор с вами, мой друг, и я надеюсь, что к нашему дуэту присоединится еще кто-то, кого, надеюсь, вдохновит замечательная композиция Emerald Sword, которая сейчас прозвучит в эфире нашего радио.

После слов Тзимицу в динамиках раздалась первые ноты музыки, сыгранной ударными и гитарами, и солист запел:

Crossed the valleys the dust of midlands
to search for the third key to open the gates
Now I'm near the altar the secret inside
as legend told my beloved sun light the dragons eyes
On the way to the glory I'll honour my sword
to serve right ideals and justice for all

Да так все было просто в этой песне – подумали все трое, что ехали в машине навстречу... А может и не надо было куда ехать? Быть может все они уже достигли места, где закончится эта история... или, быть может начнется следующая?

Кто знает, пока же лишь песня лилась дальше:

Finally happened the sun lit their eyes
the spell was creating strange games of light
Thanks to hidden mirrors I found my lost way

over the stones I reached the place it was a secret cave
In a long bloody battle that prophecies told
the light will prevail hence wisdom is gold

For the king for the land for the mountains
For the green valleys where dragons fly
For the glory the power to win the black lord
I will search for the emerald sword!

Да, все в песне казалось таким простым, как в сказке – найти волшебный изумрудный меч и одолеть им темного лорда.

Но сейчас, этот темный лорд сидел на радио и спорил с королевой любви. Да, несомненно этот Тзимицу, аспект насилия и жестокости был этим самым темным лордом. А Норгус, была самой любовью.. или же просто наиболее близка к тому, чтобы быть светлой королевой, во имя которой рыцари повергают темного лорда, грозящего волшебной стране. Но, почему не все так просто, и нельзя просто бороться с ним, а надо стараться спасти свой мир от любви? Так казалось бы прекрасно... и так ужасно, когда весь мир погружаться в бездну любви и страсти. Но тогда бы это значило то, что на полотне, картине, которую являет собой родной мир наших героев, исчезнут все цвета, какие были на нем, и останется лишь один цвет. Быть может очень красивый, но все же только один.

– Ведимир говорил... – проговорил хриплым голосом Джестер – что.. иногда надо и черные цвета добавлять... а еще что надо иногда чего-то тленного добавить, чтобы выросло то, что будет цвести...

– Ну и кто мы тогда? – задумчиво проговорил Маледикт – как нас назвать? Ассенизаторы леса чтоли? Как то не очень звучит.

– Уху... – задумчиво поддакнула Вика.

Неожиданно телефон у неё в руках зазвонил. От неожиданности Вика едва не подпрыгнула, но потом взяла трубку. В трубке раздался голос Тзимицу:

– Эй, ребята, что скисли так? Еще ничего не кончилось! Думаете, я просто так вещаю по радио? Я все жду, когда вы оживитесь. Да-да, именно так, жду ваших звонков!

– Подожди – сказав это, Вика включила громкую связь на телефоне, чтобы все могли слышать то, что говорил Тзимицу.

– А, связь включила, молодец, молодец. В общем, так, ребятушки, есть новости для вас. Насчет того, кто вы есть. По моим каналам посмотрел, поспрашивал. По всем признакам вы знаете кто?

– Кто? – хором спросили все трое.

– Ангелы вы! То есть вот все признаки ангелов у вас на лицо.

– А крылья? – недоверчиво спросил Маледикт.

– Будут. Но вот как то не совсем у вас по ангельски все,

так чтоли... В общем технически, вы ангелы. И еще в вас какое-то влияние городов чтоли. Вы у нас что-то вроде городских ангелов каких-то. Никто ничего не понимает, так что можете называть себя как хотите, вы у нас в первые такие, можете этим гордиться. И название себе придумайте, покрасивее, чтобы потом стыдно не было – засмеявшись при этих словах, Тзимицу повесил трубку.

Некоторое время, ребята сидели молча... По радио песня Emerald Sword без предупреждения сменилась другой. Что это за песня, узнал только Маледикт, который сказал, что это песня из одной компьютерной игрушки.

– Кстати там и про Тзимицу было, в этой игрушке – сказал Маледикт.

– Ладно – махнул рукой Джестер – что делать теперь то будем? Вот песня доиграет и потом? Да и как нам называться то?

– Ну, технически мы ангелы... – задумчиво проговорила Вика – технически... техноангелы какие-то.

– А мне нравится! – хмыкнул Маледикт – звучит так интересно и неординарно.

– Угу – скептически отозвался Джестер – впрочем, я ничего лучше придумать все равно не могу.

– А я то думала, зачем я эти фенечки из проводов сделала – засмеялась Вика – теперь вот вижу, что неспроста!

– Ну, все – решил Маледикт – будем ангелы в проводах! При этих словах все засмеялись, а песня тем временем

уже подходила к концу.

Джестер решительным жестом взял трубку, и позвонил по первому номеру, который был в записной книжке. После нескольких гудков он услышал приятный женский голос, который сказал «Соединяю» и Тзимицу по радио отозвался:

– О, кто-то еще дозвонился нам в час ночной! Здравствуй-те! Рады слышать вас в ночном эфире!

– Здравствуйте! – неуверенно проговорил Джестер.

– Здравствуйте снова! Итак, теперь в нашей дискуссии участвуют уже три стороны, неплохо. Представьтесь, пожалуйста.

– Джестер.

– Отлично, Джестер. Я слышу, у вас гудит мотор, вы сейчас в дороге, быть может с друзьями?

– Да это так...

– Замечательно! Не могли бы вы рассказать о вашем опыте поиска самого себя, своего второго «я».

– Ну... я пережил многое, прежде чем нашел его по настоящему... Иногда мне казалось, что я брежу, но я встретил самого себя, который рассказал мне о том, кто я и каков...

– Удивительно! То есть вы имели встречу с самим собой?

– Ну можно и так сказать.

– А ваши друзья?

– Они тоже имели подобные встречи.

– И как? Как вы пережили встречи с самим собой? Что вас удивило, или быть может даже шокировало?

– Лично меня встреча с самим собой очень изменила... Особенно внешне.

– Интересно – проговорил Тзимицу, продолжая их разговор так, будто бы он и не звонил только что им по телефону, рассказывая об ангелах – а ваши друзья? Они также изменились?

– Нет, они остались прежними.

– Скажите, Джестер, мы только что разговаривали о любви, и о том, как она влияет на человека, и помогает ли она ему раскрыть себя, увидеть себя такими, какими мы есть на самом деле. Вы могли бы чтонибудь сказать об этом?

– Мне сложно об этом сказать.. но мои друзья были в месте, где все влюблены... Очень странное место, где, наверное, нет места людям, таким как мы с вами.

– То есть вы говорите о том, что любовь это ужасно?

– Нет, что вы, конечно же нет. Просто любовь, это еще не все. Кроме всего на свете еще остаемся мы сами, такие какие мы есть.

– Очень интересно. А каков вы? Вы можете описать себя одним словом?

– Я техноангел.

В ответ Тзимицу засмеялся – Интересное определение...

Неожиданно по радио раздался голос Норгус – Джестер, Джестер, это ты?

– Да это я, Норга! – воскликнул Джестер.

Видя его волнение, Маледикт и Вика заставили его оста-

новить машину, чтобы он и в самом деле куда-нибудь не врезался. После чего Вика сжала его руку, а Маледикт похлопал его по плечу, пытаясь успокоить

– Джестер! Джестер! Не молчи! Я так скучала по тебе! Ты пропал! Как ты? С тобой все в порядке?

– Да, спасибо, что беспокоишься обо мне... Я в полном порядке...

– Ты встретил своих друзей?

– Да, хотя было все несколько иначе, чем я думал.. чем я представлял, ну в том видении...

– А разве это важно? Главное, что хорошо то, что хорошо кончается, верно? – спросила его Норгус.

– Да, ты права, Рита – назвал её Джестер тем именем, которым привыкли называть её многие в их компании.

– Рита... Ты так давно не называл меня этим именем... Ты так изменился, с тех пор, как все началось, а Джестер?

– Да, пожалуй это так.

– Скажи, кто прав из нас, когда мы говорим о любви? Я или Тзимицу?

Тзимицу по радио даже рассмеялся, когда услышал это.

– Ну что ты смеешься? – с укором спросила его Норгус.

– Да так, интересная радио-дискуссия у нас выходит.

– А что тебя удивляет?

– Меня удивляет то – неожиданно для всех сказал Джестер – что мы все знаем, кто мы есть, и о чем мы разговариваем. Но мы зачем то разыгрываем тот никому не нужный

спектакль. Зачем? Для кого?

– А мы уже кончили его разыгрывать – расхохотался Тзимицу, видимо, окончательно перестав изображать из себя радио-диджея – кстати, Вик, Маледикт, тоже можете говорить, мы вас слышим.

– Тзимицу, хватит паясничать, и объясни, в чем тут дело – потребовала Вика.

– Да ни в чем особенно. Сейчас мы делаем то, что должны.

– То есть ты имеешь в виду...

– Ну да, именно так. А вы чего ждали? Всяких там дешевых спецэффектов, с огненными морями, ужасными чудидищами и прочее? Зря – хихикнул Тзимицу – Очень зря. Все гениальное, как люблю говорить, просто.

– Но... – начал Маледикт.

– Что «но»? То что судьба вашего мира решается не в эпической битве, а в простом разговоре, разросшемся из скромной радио-беседы несколько символично...

– И чем? – фыркнул Маледикт.

– Часто простые вещи имеют необыкновенную суть, или связаны с необыкновенными вещами. А простые и безобидные поступки ведут к колоссальным последствиям. Ничто не проходит просто так, как рябь по поверхности воды.

Все трое сидели молча, ошарашенные столь неожиданным поворотом дискуссии.

– Ну хорошо – первым овладел собой Джестер – и что теперь от меня то нужно? Или от нас троих?

– От вас ничего... – устало проговорила Норгус – ничего страшного не происходит, чтобы вам нужно было вмешаться, кого то спасать, ну или что-то в этом духе.

– А ведь кто-то хочет объять своей любовью весь мир! – протянул Тзимицу.

– Друг мой, у вас с головой не все в порядке – усмехнулась Норгус.

– У вас обоих с головой не в порядке – заметила Вика – спорите тут о чем то, кто что хочет непонятно, да и хочет ли кто-то что-то вообще тоже вопрос.

– Вик, а ты как думала – спросил Тзимицу – думаешь, что мир поделен на черное и белое, и мы вот тут основы мироздания сидим с суровыми минами решаем, кто прав, а кто виноват? И что нам так все просто?

– Мда... – протянул Маледикт – нигде нет определенности, даже у вас.

– Кое-где есть – заметил Тзимицу.

– И где?

– Потом увидишь... может быть.

– Обнадежил.

– Ну а что ты от меня то ждешь? Я ж аспект насилия, я очень злой не хороший.

– Да уж хорошего в тебе мало – веско проговорила Норгус.

Неожиданно радио замолчало, и спор оборвался. Техноангелы еще некоторое время сидели, пытаясь докричаться до спорящих, но быстро поняли, что это бесполезно.

– Ну и что теперь будем делать? – спросил наконец Джестер – мир спасен или как?

В ответ Маледикт и Вика пожали плечами, не зная, что можно ответить на его вопрос. Никаких символов на небе не зажглось, и никаких знаков того, что что-то изменилось не было. Как же понять, что произошло, да и произошло ли что-то вообще?

– Куда поедем? – спросил Маледикт.

– Думаю вперед, пока еще этот путь вел нас верно – ответил Джестер, снова заводя мотор.

– А если приедем в наш мир, а он уже синезеленый? – спросила Вика.

– Значит, мы станем повстанцами, построим под землей город Зион, а потом пошлем меня посланцем в прошлое – с серьезной миной проговорил Джестер.

– А тебя почему?

– А я голый хорошо смотрюсь! I'll be back! Кто куда-то задевал темные очки? – зашарил Джестер у лобового стекла, смеясь.

Все трое рассмеялись.

В самом деле, что же им было делать теперь? Вроде бы они все сделали, что могли, хотя и не были к этому готовы. С другой стороны, чудеса ведь не приходят по расписанию, ты не можешь заранее приготовить дорогой костюм, чтобы подобающе одеться ко встрече чуда. Оно всегда явится тогда, когда ты его не ожидаешь.

Итак, Джестер снова завел мотор и они втроем поехали вперед по дороге, навстречу... Или может быть они просто ехали вперед, а уж дорого куда-то выведет.

Так они ехали и ехали вперед, пока неподалеку не показались ночные огни какого-то города.

– Смотри, кто-то голосует! – сказал Маледикт, увидев, что на дороге стоит какой-то мужик, который поднял руку, будто бы и в самом деле голосуя.

Броневику притормозил. Голосовавший подошел к броневика.

– Эй, ребята, вы куда едете? – спросил он низким голосом. Внешне он немного походил на Готару, каким его помнили Вика и Маледикт, но казался несколько старше, и лицо его выглядело более умудренным, чтоли. Но голос... Вика и Маледикт узнали его – это тот самый голос, который звал их к спасению из ночного кошмара в тумане, тот, что переместил их в Снежную Грозу. Да это был тот самый голос. А теперь они встретились... И техноангелы во все глаза смотрели на этого старого байкера, с сединой в длинных русых волосах и бороде.

– Узнали смотрю – усмехнулся тот – ну чтож вот и молодцы. Рад, что наконец-то с вами с глазу на глаз встретился, ребята.

– Кто ты? – хрипло спросил его Маледикт.

– Я можно сказать Баланс, его некое зримое воплощение. Вроде аспекта, но не совсем. В чем то с вами схож, в чем то

с ними.

– А зовут тебя как?

– Да так и зови – Баланс, чем плохо. Я вас как мог по этому пути вел, поддерживал, как мог опять же.

– Поддерживал? – дружно изумились трое техноангелов.

– Излишне многое мне дозволено, хотя и могу сотворить очень и многое. Но уж чем мог, в места в некоторые привел где-то подсказал, где как в общем.

– А теперь то нам что делать, Баланс?

– Я скажу так – теперь вам предстоит жить с новым знанием о том, как устроен этот мир, и что в нем есть того, и о чем многие люди даже не подозревают. Ну и разумеется в новом статусе, в виде техноангелов.

– А почему мы таковы? Почему техноангелы?

– А просто все – вы подобны духам городов, вы несете суть той идеи города, что есть в мироздании. Но вы также и объединяете и духи людей, что живут, любят и чувствуют. Чувствуют и мечтают о полете и красоте. Все это дано вам, зачем – мне неведомо. Вам уже говорили об Извечном Коловращении. В том, что вы появились есть и суть Коловращения, друзья мои.

– И теперь, мы будем что-то делать? Спасать там или как?

– Поймете со временем. Помните, я сказал вам, что вы отчасти подобны мне? А мне приходят знания, приходят силы, в общем, скучно не бывает – усмехнулся Баланс.

– Баланс, а скажи, есть ли кто-то или что-то над тобой?

Баланс улыбнулся – А ты сам как считаешь?

Маледикт не нашелся, что ответить.

– Ну, вот то-то же. Да, не беспокойтесь о Тзимицу и Норгус, эти аспекты таковы, немного может не в себе по людским меркам. Вашему миру ничего не грозит. А теперь, мне, наверное, пора идти, техноангелы.

– Постой, Баланс – остановил его Джестер – слушай, а зачем тебе одежда то такая, как у байкера какого-то?

– Удобно просто – усмехнулся тот в ответ.

– А скажи мне – попросила Вика – а куда нам теперь дальше?

– Видите вон тот город? Вам туда – это ваш родной город, вы вернулись домой.

– Неужели?!

– Да, так оно и есть. А теперь, я пойду.

Сказав так, Баланс повернулся к ним спиной, и двинулся в сторону леса, постепенно исчезая в темноте, пока не скрылся от глаз троих Джестера, Маледикта и Вики.

Обдумывая услышанное, они еще некоторое время сидели молча. Наконец, Джестер тронул педали, и машина двинулась вперед, с каждым оборотом колеса приводя техноангелов все ближе и ближе к их дому.

– Ну вот, ваш дом – проговорил Джестер через некоторое время, когда машина подъехала к дому Маледикта – сойдешь с ним Вика?

– Да, наверное... – задумчиво ответила она.

– Я тогда наверное дальше поеду... Прощаться не будем, увидимся ведь еще?

– Конечно – ответили они ему.

Маледикт пожал руку Джестеру. Вика помахала ему рукой, выйдя из машины. Заурчав мотором, машина Джестера, странно, когда она успела стать снова его машиной вместо того броневика, на котором беловолосый приехал в Огнегорье, в общем, эта самая машина поехала по пустынным вечерним улицам к дому Джестера. Сам он не изменился, оставшись все таким же с длинными белыми волосами и черными горящими глазами. Глянув на свое отражение в зеркальце, он усмехнулся. А потом он включил проигрыватель, который никто не трогал после того, как в нем неожиданно включилось радио Тзимитцу. Снова заиграла Lacuna Coil, се тот же Swampred. Джестер усмехнулся, прибавляя газу. Сейчас ему было нечего сказать, так что оставалось лишь одно – петь, и он подпевал музыке...

– Что делать будем, Вик? – спросил Маледикт, когда Джестер скрылся за поворотом.

– Для начала, поднимемся к тебе и поставим чай – решила Вика – пошли Маледикт! – дернула она его за рукав.

И в молчании они пошли в сторону подъезда дома. Кто знает, что ждало их в будущем? Но пока они вернулись домой, вот, что было важно.

Шаг восьмой: Прыжок.

Наступило утро, Джестер сидел у открытого окна с кружкой чая. Когда он приехал, то не смог найти в себе силы лечь спать, или, скорее ему не хотелось. Так он и просидел с этой самой кружкой всю ночь.

Он немного жалел, что не остался на ночь у Вики и Маледикта. Но, в конце концов, может им после пережитого надо просто побыть вдвоем? Хотя они вроде и не были против... Эх, что сейчас думать! Ночь то уже прошла, светает. А Джестер так и сидит у окошка, как в тот день, когда он... Который предшествовал тому дню, вечером которого все и началось.

Да, как же все удивительно получилось. В глубине души Джестер и правда мечтал о подобном, но не думал, что может случиться то, что случилось с ним.

Снова и снова перед его глазами вставали картины: встреча с Норгус, странный ритуал и ужасные создания, город, откуда он бежал в лес, Ведимир, болото и заброшенный город, Огнегорье, и, наконец, встреча с другими техноангелами и поездка по ночной дороге и беседа с говорящим радио.

Как же теперь ему жить дальше после всего, что с ним произошло с ним? Джестер понимал, что жизнь его больше не будет прежней. Ему, наверное, будет не хватать этих похождений, всех этих переходов между мирами.

Голова пухла. Быть может это оттого, что Джестер не спал всю ночь, а быть может от того, что что то в нем искало выхо-

да. Что-то иное, новое и необычное. Ну, разве может вся эта удивительная история окончиться просто так? Он что, так и просидит с кружкой так все оставшееся время. Баланс, конечно, говорил, что теперь у них троих пойдет такая жизнь, что скучно не покажется, но Джестеру хотелось чтобы что-то произошло сейчас и теперь.

Решение неожиданно пришло к нему – хочешь, чтобы что-то произошло, соверши сам это что-то. Что же он может сделать теперь? Взгляд Джестера упал на открытое окно...

Да, это именно то, что нужно, что он хочет.

Встав со стула, Джестер сделал несколько шагов к окну, все еще сомневаясь, а стоит ли...

И, наконец, он подошел к нему вплотную, ухватился за раму и прыгнул в раскрытое окно, ощущая, как воздух вокруг него зашумел в неистовой пляске ветра...

Но он не упал – за его спиной раскрылись сотканые из яркого белого, как и его волосы, света крылья. Крылья сделали взмах, другой, и вот Джестер мчался по утреннему небу, как ангел. Куда лететь – Джестер не думал, он просто летел и летел вперед, мчал куда глаза глядят, наслаждаясь этим ощущением полета, этой пляской неба и земли перед его глазами.

– Эй. Джестер, ты про нас то не забыл? – раздался веселый голос Вики рядом с ним.

И тут же они с Маледиктом подлетели к нему – Вика, взмахивая золотыми крыльями, а Маледикт серебряными.

– Смотри, Вика, у нас крылья прямо под цвет проводков на фенечке! – радостно воскликнул Маледикт.

– Я и говорила, что неспроста все – рассмеялась она в ответ.

– Эй, техноангелы! Куда же мы полетим теперь? – крикнул им Джестер, смеясь. Да все трое смеялись радостно, не в силах скрыть своего восторга от того, что они летят, а это значит, что чудеса продолжаются и сказке не пришел конец.

– А куда можно, Джес? – спросил Маледикт.

– Да полетели куда угодно, куда хотим! – весело крикнула Вика.

А внизу между тем заметили троих, мчащихся над городом, и люди поднимали глаза, смотрели на них, вскрикивали удивленно, показывали на них, ведь не часто увидишь такую картину, как трое, мчащиеся по небу в стремительном порыве.

Смеясь, трое друзей взяли за руки и понеслись вперед, исчезая в небе, прячась в облаках и выныривая вновь из них. И вот они скрылись от взоров людей...

Но все же многие продолжали смотреть в небо, вспоминая как трое друзей, которых соединили чудеса, добрые и не очень, исчезли в вышине. И в сердцах людей, многие из которых забыли о том, что такое мечтать, шевельнулось что-то. А кто-то вспоминал, о том, кто значил в его жизни больше, чем весь мир... И вот тогда сказка вошла в души людей вновь, напоминая о том, что в мире много чудес, которые

быть может и скрыты от глаз людей, но которые мы можем увидеть. Просто для этого надо хорошенько присмотреться.

А если присмотреться особенно хорошо, то можно увидеть самое большое и самое прекрасное чудо – это мы сами...

А тем временем битва кипела, и кипело она с яростью, которая неведома людям. Где же было поле этой битвы?

Быть может где-то вдали, в небесных высях, в иных мирах, или же оно было... в нас самих?

И с одной стороны воинство сияло красотой и мужеством, праведностью и силой – воинство отважных ангелов в сияющих одеяниях и с огненными мечами.

Их же противники, напротив, дышали грехом и ароматом запретного плода, который кто-то все же попробовал. Темное, пылающее пламенем преисподней воинство демонов противостояло ангелам.

И вел воинов Света архангел Михаил, через все поле битвы бросая вызов Вельзевулу, что рыча командовал легионами демонов.

И кипела та битва, что началась неведомо когда, и не знал никто, когда она кончиться...

Но вдруг замерли обе сражающиеся стороны. Что же остановило их?

Над полем битвы стремительно летели трое – парень с длинными белыми волосами и сияющими белыми крыльями

ми, другой темноволосый с серебряными крыльями, и, рядом с ним, девушка с плеером, за спиной которой были золотые крылья.

Смеясь от радости, летели они над полем битвы, где замерли сражающиеся ангелы и демоны, пораженные все, как один.

Джестер расхохотался, показывая обеим сторонам кулаки с отогнутыми средними пальцами.

– Прекрати дурачиться, Джестер! – смеясь, крикнули ему Вика и Маледикт.

– А ладно – весело ответил он.

И потом снова трое друзей мчали вперед, исчезая вдали над полем битвы.

А битвы между ангелами и демонами замерла – все были поражены тем, что они увидели только что и никто не знал, что же им ждать дальше...

И среди звезд вдаль мчали на своих сияющих крыльях техноангелы, и ничто не останавливало их стремительного полета. Проносились мимо них звезды и планеты, миры и светила, но они все также летели вперед, улыбаясь радостной улыбкой миллионам солнц и миров.

Но вот увидели друзья темную горы, что вздымалась посреди мироздания, гора не из камня, но из ночного неба.

Техноангелы опустили на ней, и замерли, рассматривая звезды и миры вокруг них. Многие миры лежали перед ними

и вокруг них. А они все смотрели и смотрели на них, упиваясь этим зрелищем, будто сладким вином или хмельным медом, не в силах оторваться.

– Вика, что у тебя в наушниках играет? – спросил Маледикт, услышав знакомую мелодию.

– Главная тема из игрушки Crusader.

– Удивительно подходит она к данной ситуации.

– И мне тоже так кажется – широко улыбнулась своей яркой солнечной улыбкой Вика.

– Эй, ребята – подал голос Джестер – у меня вопрос возник.

– Какой? – спросили его техноангелы.

– А что же мы дальше то делать будем?...